

Министерство образования и науки Российской Федерации
Сибирский федеральный университет
Российское общество социологов
Красноярское региональное отделение

В.Г. НЕМИРОВСКИЙ

**Регионы Восточной и Западной Сибири
в контексте социокультурных трансформаций
и модернизационных процессов в России
(2010 – 2012 гг.)**

Красноярск
СФУ
2012

УДК 316.334.52 316.752

ББК 60.5

Н 503

Рецензенты: д-р социол. наук, профессор Д.Д. Невирко;

д-р социол. наук, доцент С.В. Гришаев

Немировский, В.Г.

Н 503 Регионы Восточной и Западной Сибири в контексте социокультурных трансформаций и модернизационных процессов в России (2010–2012 гг.): монография. – Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2012. – 184 с.

ISBN 978-5-7638-2673-9

Монография посвящена анализу современных социокультурных трансформаций и модернизации в регионах Восточной и Западной Сибири. Данные процессы изучаются на фоне аналогичных изменений, происходящих в России в целом. Объектом более глубоких исследований выступает Красноярский край. Ситуация рассматривается в контексте тенденций трансформации существующей в настоящее время в России неолиберальной антиутопии. Представлена попытка выявить некоторые социокультурные аспекты будущей утопии.

Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Особенности формирования социальной структуры и развития социального капитала в Красноярском крае» № 11-03-00250.

Для научных работников, преподавателей вузов, студентов, работников органов управления.

УДК 316.334.52 316.752

ББК 60.5

© Сибирский федеральный университет, 2012

ISBN 978-5-7638-2673-9

Ministry of Education and Science of the Russian Federation
Siberian Federal University
Russian Society of Sociologists
Krasnoyarsk Regional Branch

V.G. NEMIROVSKIY

**Regions of Eastern and Western Siberia in the Context of
Social and Cultural Transformations and Modernization
in Russia
(2010 – 2012)**

Krasnoyarsk
SibFU
2012

УДК 316.334.52 316.752

ББК 60.5

H 503

Reviewers: Dr. of Science in Sociology, Full Professor D.D. Nevirko,
Dr. of Science in Sociology, Associate Professor S.V. Grishaev

Nemirovskiy, V.G.

H 503 Regions of Eastern and Western Siberia in the Context of Social
and Cultural Transformations and Modernization in Russia (2010 – 2012): monograph. –
Krasnoyarsk : Siberian Federal University, 2012. – 184 p.

ISBN 978-5-7638-2673-9

The book presents the results of the analysis of contemporary social and cultural transformations and modernization in the regions of Eastern and Western Siberia. These processes are studied in the context of corresponding changes in Russia on the whole. Here, Krasnoyarsk Territory is the object of an in-depth analysis. The situation is considered within the current trend of the transformation of a neoliberal utopia, existing in Russia nowadays. The book introduces an attempt to identify some of the social and cultural aspects of a future utopia.

The study is based on empirical research supported by the Russian Humanitarian Scientific Foundation under the grants “The specific features of the formation of social structure and the development of social capital in the Krasnoyarsk Territory” (scientific research program, grant № 11-03-00250a).

For researchers, university professors, students and policy makers.

© Siberian Federal University, 2012

ISBN 978-5-7638-2673-9

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	7
1. СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ КОНТЕКСТ СОВРЕМЕННОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ В РОССИИ	11
2. ПРЕДСТАВЛЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ О МОДЕРНИЗАЦИИ И ИННОВАЦИЯХ НА ФОНЕ ОБЪЕКТИВНОЙ СИТУАЦИИ В СИБИРСКИХ РЕГИОНАХ.....	19
3. СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ РОССИИ С ПОЗИЦИЙ ИНСТИТУАЛИЗАЦИИ УТОПИЙ И АНТИУТОПИЙ.....	26
4. СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА АНТИУТОПИИ В РОССИИ В КОНЦЕ XX – НАЧАЛЕ XXI ВВ.....	38
5. ПОСЕЛЕНЧЕСКАЯ И СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ САМОИДЕНТИФИКАЦИЯ НАСЕЛЕНИЯ РЕГИОНОВ СИБИРИ	48
6. СОЦИАЛЬНЫЕ ОПАСНОСТИ И ПРЕПЯТСТВИЯ НА ПУТИ МОДЕРНИЗАЦИИ РЕГИОНАЛЬНОГО СОЦИУМА	53
7. СОЦИАЛЬНОЕ И МЕЖЛИЧНОСТНОЕ ДОВЕРИЕ ЖИТЕЛЕЙ РЕГИОНОВ СИБИРИ КАК ФАКТОР МОДЕРНИЗАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ	66
8. СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ РАЗВИТИЕ РЕГИОНА ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ И АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЙ НОВОЙ УТОПИИ (на примере Красноярского края).....	83
9. ОБРАЗ ЖЕЛАЕМОГО БУДУЩЕГО И ФРЕЙМЫ СМЕРТИ КАК СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ФЕНОМЕНЫ	108
10. ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ЖИТЕЛЕЙ КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ ОБ ОРГАНАХ ВЛАСТИ И ИХ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ.....	118
11. ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ЖИТЕЛЕЙ КРАЯ О РЕГИОНЕ И РОССИИ В ЦЕЛОМ.....	134
12. ПРЕДСТАВЛЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ РЕГИОНА О «ПОЛЕЗНОСТИ» РАЗЛИЧНЫХ СОЦИАЛЬНО-ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ГРУПП ДЛЯ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА	141

ЗАКЛЮЧЕНИЕ	148
ПРИЛОЖЕНИЕ	152

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящая монография посвящена анализу социокультурных трансформаций в контексте модернизационных процессов в регионах Восточной и Западной Сибири. В течение последних лет в России опубликовано немало исследований, посвящённых модернизации страны. Издан ряд программных статей, обнаружены выступления высших государственных руководителей по этой тематике. Предприняты некоторые конкретные решительные действия по модернизации страны. В этой связи логично возникает вопрос о результатах и перспективах модернизационной (как, впрочем, и инновационной) деятельности в нашей стране. Об «особости» России и её пути говорилось не раз. Но нельзя не учитывать, что Россия – огромная, поликультурная держава, состоящая из десятков административно-территориальных образований. Не секрет, что многие из них находятся на достаточно низком уровне социокультурного и экономического развития и требуют специальной поддержки, прежде всего, финансовой. Другие регионы традиционно выступают богатейшей природной кладовой для всей страны, сами же зачастую оказываются незаслуженно обделёнными. Это нередко приводит к обсуждению проблемы «сырьевых приращков России».

Важное место среди них занимает Сибирь, отличающаяся не только воистину неизмеримыми сырьевыми и территориальными ресурсами, но и весьма существенными социокультурными особенностями. Как они влияют на модернизационные процессы в России в целом, способствуют ли повышению их эффективности или, наоборот, выступают одним из тормозов на пути развития нашей страны? К формированию каких новых ценностей и форм поведения людей приводят модернизационные процессы? Наконец, как подобные процессы протекают в самой Сибири, исконно неотделимой, но весьма специфичной части российской территории? Как живут сегодня сами сибиряки? Лучше или хуже, чем другие россияне?

Ответить на эти и другие вопросы мы попытались в данной работе. Исследования, лежащие в её основе, осуществлены социологами Сибирского федерального университета с учётом Типовой программы и методики «Социокультурный портрет региона», созданной сотрудниками Центра изучения социокультурных изменений Института философии РАН. Программа и методика опираются на разработанный доктором филос. наук, профессором, чл.-корр. РАН Н.И. Лапиным социокультурный

подход¹, а также концепции и методы многомерного анализа социального расслоения российского общества, созданные доктором социол. наук, профессором Л.А. Беляевой². Были сформулированы и дополнительные индикаторы для изучения социокультурных и модернизационных процессов в регионах Сибири.

В исследованиях сочетались количественные и качественные методы сбора и анализа данных³.

Опрос населения был осуществлен методом формализованного интервью по месту жительства респондентов в 28 населенных пунктах Красноярского края, по стратифицированной многоступенчатой районированной квотной выборке, репрезентированной по полу, возрасту и уровню образования, случайной на этапе отбора респондентов. Репрезентативность выборки обеспечивается соблюдением пропорций между людьми, проживающими в населенных пунктах различного типа (районы крупного города, средние и малые города и сельские населенные пункты), половозрастной и образовательной структурой взрослого населения Красноярского края. Объем выборки в 2012 г. составил 1300 человек. Кроме того, был проведен экспертный опрос: в 2012 г. в Красноярском крае методом формализованного полуструктурированного интервью было опрошено 220 экспертов.

Выборочная совокупность исследования населения с помощью глубинного интервью была рассчитана исходя из половозрастной, территориальной структуры региона, а также с учётом уровня образования респондентов, тем самым выборочная совокупность репрезентирует население Красноярского края. Она составила 192 человека, проживающих в 22 населённых пунктах на территории Красноярского края, с которыми были проведены формализованные глубинные интервью в 2012 г..

¹ Лапин Н.И. Социокультурный подход к изучению эволюции России и её регионов // Регионы в России: социокультурные портреты регионов в общероссийском контексте. – М., 2009. – С. 15-40.

² Беляева Л.А. Проблемы и возможности многомерного анализа социального расслоения Российского общества // Регионы в России: социокультурные портреты регионов в общероссийском контексте. – М., 2009. - С. 41-64.

³ Исследования выполнены при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Особенности формирования социальной структуры и развития социального капитала в Красноярском крае» № 11-03-00250.

Для изучения социальных представлений населения края о своём регионе, России, федеральной власти и региональной власти в процессе проведения глубинного интервью использовался также направленный ассоциативный эксперимент. Ассоциативный эксперимент представляет собой метод, предназначенный для выявления существующих у индивида ассоциаций и первоначально был заимствован социологами из арсенала психосемантических методов⁴. В последние годы он широко применяется в социально-политических, маркетинговых, социокультурных исследованиях. В данном случае он оказался весьма эффективен для анализа социальных представлений жителей сибирского региона, поскольку ориентирован на выявление массового (или «социального») бессознательного респондентов, сфера которого частично «перекрывается» социальными представлениями.

В 2010 г. опрос населения Красноярского края также был осуществлен методом формализованного интервью по месту жительства респондентов (59 вопросов, заданных в доверительной обстановке, на дому у респондентов) в 28 населенных пунктах региона (в Республике Хакасия – в 11), по аналогичному типу выборки, репрезентированной по полу, возрасту и уровню образования, случайной на этапе отбора респондентов⁵. Её репрезентативность обеспечивалась соблюдением пропорций между людьми, проживающими в населенных пунктах различного типа (районы крупного города, средние и малые города и сельские населенные пункты), половозрастной и образовательной структуры взрослого населения Красноярского края и Республики Хакасия. Объем выборки в Красноярском крае составил 1000 человек, в Республике Хакасия – 600 респондентов. Данные анкетного опроса прошли экспертизу в Центре изучения социокультурных изменений Института философии РАН. Полученные материалы обрабатывались с помощью пакета прикладных программ SPSS с применением факторного и корреляционного анализа.

Кроме того, в ряде разделов монографии использовались результаты исследований, проведённых нами по аналогичной методике в 2011 г (опрошены методом формализованного интервью 1250 респондентов в Красноярском крае), а также экспертный опрос, который в 2010 г. был

⁴ Паутова Л.А. Ассоциативный эксперимент: опыт социологического применения // Социология 4М. – 2007.- № 24. – С.149-168; Сикевич З. В. Социологическое исследование: практическое руководство. – СПб.: ПИТЕР, 2005. – 250 с. и др.

⁵ Исследование осуществлено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 10-03 – 00001а.

посвящен изучению мнения 150 экспертов, проживающих в Красноярском крае. Он проводился методом формализованного интервью с помощью специально разработанной анкеты, включающей методику изучения характеристик базовых социокультурных типов регионов, разработанную доктором филос. наук, проф., чл.-кор. РАН Н.И. Лапиным⁶. В данном исследовании в качестве экспертов выступили преподаватели общественных наук в вузах (социологи, историки, политологи, экономисты, культурологи), видные представители СМИ, руководители крупных негосударственных компаний, представители общественного сектора, институтов гражданского общества. Опрошенные эксперты являются ключевыми «социальными агентами» и во многом влияют на процесс становления общественного мнения по важным вопросам функционирования и развития региона. Данные «агенты» активно включены в информационное пространство территории, отличаются наличием экспертного знания о социокультурном, политическом и экономическом развитии региона, в то же время эти персоны не задействованы напрямую в структурировании социально-политической картины региона (с позиции принятия административных решений).

Использованы данные, полученные в результате опросов по аналогичной методике в Алтайском крае (2010 г., n = 1200), Республике Хакасия (2010 г., n = 600), Омской области (2008 г., n = 1230), Новосибирской области (2010 г., n = 500), России в целом (2010 г., n = 1163)⁷.

Тем самым, в настоящей работе сочетаются количественные методы исследований (формализованное интервью, полученные в результате которого данные обрабатывались с помощью пакета прикладных программ SPSS с применением корреляционного и факторного анализа) и качественные – глубинные интервью и направленный ассоциативный эксперимент; для обработки полученных с их помощью данных использовался контент-анализ.

⁶ Социокультурный портрет региона. Типовая программа и методика, методологические проблемы/ Под ред. Н.И. Лапина, Л.А. Беляевой. – М., 2006. – 328 с.

⁷ Автор выражает искреннюю признательность руководителю российского проекта д-ру филос. наук, чл.-корр. РАН Н.И. Лапину и руководителям региональных проектов за возможность использования баз данных по этим регионам.

1. СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ КОНТЕКСТ СОВРЕМЕННОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ В РОССИИ

Модернизационные процессы в регионах Сибири обладают известной спецификой, однако их нельзя рассматривать вне общего контекста данных процессов во всей нашей стране, а также не учитывать при этом и важные элементы глобальной ситуации в мире. Более того, не будет преувеличением сказать, что Сибирь выступает важным фактором модернизации России в целом, как создающим благоприятные условия для его протекания, так и, в известной мере, способным оказывать на неё замедляющее воздействие.

Модернизация в современной России в наиболее общем плане есть не что иное, как попытка ответа на вызовы и риски, которые диктует современное состояние мирового социума. Не случайно в отечественной научной и публицистической литературе распространено мнение, согласно которому модернизация в нашей стране, как правило, носила вынужденный характер, диктовалась противодействием влиянию ряда негативных факторов, в т.ч. внешних. Нередко идёт речь о так называемой догоняющей модернизации. Поэтому трудно не согласиться с авторами доклада «Культурные факторы модернизации» в том, что современная российская модернизация – это не просто выбор элит, а жизненная необходимость. Или наша страна совершает прорыв в современную развитую экономику, делает ставку на новые технологии, обновляет всю совокупность социально-экономических отношений, или безнадежно стагнирует, теряя молодые кадры и растрачивая природные ресурсы. Однако победу в начатой игре на повышение никто не гарантирует. Начиная с 1950-х гг. почти полсотни стран объявляли о начале модернизации, и лишь каждая десятая из них предъявила успешный и стабильный результат, который можно рационально описать и объективно замерить⁸. Не случайно проблемы современной модернизации России активно привлекают внимание отечественных учёных.⁹

⁸ Аузан А.А. и др. Культурные факторы модернизации. Доклад – Фонд поддержки гражданских инициатив – Стратегия 2020 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.strategy-2020.ru/en/node/64>

⁹ Горшков М.К. и др. Готово ли российское общество к модернизации. – М., 2010.- 342 с.; Аринин А.Н. Модернизация России как условие ее успешного развития в XXI веке. М., 2008. - 319 с. и др.

Как известно, начиная со второй половины прошлого столетия в западной социологии активнейшим образом изучалась модернизация человеческого общества. Сформировались различные подходы и точки зрения относительно этого феномена. И тем не менее чёткая характеристика современной модернизации является невозможной без определения того места, которое занимает данная страна и её различные регионы на «шкале цивилизационного прогресса». Так, китайский учёный Хэ Чуаньцы выделил 10 основных теорий модернизации, которые за этот период возникли на Западе¹⁰. Вместе с тем им была разработана оригинальная теория модернизации (впервые опубликованная в 1998 г.), которая позволяет эффективно проанализировать как состояние, так и динамику модернизационных процессов в различных странах и их отдельных регионах¹¹. Как отмечают Н.И. Лапин и Г.А. Толсунян, «ключевой характер имеет выделение автором двух стадий модернизации: *первичной* и *вторичной*. Каждая стадия связана с соответствующей эрой цивилизационного процесса: первичная модернизация – с индустриальной эрой, вторичная – с информационной эрой, или эрой знаний. Каждая стадия включает четыре фазы эволюции: начало, развитие, переход к следующей стадии. Хэ Чуаньцы называет и третье состояние – интегрированную модернизацию, которую понимает как координированное развитие первичной и вторичной модернизаций»¹².

Следует согласиться с мнением этих авторов: «результаты фундаментальных и прикладных исследований китайских специалистов свидетельствуют о том, что и в России важно различать две стадии модернизации – индустриальную (первичную) и информационную (вторичную), а также различные фазы их динамики в разных по экономическому и социокультурному уровню группах регионов (субъектов Российской Федерации)¹³.

Опираясь на подход китайского учёного Хэ Чуаньцы, можно говорить о начале первичной модернизации как о вступлении государства на путь развития индустриального общества, а её завершение и переход ко

¹⁰ Обзорный доклад о модернизации в мире и Китае (2001 – 2010) / Пер. с англ. под общей редакцией Н.И. Лапина; Предисл. Н.И. Лапин, Г.А. Толсунян. - М.: Весь мир, 2011. – С. 236-239.

¹¹ Там же.

¹² Там же. Н.И. Лапин, Г.А. Толсунян. Вступительное слово к русскому изданию. – С. 8.

¹³ Там же. С. 11.

вторичной модернизации свидетельствуют о начале формирования постиндустриального (информационного) общества.

Отметим, что принято выделять два основных «параметра» модернизации: научно-технический (технико-экономический) и социокультурный. На наш взгляд, ведущую роль в осуществлении модернизационных процессов играют именно социокультурные факторы, действие которых может как открывать широчайшие просторы для эффективной научно-технической модернизации, так и серьезно тормозить, а то и просто полностью блокировать её. В этой связи нельзя не поддержать точку зрения члена-корреспондента РАН, профессора, д-ра филос. наук Н.И. Лапина: «При оценке достигаемого уровня требуется учитывать **человеческие измерения модернизации**, которые характеризуются не только статистическими данными об условиях жизнедеятельности населения, но и тем, как эти условия оцениваются самим населением (эти оценки можно получить с помощью социологических опросов). Процесс повышения их параметров есть **социокультурная модернизация**. Модернизированным можно считать такое состояние страны, когда величины этих измерений сбалансированы, а уровень каждого из них не ниже среднего для стран соответствующего мегарегиона человеческого сообщества; для России это европейско-российский регион»¹⁴. С учётом конкретных индикаторов социокультурную модернизацию Н.Е. Тихонова определяет как «процесс формирования при переходе к обществам индустриального типа новых нормативно-ценностных систем и смыслов, поведенческих паттернов и т. д., а также рационального типа мышления и внутреннего локус-контроля»¹⁵. Тем самым под социокультурной модернизацией подразумевается обычно *формирование новых систем ценностей, включая рост роли достигательных ценностей, распространение индивидуализма, рационального, что в совокупности создает базу и для*

¹⁴ Лапин Н.И., Беляева Л.А. От стабилизации к интегрированной модернизации России. Аналитический доклад центра изучения социокультурных изменений. С.16. – Интеллектуальная Россия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.intelros.ru/strategy/gos_rf/9462-ot-stabilizacii-k-integrirovannoj-modernizacii-rossii-analiticheskij-doklad-centra-izucheniya-sociokulturnyx-izmenenij.html

¹⁵Тихонова Н.Е. Динамика нормативно-ценностных систем россиян и перспективы модернизационного проекта // Вестник Института социологии РАН. - 2011. - № 3. – С. 12.

*формирования мотивации успеха, а также формирование нового типа мышления – новых социальных институтов*¹⁶.

Важно отметить такую особенность модернизации, как её неравномерность или нелинейность. Как указывают зарубежные классики социологического изучения модернизации Р. Инглхарт и К. Вельцель, «модернизация – процесс нелинейный, и динамика культурных изменений отнюдь не напоминает ровный путь от индустриализации к «концу истории». Изменения в культурной сфере меняют свою направленность в ответ на масштабные сдвиги в условиях существования людей. Так, начало индустриализации не ознаменовалось выраженным переходом к ценностям самовыражения. Более того, в некоторых доиндустриальных обществах личной независимости, составляющей основу ценностей самовыражения, судя по всему, придавалось даже больше значения, чем в индустриальных. В индустриальную эпоху первостепенное внимание уделяется накоплению материальных благ и экономическому росту, а массовое конвейерное производство требует слаженности и дисциплины, а не индивидуального творчества и самовыражения»¹⁷.

Действительно, как разъясняют свою позицию указанные авторы, поворот от ценностей индустриальной эпохи к постиндустриальным подрывает многие из ключевых институтов индустриального общества. В сфере политики распространение постиндустриальных ценностей приводит к ослаблению авторитета власти и усилению акцента на участии людей в общественной жизни и самовыражении. В авторитарных государствах эти изменения способствуют демократизации, а в демократических – ведут к утверждению «прямой демократии», менее элитарной и более конкретной. В любом случае переход к ценностям самовыражения, по их мнению, придаёт демократии более «подлинный характер»¹⁸.

На наш взгляд, весьма важно обратить внимание на тот факт, что, по мнению цитированных авторов, «модернизация в культурной сфере не является необратимой. В её основе лежит социально-экономическое развитие. А, значит, продолжительные и глубокие экономические

¹⁶ Готово ли российское общество к модернизации: Аналитический доклад / Рук. М.К. Горшков. – М.: Ин-т социологии РАН, Пред-во Фонда им. Ф. Эберта в РФ, 2010. – С.48.

¹⁷ Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия. – М. 2011. – С. 59.

¹⁸ Цит. соч. С.72.

неурядицы могут развернуть процесс вспять, что мы и наблюдали в 1990-х годах в большинстве постсоветских государств»¹⁹.

Существует и такой нетривиальный взгляд на модернизацию, который был выражен в нашумевшей на Западе работе известнейших учёных Д. Норта, Дж. Уоллиса и Б. Вайнгаста «Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества».²⁰ Из неё, по сути, вытекает, что наиболее успешные страны мира выступают исключением из общего естественного хода истории. Одним из следствий данного подхода служит представление о том, что нормальным является режим натурального, естественного государства, модернизация же «необязательная» задача, стоящая перед каким-либо государством, которую оно может как решить, так и не решить.

В самом деле, для России характерно существование объективных, «естественных» факторов сдерживания модернизации, «подталкивающих» её к существованию в режиме «натурального» или естественного государства. И громадные природные ресурсы сибирских регионов играют здесь немаловажную роль. В этой связи в некоторой степени можно согласиться с Д.В. Трубицыным, с точки зрения которого есть основания сомневаться, что факторами сдерживания модернизации России до настоящего момента являются культурные, ментальные особенности российского общества либо "правильный" или "неправильный" политический курс. Таким единственным фактором, по его мнению, выступает наличие почти неограниченных природных ресурсов, не активизирующее механизм модернизации. Напротив, модернизационный процесс в Китае, странах Юго-Восточной Азии и Японии, в Западной Европе начиная с XI-XII вв. обусловлен географической стесненностью и недостатком ресурсов для продолжения экстенсивного типа хозяйствования, чем является аграрное общество.²¹ Автор приводит данные учёных-экономистов, согласно которым сопоставления в межстрановых исследованиях показали ускоренное интенсивное развитие бедных ресурсами Нидерландов по сравнению с Испанией в XVII в. и

¹⁹ Инглхардт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия. – М., 2011. – С. – 72.

²⁰ North D., Walliss J.J., Weingast B.R. Violence and Social Orders: A Conceptual Framework for Interpreting Recorded Human History. Cambridge University Press, 2009. – 308 p.

²¹ Трубицын Д.В. "Модернизация" и "негативная мобилизация". Конструкты и сущность // СоцИс. – 2010. – № 5. – С. 7.

Японии по сравнению с Россией в конце XIX - начале XX в. В результате был сделан вывод, что для стран, в экономике которых доминируют природные ресурсы, характерны низкие темпы экономического роста.²² На наш взгляд, верно указывая на роль ресурсных факторов модернизации, данный автор всё же излишне гиперболизирует и демонизирует его.

Близкой, но более обоснованной и взвешенной позиции придерживается О.Н. Яницкий, согласно ёмкой характеристике которого модернизация ресурсной модели будет означать ускорение нашего отставания от Запада, потому что ресурсная модель нашего общества зиждется на достижениях третьей технологической революции (середина XX в.), а динамизм западного общества, основанный на информационных технологиях, все время возрастает. Ресурсная модель модернизации и основанная на ней модель потребительского общества не предполагают серьезных изменений в социальной структуре общества, в ее ценностных ориентирах. То, что является мотором модернизации – «впередсмотрящая элита» и связанный с нею слой инноваторов, - отсутствуют в данной связке. Всегда проще и эффективнее купить на Западе модернизированные технологии по добыче и переработке ресурсов и привлечь западных специалистов для их наладки, используя отечественную рабочую силу как временную и подсобную, чем создавать дорогостоящую школу подготовки своих ученых и технического персонала. Автор делает вывод, что при этом российские специалисты в массе будут деградировать или останутся на вторых ролях, а модернизации в соответствии с ресурсной моделью будет означать ускорение нашего отставания от Запада, потому что ресурсная модель нашего общества зиждется на достижениях третьей технологической революции (середина XX в.)²³.

Как считают авторы Аналитического доклада «Готово ли российское общество к модернизации», *наиболее вероятный в сознании населения сценарий развития России, определяющий ее положение на международной арене, – это все больший экспорт природных ресурсов, выполнение роли поставщика сырья для глобальной экономики. Кроме того, россияне возлагают надежды на культурный потенциал страны, а также на природную среду, способные привлечь туристические потоки. Те же роли, которые связаны с изменением структуры производства, развитием науки и наукоемкого производства, подготовкой новых*

²² Полтерович В., Попов В., Тонис А. Механизмы "ресурсного проклятия" и экономическая политика // Вопр. экономики. – 2007. – № 7. – С. 4 – 27.

²³ Яницкий О.Н. Социальные ограничения модернизации России // СоцИс. – 2010. – № 7. – С. 18-19.

*высококвалифицированных кадров для того, чтобы составлять конкуренцию другим странами мира, представляются россиянам гораздо менее вероятными, по крайней мере, пока не изменится та институциональная матрица, в которой решающую роль в развитии общества играет коррупция, где не обеспечено равенство граждан перед законом и т.д.*²⁴.

Признавая важную негативную роль «ресурсного проклятия» как препятствия на пути модернизации России, однако всё же исходя из посылки необходимости её осуществления, мы не можем не согласиться с тем, что модернизация начинается с правильного настроения. При этом особое значение имеет гуманитарная составляющая: ценности и принципы, мораль и мотивации, установки и системы запретов²⁵. По мнению авторов доклада «Россия XXI века: образ желаемого завтра», в начале текущего века России предстоит разрешить фундаментальный ценностный конфликт. Ресурсный социум, базирующийся на сырьевой экономике, традиционно располагает к освящению власти и государства – верховного распределителя («дарителя») благ. Вырабатывается отношение к населению отчасти как к обузе, отчасти как к возобновляемому ресурсу (расходному материалу) исторических свершений, титанических производств и т.д., вплоть до понимания социальной массы как предмета политтехнологических манипуляций. Складывается целая *цивилизация низких переделов*, культура недоделанности; сама наша страна оказывается вечной заготовкой под будущее правильное существование. Однако теперь и впредь попытки привычной для России модернизации ресурсно-мобилизационного типа не только бесперспективны, но и невозможны²⁶.

Как подчёркивает Н.Е. Тихонова, «социальная модернизация в России не просто не завершена – в последние десятилетия она фактически застопорилась. Это не может не отражаться и на реализации в России процессов культурной динамики»²⁷. Сказанное непосредственно относится и к регионам Сибири. Более того, социальные и культурные аспекты модернизации в них зачастую развиваются несколько иначе, нежели в Центральной России.

²⁴ Готово ли российское общество к модернизации. Аналитический доклад / Рук. М.К. Горшков. – М.: Ин-т социологии РАН, Пред-во Фонда им. Ф. Эберта в РФ, 2010.

²⁵ Россия XXI века: образ желаемого завтра. – М.: Экон-Информ, 2010. – С.6 .

²⁶ Россия XXI века: образ желаемого завтра. – М.: Экон-Информ, 2010. – С.6 .

²⁷ Тихонова Н.Е. Социальная модернизация и перспективы культурной динамики в России // Россия реформирующаяся: Ежегодник-2011/ Отв. ред. академик РАН М.К. Горшков. – Вып. 10. – М.; СПб.: Институт социологии РАН, Нестор-история. – С. 125.

Одну из главных ролей в разрешении вышеназванного ценностного конфликта в стране, связанного с ресурсным базисом отечественного социума, могут сыграть сибирские регионы, которые в настоящее время в значительной мере выступают ресурсодобывающей «кладовой» России. Поэтому и перспективы всей современной российской модернизации трудно оценить без соответствующего анализа социокультурной ситуации в сибирских регионах, а также социокультурных препятствий на её пути.

Описанный выше подход Хэ Чуаньцы, дополненный Н.И. Лапиным, позволяет проанализировать состояние стадий и фаз модернизации в различных регионах России, в частности Восточной Сибири. Совмещение его с анализом ценностно-смысловых изменений в региональном социуме на фоне общероссийских тенденций даст возможность глубже проанализировать процессы социокультурной модернизации в стране, его последствия и перспективы.

2. ПРЕДСТАВЛЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ О МОДЕРНИЗАЦИИ И ИННОВАЦИЯХ НА ФОНЕ ОБЪЕКТИВНОЙ СИТУАЦИИ В СИБИРСКИХ РЕГИОНАХ

Обратимся к объективным показателям модернизации российского общества. Как следует из представленной табл. 2.1, регионы СФО в среднем, как и Россия, достигли фазы зрелости первичной модернизации и до сих пор не приблизились к переходу ко вторичной. Подобная ситуация характерна и для страны в целом. По размеру индексов модернизации (ВМ, ПМ, ИИ) их средние значения по Сибирскому федеральному округу абсолютно совпадают со среднероссийскими показателями, а если сравнивать фазы стадий модернизации, то округ заметно отстает в своем развитии от среднероссийского уровня.

В Сибирском федеральном округе по уровню вторичной модернизации 8 регионов из 12-ти находятся ниже срединного уровня (Республика Алтай, Республика Хакасия, Алтайский край, Иркутская область, Республика Тыва, Забайкальский край, Республика Бурятия, Кемеровская область), Омская область достигла срединного уровня, Новосибирская область и Красноярский край превысили срединный уровень, и только Томская область находится на высоком уровне вторичной модернизации.

В соответствии с концепцией учёных из ЦИМ КАН, Россия может быть отнесена к среднеразвитым странам (по данным 2010 г. индекс вторичной модернизации составил 72 %). Как следует из табл. 2.1 данный показатель по регионам СФО в среднем 64 %, что позволяет сопоставить их по данному параметру с уровнем среднеразвитых стран мира, находящихся в интервале 52-79 среднемирового значения показателя индекса вторичной модернизации²⁸.

Можно предположить, что именно доминирование промышленного производства в ряде сибирских регионов по сравнению с иными сферами хозяйственной деятельности ещё долгое время будет служить тормозом на пути развития процессов вторичной модернизации. По сути, многие регионы Сибири продолжают выступать ресурсодобывающими и отчасти перерабатывающими «придатками» лежащих к западу от Урала

²⁸ Обзорный доклад о модернизации в мире и Китае (2001 – 2010) / Пер. с англ. под общей редакцией Н.И. Лапина; Предисл. Н.И. Лапин, Г.А. Толсунян. – М.: Весь мир, 2011. – С. 52.

территорий России, в ряде которых создаются более благоприятные условия для вторичной модернизации.

При этом нельзя не учитывать, что развитие вторичной модернизации в сибирских регионах тормозится процессами, которые описываются статистическими индикаторами, обобщёнными в индексе инновации знаний и в индексе качества экономики. Отметим, что первый характеризует эффективность научно-исследовательской, проектной и изобретательской деятельности, второй отражает индикаторы ВВП в регионе, а также степень развития нематериальной сферы хозяйства в нём.

Таблица 2.1

Вовлеченность регионов России в процессы модернизации, 2010 г.

Россия, федеральные округа, регионы	Уровни ВМ	Индексы			Фазы стадий, их значения	
		ВМ	ПМ	ИИ	ПМ	ВМ
Россия	Выше срединного	72	99	62	Зрелость 3,5	0,75
Россия-1	Срединный	64	98	59	Зрелость 3,5	0,75
Северо-Западный (11)	Выше срединного	79	99	69	Переход 3,75	Начало 1,0
Санкт-Петербург	Высокий	92	100	84	Переход 4,0	Рост 2,0
Республика Коми	Срединный	66	99	60	Переход 3,75	Подготов. 0,25
Архангельская область	Срединный	61	99	58	Переход 3,75	Подготов. 0,25
Мурманская область	Выше срединного	71	99	66	Зрелость 3,5	0,5
Ненецкий АО	Срединный	66	92	64	Зрелость 3,25	0,0
Республика Карелия	Срединный	65	99	58	Зрелость 3,25	0,5
Ленинградская область	Срединный	63	98	57	Зрелость 3,25	0,0
Новгородская область	Срединный	61	97	57	Зрелость 3,25	0,25
Калининградская обл.	Ниже срединного	60	98	59	Зрелость 3,25	0,25
Псковская область	Ниже срединного	57	94	55	Зрелость 3,0	0,25
Вологодская область	Ниже срединного	56	97	54	Зрелость 3,25	0,0
Центральный (18)	Выше срединного	85	100	73	Переход 3,75	Начало 1,5
Москва	Высокий	107	100	89	Переход 4,0	Рост 1,75
Московская область	Высокий	84	99	70	Переход 4,0	Рост 1,75
Ярославская область	Срединный	66	99	60	Переход 3,75	Начало 0,75
Владимирская область	Срединный	62	95	58	Переход 3,75	Подготов. 0,0
Ивановская область	Срединный	62	93	58	Переход 3,75	Подготов. 0,25
Калужская область	Выше	76	97	63	Зрелость 3,25	0,75

	срединного					
Воронежская область	Срединный	67	96	61	Зрелость 3,0	1,0
Тульская область	Срединный	64	96	66	Зрелость 3,5	0,25
Тверская область	Срединный	64	94	57	Зрелость 3,25	0,5
Курская область	Срединный	61	95	57	Зрелость 2,75	0,25
Белгородская область	Ниже срединного	60	98	55	Рост 2,5	0,0
Рязанская область	Ниже срединного	59	96	56	Зрелость 3,0	0,0
Смоленская область	Ниже срединного	59	95	55	Зрелость 3,0	0,25
Орловская область	Ниже срединного	57	95	55	Зрелость 3,0	0,5
Тамбовская область	Ниже срединного	57	95	53	Рост 2,5	0,0
Брянская область	Ниже срединного	56	94	54	Зрелость 3,0	0,75
Липецкая область	Ниже срединного	55	96	51	Зрелость 3,25	0,5
Костромская область	Ниже срединного	55	95	53	Зрелость 2,75	0,0
Южный (6)	Ниже срединного	59	97	55	Зрелость 3,0	0,5
Ростовская область	Срединный	63	96	59	Зрелость 3,0	0,5
Краснодарский край	Ниже срединного	60	97	56	Зрелость 3,0	0,25
Волгоградская область	Ниже срединного	59	96	58	Зрелость 3,0	0,75
Астраханская область	Ниже срединного	59	96	56	Зрелость 3,0	0,25
Республика Адыгея	Ниже срединного	55	93	51	Рост 2,5	0,75
Республика Калмыкия	Предварительный	47	77	42	Начало 1,5	0,25
Северо-Кавказский (7)	Ниже срединного	54	94	52	Начало 1,2	0,25
Ставропольский край	Ниже срединного	59	92	55	Рост 1,5	0,5
Республика Кабардино-Балкария	Ниже срединного	58	91	55	Начало 1,0	0,5
Республика Северная Осетия	Ниже срединного	58	91	55	Начало 1,0	0,25
Республика Дагестан	Ниже срединного	57	91	56	Рост 1,7	0,75
Карачаево-Черкесская Республика	Ниже срединного	53	89	49	Традиц. 0,5	0,75
Республика Ингушетия	Предварительный	50	89	49	Рост 2,0	0,75
Чеченская Республика (оценки)	Предварительный	47	89	47	Начало 1,5	1,25
Приволжский (14)	Срединный	66	98	61	Зрелость 3,25	1,0
Нижегородская	Выше	76	98	65	Переход 3,75	Рост 1,75

область	срединного					
Пермский край	Срединный	65	97	66	Переход 3,75	Начало 1,5
Самарская область	Выше срединного	71	99	66	Зрелость 3,5	1,25
Ульяновская область	Срединный	68	99	63	Зрелость 3,0	0,75
Республика Татарстан	Срединный	66	99	66	Зрелость 3,25	1,25
Пензенская область	Срединный	64	95	59	Зрелость 3,0	0,5
Республика Башкортостан	Срединный	61	97	57	Зрелость 3,0	0,25
Саратовская область	Срединный	61	96	57	Зрелость 3,0	0,25
Удмуртская Республика	Ниже срединного	60	97	55	Зрелость 3,25	0,0
Кировская область	Ниже срединного	60	95	57	Зрелость 3,25	0,5
Чувашская Республика	Ниже срединного	59	95	55	Зрелость 3,0	0,5
Республика Мордовия	Ниже срединного	57	94	55	Зрелость 2,75	0,75
Оренбургская область	Ниже срединного	55	97	52	Зрелость 3,0	0,0
Республика Марий Эл	Ниже срединного	57	93	54	Рост 2,5	0,75
Уральский (6)	Срединный	68	99	62	Переход 4,0	Подготов. 0,25
Ханты-Мансийский АО	Выше срединного	74	96	68	Переход 4,0	Подготов. 0,0
Ямало-Ненецкий АО	Срединный	70	98	70	Переход 4,0	Подготов. 0,0
Свердловская область	Срединный	70	98	63	Переход 4,0	Подготов. 0,25
Тюменская область (юг)	Выше срединного	73	99	66	Зрелость 3,5	0,0
Челябинская область	Срединный	72	99	62	Зрелость 3,5	0,25
Курганская область	Ниже срединного	56	95	54	Зрелость 3,0	0,0
Сибирский (12)	Срединный	64	98	59	Зрелость 3,25	0,25
Томская область*	Высокий	81	100	72	Переход 3,5	Начало 0,75
Новосибирская область*	Выше срединного	79	97	68	Переход 3,5	Начало 0,75
Кемеровская область	Ниже срединного	57	98	56	Переход 4,0	Подготов. 0,5
Красноярский край	Выше срединного	72	9	62	Зрелость 3,25	0,5
Омская область	Срединный	63	97	58	Зрелость 3,0	0,75
Республика Бурятия	Ниже срединного	59	96	55	Зрелость 3,0	0,75
Забайкальский край	Ниже срединного	58	96	55	Зрелость 3,0	0,75
Республика Тыва	Ниже срединного	58	93	54	Зрелость 3,0	1,25
Иркутская область	Ниже срединного	57	98	60	Зрелость 3,5	0,5
Алтайский край	Ниже срединного	55	94	53	Рост 2,5	0,25

Республика Хакасия	Ниже срединного	54	97	53	Зрелость 3,5	0,5
Республика Алтай	Ниже срединного	53	89	50	Рост 2,5	0,75
Дальневосточный (9)	Срединный	63	99	61	Зрелость 3,5	0,25
Сахалинская область	Срединный	69	95	65	Переход 3,75	Начало 0,75
Республика Саха- Якутия	Срединный	66	99	61	Переход 3,75	Начало 1,0
Чукотский АО	Срединный	63	95	63	Переход 4,0	Подготов. 0,5
Магаданская область	Срединный	70	99	65	Зрелость 3,5	1,0
Камчатский край	Ниже срединного	67	95	62	Рост 2,5	0,75
Приморский край	Срединный	65	98	62	Зрелость 3,0	1,0
Хабаровский край	Срединный	64	98	62	Зрелость 3,25	1,0
Амурская область	Ниже срединного	59	97	57	Зрелость 3,0	0,75
Еврейская АО	Ниже срединного	55	95	55	Зрелость 3,0	1,0

Обозначения. **ВМ** – вторичная модернизация; **ПМ** – первичная модернизация; **ИИ** – интегрированный индекс модернизации; **Россия-1** – все регионы, кроме городов Москвы и Санкт-Петербурга; **уровни ВМ:** высокое развитие (высокий) ≥ 81 , среднее развитие 51-80 (выше срединного 71-80, срединный 61-70, ниже срединного 51-60), предварительное развитие (предварительный) 31-50, отставание 11-30; **фазы стадий:** подготовка 0,0-0,5, начало 0,6-1,5, рост 1,6-2,5, зрелость 2,6-3,0 (3,5), переход 3,6-4,0.

Примечания. Последовательность перечисления регионов федеральных округов (сверху вниз) соответствует уменьшению индексов вторичной модернизации (в рамках каждой стадии модернизации - ВМ и ПМ).

* При определении фазы модернизации данного региона его ПМ-фаза повышена с формальной «зрелости» до «переходной»: с учетом особенностей и общего уровня модернизации региона. Инструментарий Центра исследований модернизации Китайской АН (ЦИМ КАН) допускает такую возможность.

Источники. Использован инструментарий ЦИМ КАН, который Центр изучения социокультурных изменений (ЦИСИ) ИФРАН адаптировал к особенностям российской статистики. По данным статистических сборников Росстата «Регионы России. Социально-экономические показатели» подсчеты по ряду регионов выполнили участники программы «Социокультурные портреты регионов», подсчеты в целом по федеральным округам выполнили сотрудники ЦИСИ ИФРАН (Центральный ФО), Института социально-экономического развития территорий РАН (Северо-Западный ФО), кафедры истории, культурологии и социологии Волгоградского ГТУ (Южный ФО), Института социально-экономических и гуманитарных исследований ЮНЦ РАН (Северо-Кавказский ФО), кафедры государственного и муниципального управления Самарского ГУ и его Тольяттинского филиала (Приволжский ФО), лаборатории мониторинга регионального развития ТюмГУ (Уральский и Дальневосточный ФО).

По Сибирскому федеральному округу материалы подготовлены сотрудниками кафедры экономики и социологии труда Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского – координатор проекта К.И. Богомазов.

Сводная таблица подготовлена ЦИСИ ИФРАН.

В данном контексте целесообразно проанализировать, как понимают термины «модернизация» и «инновации» сами респонденты.

В процессе глубинного интервью в 2012 г. жителям Красноярского края был задан вопрос: «Сейчас часто говорят и пишут об инновациях и модернизации. По-Вашему, что они означают? Для чего они нужны?». Контент-анализ ответов (всего было получено 159 ответов) жителей Красноярского края показал следующее (табл. 2.2).

Таблица 2.2

Распределение ответов на вопрос: «Сейчас часто говорят и пишут об инновациях и модернизации. По-Вашему, что они означают?»

Категории	Характеристики, предложенные респондентами	%
Только слова	В нашей стране это чушь, этого нет, одни слова, если есть, то непродуманно, нечего модернизировать, так как все разрушено	21
Новые технологии	Телефоны, компьютеры и т.д.	16
Модернизация – это улучшение того, что есть, инновация – изобретение нового		16
Улучшения в сфере производства	Улучшение оборудования, производства	15
Наука	Новые идеи, достижения интеллекта, развитие науки	6
Не знаю		6
Нововведения		6
Нанотехнологии	Нанотехнологии, Чубайс, Сколково	4
Улучшения в области медицины		4
Отмывание денег		3
Улучшения в сфере экономики	Новое в экономике, в бизнесе	2
Модернизация армии		1

Как видим, наиболее распространённым толкованием модернизации и инноваций среди жителей региона является понимание её в форме «пустых, малозначащих слов»: «в нашей стране это чушь, этого нет, одни слова, если есть, то непродуманно, нечего модернизировать, так как все разрушено» – 21 %. По распространённости далее следует толкование данных понятий, как «новых технологий» – 16 %. Столько же ответивших понимают под модернизацией улучшение того, что есть, а инновациями –

изобретение нового – 16 %. Ещё 15 % опрошенных жителей Красноярского края трактуют эти понятия как «улучшения в сфере производства». «Нововведениями» назвали предложенные им термины 6 % респондентов, ещё столько же – просто «наукой». У 4 % опрошенных понятия «модернизация и инновации» ассоциируются с «нанотехнологиями, Чубайсом и Сколково», практически столько же респондентов воспринимают их как «улучшения в области медицины», 3 % – «улучшения в экономике», 2 % – «модернизацию в армии». Для 3 % опрошенных жителей края модернизация и инновация – это просто отмывание денег, а 6 % затруднились ответить на данный вопрос.

Таблица 2.3

Распределение ответов на вопрос: «Сейчас часто говорят и пишут об инновациях и модернизации. Для чего они нужны?»

Категории	Характеристики, предложенные респондентами	%
Нужны		37
Для развития	Для развития общества, страны, достижения нового уровня, прогресс	30
Улучшение жизни	Облегчения жизни, повышение качества и уровня жизни	14
Для улучшения труда	Облегчить труд, улучшить производительность	6
Выход России на мировой уровень		5
Государство отвлекает внимание от проблем	Для отвода глаз, для победы на выборах, для прикрытия	2
Не нужны		2
Медведев, Путин		2
Для улучшения экологии	Безопасность экологии, сохранение ресурсов, чистый воздух	2

Более верно раскрыть понимание и отношение жителей края к данным понятиям позволил уточняющий вопрос: «Для чего они нужны?» (табл. 2.3).

Наиболее распространённым является ничего не объясняющий ответ «нужны» – 37 % респондентов. Очевидно, более трети из них воспринимают данные понятия только на вербальном уровне, не осознавая в полной мере их значения. На втором месте по распространённости находится мнение: для развития общества, достижения нового уровня прогресса – 30 % опрошенных. Каждый седьмой из респондентов (14 %)

связывает необходимость модернизации и инноваций в обществе с улучшением жизни, а 6 % – с улучшением труда. Для каждого 20-го из опрошенных (5 %) – это необходимо для обеспечения выхода нашей страны на мировой уровень. 2 % опрошенных связывают модернизацию и инновации с сохранением экологии. Наконец, 6 % опрошенных высказали негативное отношение к этим понятиям, мотивируя его тем, что государство отвлекает внимание от необходимости решения реальных проблем страны, что это просто один из политических «ходов» руководства страны.

Таким образом, большая часть опрошенных жителей Красноярского края в целом верно понимают значение терминов «модернизация» и «инновации», воспринимая их положительно. Вместе с тем распространено их чисто внешнее понимание, как временных политических лозунгов, не имеющих под собой реального основания. Часть опрошенных в процессе глубинного интервью жителей региона не понимает предназначения и сути этих процессов, что, соответственно, выступает серьёзным препятствием для включения этих людей в их реализацию.

3. СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ РОССИИ С ПОЗИЦИЙ ИНСТИТУАЛИЗАЦИИ УТОПИЙ И АНТИУТОПИЙ

Эффективное решение задач современной российской модернизации невозможно без серьёзного преобразования ценностной системы общества. Многие социологические исследования, проведённые в последние 10-15 лет в России, свидетельствуют о подобных изменениях. В частности, наиболее характерной особенностью этого процесса выступает рост ценностей самоутверждения и успеха в ущерб ориентации на интересы группы, сотрудничество и взаимопомощь. Такой рост свидетельствует о *дрейфе культуры России от культур коллективистского типа к индивидуалистически ориентированным, хотя о сколько-нибудь массовом доминировании ценностей успеха и преуспеяния среди россиян говорить пока не приходится*²⁹.

Согласно результатам представительных эмпирических исследований, участие россиян во всех формах обновления своих знаний

²⁹ Тихонова Н.Е. Динамика нормативно-ценностных систем россиян и перспективы модернизационного проекта // Вестник Института социологии РАН. – 2011. – № 3. – С. 15.

(как формальных, так и неформальных) в последние годы сокращается. В то же время значимость хорошего образования для них растёт, как растёт и число лиц, имеющих высшее образование. А вот *ориентация на инновации, поиск нового среди россиян в последнее десятилетие не только не усиливается, но даже сокращается*³⁰.

В реализации модернизационных процессов важнейшую роль играет идентификация. Присоединяемся к мнению, согласно которому «процесс модернизации можно рассматривать как процесс создания институтов и отношений, ценностей и норм, который требует предваряющего изменения идентичности людей модернизирующегося общества и завершается сменой их идентичности. Подобная цель прямо и явно ставится в модернизационных теориях, а результат такого рода особенно хорошо просматривается при изучении персональной модернизации»³¹.

Поэтому трудно не согласиться с мнением В.М. Межуева, что далеко не любые реформы тождественны модернизации. В частности, он считает, что некоторые реформы, проводимые на Западе (например, кейнсианская), не были модернизацией, поскольку не требовали от западного человека отказа от его идентичности. Они могли испытывать на себе влияние разных идеологий — от либеральной до социал-демократической или консервативной, — но не подрывали у людей их западной самоидентификации. При всех своих изменениях западное общество всегда оставалось самим собой и потому современным³².

Согласно выводам авторов Доклада, *«даже для групп людей с разной идеологией и разными идеальными моделями общества и государства проблема всеобщего равенства перед законом в России является общей, «универсальной» и наиболее острой, отражая незавершенность в ней социальной модернизации. Незначительно отстают по количеству сторонников и вторая ключевая идея, которая, по мнению 38 % россиян, могла бы лечь в основу модернизации в России, – жесткая борьба с коррупцией»*³³. Как указывается далее в цитированном Докладе, аспект, связанный с *формированием эффективной инновационной экономики, от-*

³⁰ Там же. – С. 18.

³¹ Федотова В.Г. Модернизация и глобализация. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://articles.excelion.ru/science/filosofy/62437259.html>

³² Межуев В. М. Ценности современности в контексте модернизации и глобализации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.smolsoc.ru/index.php/home/images/referat/a1793.pdf>.

³³ Готово ли российское общество к модернизации: Аналитический доклад / Рук. М.К. Горшков. – М.: Ин-т социологии РАН, Пред-во Фонда им. Ф. Эберта в РФ, 2010. – С.20.

метил в качестве ключевой идеи для модернизации лишь каждый четвертый россиянин, хотя именно этот аспект чаще всего звучит на различных властных уровнях и, в частности, – назывался как один из ключевых в Послании прежнего президента Д.А. Медведева Федеральному Собранию РФ. Возможно, это связано с тем, что *россияне понимают: в сложившейся социально-экономической обстановке, утвердившейся «институциональной матрице» становление эффективной инновационной экономики невозможно и, соответственно, ставят во главу угла именно проблемы изменения самой этой «матрицы»*³⁴.

Традиционно анализ ценностных параметров модернизационных изменений опирается на различные ценностные модели. Так, ещё более 20 лет назад Р. Инглхарт на основе анализа данных по 43 обществам в рамках Values Survey 1989-1991 выявил существенные устойчивые культурные различия между населением богатых и бедных стран, которые описываются двумя ключевыми измерениями. Они характеризуют сравнительные различия стран в рамках двух бинарных оппозиций: «традиционные ценности – секулярно-рациональные ценности» и «ценности выживания – ценности самовыражения»³⁵.

Одной из них является модель, в основе которой лежала известная «пирамида потребностей» А. Маслоу³⁶. Наиболее широко распространённый её вариант состоит из пяти «этажей», реже используется её семиуровневая модификация, в которой верхний «этаж» – потребность в самовыражении (личностном росте) – подразделяется на три уровня: познавательные потребности, эстетические потребности, потребности в самоактуализации.

Каждому типу общества присущ свой доминирующий потребностный «этаж» со свойственным ему набором ценностей, так, в соответствии с широко известной теорией стадий экономического роста по мере перехода социума от одной стадии к другой (доиндустриальное или аграрное – индустриальное – постиндустриальное) происходит изменение доминирующего в обществе «набора» ценностей. Для доиндустриального общества характерны традиционные ценности, индустриальному присущи ценности – модернистские, постиндустриальному – постмодернистские.

³⁴ Цит. соч. – С. 22-23.

³⁵ Inglehart R. Modernization and Postmodernization: Cultural, Economic and Political Change in 43 Societies. Princeton: Princeton University Press, 1990. – Pp. 81-98.

³⁶

Шкала «выживание – самовыражение», которую использует в своих исследованиях Р. Инглхарт, согласно иерархии А. Маслоу, выражает переход от удовлетворения базовых, физиологических потребностей к потребностям более высокого уровня. Важнейшим показателем подобного изменения системы ценностей выступает субъективное ощущение счастья. По данным сравнительных исследований в тех странах, где выше ценности самовыражения, люди чаще считают себя счастливыми. По шкале движения к ценностям самовыражения Россия отстает практически от всех посткоммунистических стран, развивающихся стран (даже тех, где значительно ниже уровень жизни), а также от всех развитых стран мира. Значительная часть россиян ориентирована на выживание посредством стремления к материальному достатку.

В.С. Магун и М.Г. Руднев проанализировали специфику ценностей населения России на основании «Европейского социального исследования». Использовался вопросник, построенный на основе концепции ценностей, разработанной Ш. Шварцем, ключевым в котором является выделение 10 ценностных индексов. Это впервые позволило нарисовать ценностный портрет населения России в сопоставлении с большей частью населения Европы (32 страны)³⁷. Они делают вывод, что по результатам ценностных сопоставлений сегодняшнего россиянина можно представить как человека, который, по сравнению с жителями большинства других европейских стран, крайне высоко ценит безопасность и защиту со стороны сильного государства. При этом он слабее привержен ценностям новизны, творчества, свободы и самостоятельности, меньше ценит риск, веселье и удовольствия. В то же время средний россиянин сильнее, чем жители большинства европейских стран, привержен ценностям богатства и власти, а также личного успеха и социального признания. Сильная ориентация на личное самоутверждение оставляет в его сознании меньше, чем у представителей других стран, места для заботы о равенстве и справедливости в стране и мире, о толерантности, о природе и окружающей среде и даже для беспокойства и заботы о тех, кто его окружает. Авторы подчёркивают, что в рассматриваемом массиве оказалось немного стран, близких к России по степени выраженности этих ценностей. Характерно, что высокая

³⁷ Магун В.С., Руднев М.Г. Базовые ценности 2008: сходства и различия между россиянами и другими европейцами // Россия реформирующаяся. Ежегодник. Вып. 10. – М.: СПб., 2011. – С.245.

приверженность россиян ценностям личного успеха и богатства не сочетается в их сознании со столь же выраженной смелостью, готовностью действовать по-новому, идти на риск и принимать самостоятельные решения. Даже ради успеха и богатства люди не готовы к действиям, выходящим за пределы исполнительской рутины и требующим от них повышенных энергетических и эмоциональных затрат³⁸.

К похожим выводам приходят на основе результатов представительного исследования, проведённого среди россиян, авторы Аналитического доклада «Готово ли российское общество к модернизации». По их мнению, «оценивая этап и динамику социокультурной модернизации России на микроуровне, следует отметить также, что в ней доминируют *характерные для традиционалистского сознания установки на зависимость от внешних по отношению к самому человеку обстоятельств, повлиять на которые он не может, внешний локус-контроль, патерналистские ожидания и т.д.*»³⁹.

Как видим, исследования отечественных авторов показывают картину социокультурных процессов, в том числе ценностных ориентаций россиян, весьма нехарактерную для эффективно модернизирующегося общества. Вместе с тем представляется, что дело не только в приверженности значительной части жителей России архаическим или традиционным ценностным моделям, неадекватности некоторых социальных институтов или их дисфункциям, а также в «ресурсном проклятии» нашей страны, хотя всё это, безусловно, имеет место.

Попытаемся рассмотреть происходящие в России процессы в несколько иной плоскости: **в контексте дихотомии утопия - антиутопия**. Как справедливо отмечает В.И. Самохвалова: «В культурном сознании осуществляется и поиск оптимального социального устройства общества, проектирование утопий и антиутопий как моделей желательного, или отвергаемого, или возможного в силу логического развития тенденций состояния общественного устройства»⁴⁰.

³⁸ Цит. соч. – С. 254.

³⁹ Готово ли российское общество к модернизации. Аналитический доклад / Рук. М.К. Горшков. - М.: Ин-т социологии РАН, Пред-во Фонда им. Ф. Эберта в РФ, 2010. – С.53.

⁴⁰ Самохвалова В.И. Метафизика глобализации. От утопии к антиутопии. – Перспективы. Фонд исторической перспективы. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа:

http://www.perspectivy.info/history/metafizika_globalizacii_ot_utopii_k_antiutopii_2007-01-01.htm

Социологический анализ различных аспектов утопий традиционно является классической темой многих социологических произведений. В частности, определённый вклад в разработку этих вопросов внесли М. Вебер, М. Мид, К. Поппер, О. Тоффлер, Х. Ортега-и-Гассет, Э. Фромм, Ф. Фукуяма и др. Так, в своей фундаментальной работе «Идеология и утопия» Карл Мангейм в рамках социологии знания выделяет следующие формы утопического сознания: первая – оргиастический хилиазм анабаптистов; вторая – либерально-гуманистическая идея; третья – консервативная идея; четвертая – социалистическо-коммунистическая утопия⁴¹. Каждой из форм подобного сознания соответствуют утопические построения и модели, ряд из которых был институализирован в социальной реальности.

В социологической науке существуют различные классификации утопий⁴². Так, в исторической перспективе утопии могли быть:

- несбыточными в существующих общественных условиях, но вполне реализуемыми при изменении последних (например, гоббсовский проект гражданского общества в XVII в.);
- постоянно возникающими (сопряжено с вызреванием необходимых предпосылок) сейчас и в мыслимом будущем (например, идеалы свободы и равенства в их понимании на рубеже XVIII-XIX вв.);
- неосуществимыми в принципе (коммунистические лозунги всеобщего равенства и универсального изобилия).

В античности утопии тесно переплетались с легендами о «золотом веке», о «блаженных городах и территориях». В эпоху Возрождения и великих географических открытий утопии приобрели форму описания совершенных государств, либо якобы существующих, либо из существовавших когда-либо на Земле. Это ясно видно на примере «Города Солнца» Т. Кампанеллы, «Новой Атлантиды» Ф. Бэкона и других произведений. В XVII-XVIII вв. утопии получили распространение так же, как различные проекты социально-политических реформ. В дальнейшем утопические произведения всё больше превращаются в жанр полемической литературы, посвящённой проблеме общественного идеала.

По своим **социальным** задачам утопии тоже весьма разнообразны:

- рабовладельческие (Платон «Государство», Ксенофонт «Воспитание Кира» и др.);

⁴¹ Mannheim K. Ideology and Utopia. L., N.Y., 1936.

⁴² Грицанов А.А. Утопия // Социология. Энциклопедия. – Минск, 2003. – С. – 1147-1148.

- феодально-теократические (мистическая философия истории Иоахима Флорского, XIII в., В. Андреа «Христианополис», 1619 г. и др.);
- буржуазные (Дж. Гаррингтон «Республика Океания», 1656 г.; Э. Беллами «Взгляд назад» и др.);
- социалистические (Ш. Фурье «Трактат о домоводческо-земледельческой ассоциации», 1822 г. и «Новый хозяйственный социетарный мир», 1829 г., А. де Сен-Симон «катехизис промышленников», 1823-1824 гг. и др.);
- анархические (У. Годвин «Исследование политической справедливости», 1793 г.; М. Штирнер «Единственный и его собственность», 1845 г. и др.) и др.

Есть немало утопических произведений, в которых предлагаются пути решения отдельных важных проблем, например поиски «вечного мира», воспитания подрастающего поколения и т.п. Многие утопические теории были реализованы в социальной практике. Дальнейшее развитие современной ситуации в России также нередко рассматривается в жанре социально-политических и литературных утопий. См., например, обзор и анализ подобных подходов в работе В.С. Мартьянова и Л.Г. Фишмана⁴³.

На наш взгляд, процесс перехода социума от утопии к антиутопии и последующая институализация в нём новой утопии выражает квинтэссенцию социокультурных аспектов модернизации. Если общий смысл утопий состоит в том, что описываются принципы построения и функционирования некоего идеального общества, то антиутопии выражают нежелаемое, неприемлемый для значительной части населения социума способ его устройства. Вместе с тем следует учитывать, что на первых этапах своей институализации антиутопия может охватывать различные слои населения, как элиту, так и массы, находя всюду многочисленных сторонников. Так было, например, в период внедрения у нас в стране неолиберальной антиутопии в 1990-е гг.

Специфику различных утопий и антиутопий выражает их ценностное содержание. Для характеристики систем ценностей, преобладающей в каждой из них обратимся к концепции Э. Фромма, который выделяет «ориентацию на Бытие» и «ориентацию на Обладание»: «1. Под обладанием и бытием я понимаю не некие отдельные качества субъекта,

⁴³ Мартьянов В.С., Фишман Л.Г. Россия в поисках утопий. От морального коллапса к моральной революции. – М., 2010. – С.121-173.

примером которых могут быть такие утверждения, как "у меня есть автомобиль", или "я белый", или "я счастлив", а два основных способа существования, два разных вида самоориентации и ориентации в мире, две различные структуры характера, преобладание одной из которых определяет все, что человек думает, чувствует и делает.

2. При существовании по принципу обладания мое отношение к миру выражается в стремлении сделать его объектом владения и обладания, в стремлении превратить все и всех, в том числе и самого себя, в свою собственность.

3. Что касается бытия как способа существования, то следует различать две его формы. Одна из них является противоположностью *обладания*... и означает жизнелюбие и подлинную причастность к миру. Другая форма бытия – это противоположность *видимости*, она относится к истинной природе, истинной реальности личности или вещи в отличие от обманчивой видимости...»⁴⁴.

«Различие между бытием и обладанием, – поясняет Э. Фромм, – касается типов общества: одно ориентировано на человека, другое — на вещи. Ориентация на обладание — характерная особенность западного индустриального общества, в котором главный смысл жизни состоит в погоне за деньгами, славой, властью»⁴⁵.

Если в утопиях доминируют ценности, используя терминологию Э. Фромма, модуса Бытия, то в антиутопиях ценностным каркасом массового сознания выступают ориентации на Обладание.

Подобное ценностно-смысловое содержание определяет и картину мира в массовом сознании, и образ желаемого будущего населения, и специфику социальных институтов и процессов, социальной структуры общества, где реализованы утопия или её антипод – антиутопия. Соответственно, социум, в котором реализована утопия, активно развивается (в том числе модернизируется), социум, несущий на себе печать антиутопии, подвержен стагнации и склонен к деструктивным процессам.

Как верно подметил ещё П. Сорокин, «люди с трансцендентальной системой ценностей и глубоким чувством нравственного долга обладают ценностями, которых не может у них отнять ни один человек и ни одна

⁴⁴Фромм Э. Иметь или быть. М., 2000. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://lib.ru/PSIHO/FROMM/haveorbe.txt_with-big-pictures.html

⁴⁵ Цит. соч.

катастрофа. При всех обстоятельствах они сохраняют ясность ума, чувство человеческого достоинства, самоуважение... Имея эти качества, они могут вынести любое испытание, каким бы суровым оно ни было»⁴⁶. Поэтому «избавление» населения той или иной страны в процессе институализации антиутопии от так называемых консервативных ценностей далеко не всегда приводит к технико-экономической модернизации страны. Более того, распространение ценностей модуса Обладания: власть, богатство, престиж, гедонизм и т.п. – приводит к неустойчивости, нестабильности любого социума. Ярким примером этого служит современная ситуация во многих развитых странах, которые, как считается, в своё время успешно прошли первичную модернизацию, и избавились от консервативных ценностей, находятся в настоящее время на стадии завершения вторичной модернизации, то есть окончания «построения» информационного общества.

Безусловно, это непосредственно касается и транзитивных периодов, наподобие того, в котором уже два десятилетия находится наша страна. Поэтому трудно не согласиться с мнением известного испанского учёного и государственного деятеля, в течение 12 лет занимавшего пост Генерального директора ЮНЕСКО, в соответствии с которым «утопия нашего времени означает право всякого человека выходить за пределы настоящего, совершенствоваться и конструктивно влиять на окружающий мир. Такая утопия доступна для всех. Она становится долгом всех жителей планеты, а в особенности тех, кому посчастливилось родиться и вырасти в благополучной среде. Она обязывает действовать, проецировать себя в будущее, ломать рамки сложившегося порядка вещей, изо дня в день улучшать собственную жизнь и помогать другим улучшить свою. Утопия нашего времени не имеет ничего общего с обещаниями создать рай на земле. Она не имеет ничего общего и с отрицанием прошлого»⁴⁷.

На основании всего сказанного вполне уместным нам представляется вывод: «Таким образом, можно без преувеличения утверждать, что утопия составляет суть любой социальной теории»⁴⁸. Можно даже говорить о

⁴⁶ Сорокин П. Человек и общество в условиях бедствия // Вопросы социологии. – 1993. – №3. – С.58.

⁴⁷ Майор Федерико. Желать невозможного. Предисловие // Аинса Ф. Реконструкция утопии. – М., 1999. – С.11.

⁴⁸Эту точку зрения отстаивает Жорж Дюво в своей книге "Социология утопии" (Duvaud George. Sociologie de l'utopie. Paris, PUF, 1961).

"религиозной функции утопии", хотя ее исходные образы и архетипы трансформируются в процессе развития социологии и политологии. Вместе с тем утопическая функция всегда остается категорией сознания и как таковая ориентирует человека на поиски элементов, отсутствующих в настоящем⁴⁹. Тем самым инициируются процессы индивидуальной и социальной трансформации.

Трудно не согласиться с мнением В.С. Мартьянова и Л.Г. Фишмана, что историю движут общественные идеалы, выраженные в утопиях. Поэтому «исчезновение утопии создаст статичную вещьность, в которой человек и сам превратится в вещь»⁵⁰.

По-новому взглянуть на роль социальных утопий в общественных изменениях позволяет постнеклассический универсумный подход. Так, в соответствии с принципом минимального универсума (и принципом дополнительности Н. Бора как его частным случаем) в любой социальной утопии можно выделить два элемента: собственно утопию и антиутопию (вспомним древнекитайскую дихотомию ян и инь). Любая **утопия** несёт в себе свой антипод – **антиутопию**.

Фактически любая социальная утопия является ярким, завлекательным миражом, волшебным покрывалом, под которым таится её страшный, но неизбежный антипод – антиутопия. С точки зрения принципа минимального универсума утопия выполняет функцию развития утопической системы, её распространения среди большего числа сторонников, приспособления утопических идеалов к конкретным традициям того или иного социума, менталитету и социальным ожиданиям его представителей. Антиутопия выполняет функцию «укоренения» утопической системы в конкретном социуме, её внедрения в массовое сознание и поведение людей, укрепление утопического социума любыми доступными её проводникам методами. **Поэтому весь социально-исторический процесс можно рассматривать как смену борющихся между собой социальных утопий-антиутопий, за которыми стоят определённые тайные организации**⁵¹.

В этой связи трудно не согласиться с подробной характеристикой особенностей социальных утопий и социальных антиутопий, которую даёт

⁴⁹ Аинса Ф. Реконструкция утопии. – М., 1999. – С.62.

⁵⁰ Мартьянов В.С., Фишман Л.Г. Россия в поисках утопий. От морального коллапса к моральной революции. – М., 2010. – С. 255.

⁵¹ Немировский В.Г. Тайные общества и заговорщики. – СПб., 2007. – С. 128.

в своей новаторской работе В. Штепа. По его мнению, если утопия основана на позитивном стремлении к прямому воплощению своего трансцендентного идеала, то антиутопия сосредотачивается на негативе – борьбе со всевозможными «врагами» и «ересями», чем постоянно отодвигает «светлое будущее» за недостижимый горизонт, а по сути предаёт и обесмысливает его.⁵²

Важно отметить, что «точкой водораздела между утопией и антиутопией является момент достижения утопистами власти. Как только власть обретена, утопия отступает на задний план, являясь частью официальной идеологии. На первый план выходит антиутопия. Так, христианство было социальной утопией, но, завоевав власть, стало антиутопией. Обретя статус официальной религии, западное христианство лишилось своего утопизма и приобрело статус антиутопии, полнее всего выразившийся в деятельности «святой» инквизиции»⁵³.

В качестве примера можно привести аналогичный путь, который прошла каждая монотеистическая религия. Как образно пишет К. Кобрин, «в условиях постсоветской культуры явно постмодернистским феноменом представляется возвращение, ренессанс традиционных конфессий, особенно Православия. Потерявшее всякий позитивный смысл современное русское православие с его кокетливым эстетским традиционализмом есть не что иное, как религиозные «Старые песни о главном». Православный поп на бандитской презентации – таков постмодернистский ремейк Сергия Радонежского, благословляющего Дмитрия Донского»⁵⁴.

На наш взгляд, именно в IV в. н. э. состоялся переход христианской социальной утопии в христианскую социальную антиутопию. Переход же социальной утопии мусульманства в социальную антиутопию произошёл на грани XI – XII вв. н. э. Не вдаваясь в детали, обращаем внимание, что происходившие при этом процессы были подробно раскрыты в классическом труде швейцарского востоковеда Адама Меца «Мусульманский ренессанс», вышедшем ещё в 1922 г., но сохранившем свою научную ценность и сегодня. Опираясь на уникальные исторические источники, автор раскрывает социально-культурные, экономические,

⁵² Штепа В. РУТОПИЯ. – Екатеринбург, 2004. – С. 37-38.

⁵³ Указ соч. – С.65.

⁵⁴ Там же.

политические процессы, происходившие в IV – X вв. н. э. в мусульманском мире⁵⁵.

Итак, **важно отличать утопию от антиутопии**. Между тем в философской, политологической и публицистической литературе зачастую смешивают эти понятия, приписывая негативные черты антиутопии самой утопии. Так, известный публицист-историк А. Первушин ошибочно утверждает, что «...утопия всегда реакционна. Кто бы ни пытался реализовать утопию (Робеспьер, Гитлер, Сталин), он всегда отбрасывает свою страну и своё общество назад – на одну или две ступени. Коммунистическое государство Сталина возродило крепостничество и прочие формы рабства. Национальная империя Гитлера вернула в повседневную практику социал-дарвинизм, более характерный для первобытно - общинного строя»⁵⁶. Безусловно, всё сказанное не относится к утопии, а характеризует антиутопии.

Социальные антиутопии ещё требуют обстоятельного социологического анализа.

С позиций постнеклассического социологического подхода нам представляется важным разработать типологию социально-утопических моделей, реализованных в известной нам социальной истории.

⁵⁵ Мец А. Мусульманский ренессанс. – М., 1973. – 473 с.

⁵⁶ Первушин А. Оккультный Гитлер. – М., 2006. – С. 115.

4. СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА АНТИУТОПИИ В РОССИИ В КОНЦЕ XX – НАЧАЛЕ XXI В.

С известными оговорками *неолиберальную антиутопию*, созданную у нас в 1990-2000-е гг. можно назвать «государственно-олигархический капитализм» (хотя справедливости ради следует отметить, что существует немало и иных вполне адекватных определений типа созданного у нас государства). Рассмотрим её в соответствии с методологической моделью минимального универсума, основанного на диатропической парадигме.

На вещественно-энергетическом уровне

В производственно-экономической сфере – безусловное главенство сырьевого сектора национальной экономики, для обеспечения которой важное значение имеет развитие транспортной инфраструктуры. Подчинённую роль здесь должны играть низкотехнологичные производства, связанные с удовлетворением потребностей внутреннего рынка во всевозможном «ширпотребе» и ряде продуктов питания. Этому сопутствовала в 1990-е гг. дезинтеграция высокотехнологичных отраслей оборонки, обеспечение условий для слияния её с международными компаниями.

В социально-демографической сфере – сокращение существующего населения. Снижение доли населения, обладающего «избыточным» уровнем образования, путём как реформирования системы образования, позволяющего облегчить вытеснение за рубеж наиболее высококвалифицированного персонала, так и заменой его на более низкоквалифицированную рабочую силу из стран ближнего и дальнего зарубежья.

На функционально-организационном уровне

Резкое сокращение социальных обязательств со стороны государства, вплоть до его полного «ухода» из социальной сферы общества. Латентное слияние государственного аппарата с коммерческими структурами, «приватизация» и «коммерциализация» государственных должностей (попросту – распространение коррупции). В результате, с одной стороны, происходит значительное снижение социальной нагрузки на госбюджет, с другой – резкий рост «фондоотдачи» любой государственной структуры, число которых продолжает неуклонно расти. Соответственно, государство-корпорация снижает собственные социальные издержки, повышая свою экономическую привлекательность

для внешних «партнёров». При этом государственный аппарат, образно говоря, в определённой мере «становится самоокупаемым», поскольку значительной части госслужащих отдаются «на кормление» определённые территории, сферы деятельности, участки работы.

На информационном уровне

Здесь целесообразно выделить две стороны ситуации. Во внутренних, реальных её аспектах – параллельные коммерциализация и огосударствление большинства СМИ, которые способствуют формированию у населения гедонистических и престижно-потребительских ценностей; общая деградация социально-нравственных норм и ценностей до примитивного уровня. При этом во внешней, формально-представительской стороне – стремление государства опереться на древний, но уже во многом утраченный духовно-нравственный авторитет монотеистических религий, которые имеют тенденцию стать государственными.

Антиутопии обладают **обратной** закономерностью по отношению к утопиям. Если утопии начинаются с информационного уровня социума как некая идея, постепенно овладевающая массовым сознанием, то антиутопия, наоборот, «появляется на свет» уже на экономическом уровне.

Так, в современном российском обществе в 1996-1998 гг. сосуществовали в относительном, весьма противоречивом и неустойчивом равновесии **либерально-демократическая утопия** и **неолиберальная антиутопия**. Победа антиутопии ознаменовалась знаменитым **дефолтом**, который произошёл в августе 1998 г., когда Российское государство отказалось отвечать по своим финансовым обязательствам. В результате множество людей, поверивших в идеалы либерально-демократической утопии, разорились. В течение нескольких недель произошёл скачок из утопии с её радужными надеждами на экономическое процветание и прогресс демократии в антиутопию с мрачными перспективами развития «по-латиноамерикански», когда в стране на фоне общей бедности и коррупции процветают узкие слои буржуазии и государственных чиновников.

Исторический опыт показывает, что, как правило, любые антиутопии заканчиваются политическим и экономическим крахом государства, которое выступает их субъектом-носителем. Поэтому крайне важно уже на данном этапе развития России озаботиться поиском новой социальной

утопии, которая бы выступила мощным фактором восстановления и дальнейшего развития страны.

Как уже отмечалось, в соответствии с диатропической моделью минимального универсума любая система проходит в своём циклическом развитии пять стадий: **рождение, развитие, расцвет, увядание и распад.**

Применительно к развитию социума это будут пять специфических стадий развития, на каждой из которых актуализируются и удовлетворяются определённые типы потребностей. Причём каждая из них представляет собой одну из ступеней широко известной иерархии человеческих потребностей, показанной в своё время А. Маслоу в его известной «пирамиде потребностей человека». Тем самым, на каждой последующей стадии развития социума на первый план выходят потребности более высокого уровня:

1. **Родоплеменная стадия** – биологическое выживание – физиологические потребности.
2. **Рабовладельческая стадия** – потребности безопасности и защиты – экзистенциальные потребности.
3. **Феодальная стадия** – потребности привязанности и любви – социальные.
4. **Капиталистическая стадия** – потребности самоуважения и признания – персональные.
5. **Информационная стадия** – потребности самоактуализации – духовные.

Каждой из пяти выделенных стадий развития человеческого общества в целом соответствует определённая социально-утопическая модель. Разумеется, история настолько многообразна, что было бы нелепо ожидать от приведённой нами типологии абсолютного соответствия социально-утопической модели и стадии развития человечества. Как будет показано, отдельные модели могут совмещать черты двух или даже трёх стадий развития социума, однако одна из них будет доминировать. Тем более известно, что метод типологизации изначально предполагает отвлечение от малозначимых аспектов типологизируемых объектов, сосредотачивая внимание исследователя на их сущностных характеристиках. Подчеркнём, что наименования моделей в известной мере являются условными.

Более того, известно, что в «лабораторно-чистом» виде крайне сложно выделить эти стадии и, соответственно, социально-утопические

модели. Во многих современных государствах сохраняются элементы предшествующих стадий развития социума. Например, в капиталистической Японии отношения внутри фирмы-корпорации во многом носят квазифеодальный характер. Развитие капитализма в западных странах в значительной мере было связано с эксплуатацией рабского труда не только в колониях, но и на территории метрополии, в частности, в США рабство было отменено только в середине XIX в.

Многие современные западные страны, уже давно находящиеся на информационной стадии развития, формально являются монархиями. Серьёзные элементы рабовладельческих отношений существовали в Советском Союзе, в частности в форме ГУЛАГа. Феодальные отношения, например, в сельском хозяйстве сохранялись в нашей стране до конца восьмидесятых годов. Собственно, в большинстве современных стран сохраняются квазирабовладельческие отношения в тюремной системе, армии, мафиозных структурах, сектах и т.п. В ряде латиноамериканских или африканских государств, например Эквадоре или Колумбии, Эфиопии или Уганде, наряду с официальным капитализмом сосуществуют феодальные, рабовладельческие и родоплеменные уклады.

Представление о том, на какой стадии своей эволюции в середине 2000-х гг. находился такой важный для России регион, как Красноярский край, можно проиллюстрировать с помощью данных, полученных нами в результате исследований среди взрослого населения края в 2004 и 2005 гг. по репрезентативной выборке методом формализованного интервью (каждый раз были опрошены 1000 респондентов (рис. 4.1).

По результатам исследования, в зависимости от уровня неудовлетворённых потребностей, выделяются **пять типов респондентов**:

1. Нуждаются в удовлетворении элементарных физиологических потребностей – 24 % (2004 г. – 27 %).
2. Нуждаются в социальной защите – 45 % (2004 г. – 50 %).
3. Нереализованы потребности в общении – 7 % (2004 г. – 6 %).
4. Неудовлетворены потребности в самоутверждении – 11 % (2004 г. – 5 %).
5. Обнаружен ещё и специфический пятый тип; это респонденты, потребности которых, по их самооценке, в основном реализованы – 1 % (2004 г. – 1 %).

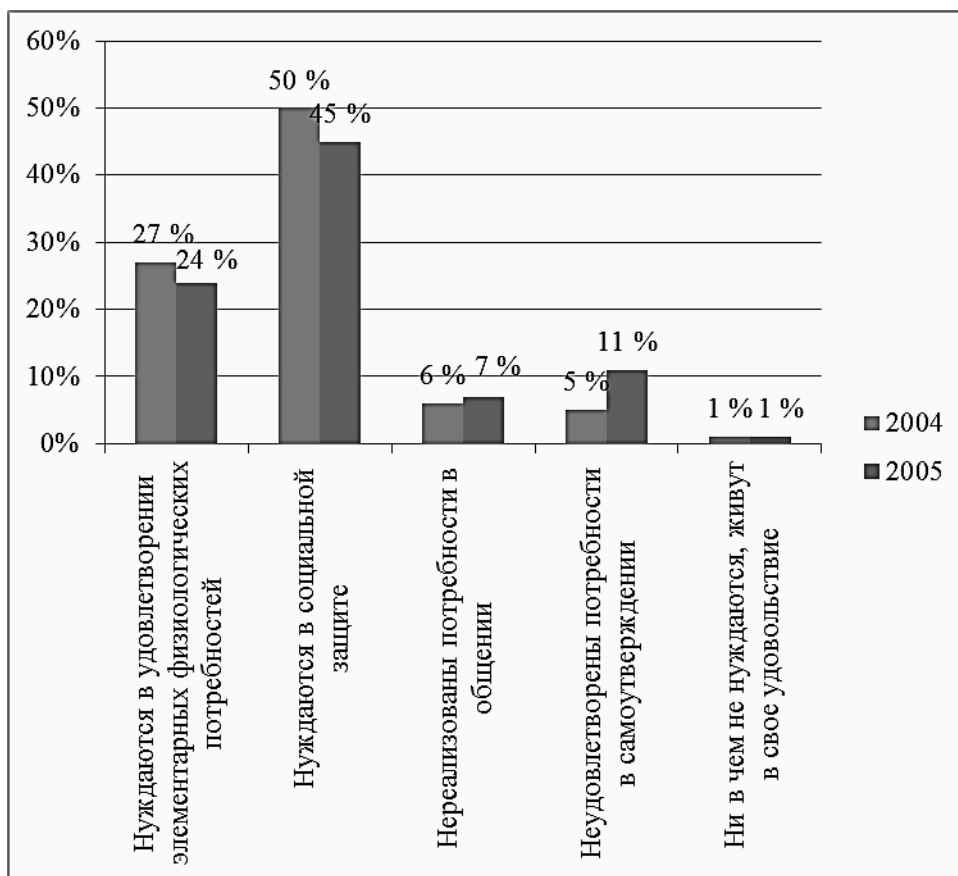

Рис. 4.1. Распределение ответов на вопрос: «Какое из приведённых суждений характеризует Ваше состояние наиболее точно?»

Данные, полученные в 2004 и в 2005 гг., несколько различаются. Однако общая тенденция остаётся постоянной: нуждаются в удовлетворении первых материальных потребностей – 24 % (2004 г. – 27 %), а также в социальной защите – 45 % (2004 г. – 50 %). **Подобные результаты свидетельствуют о том, что около четверти опрошенных жили в условиях родоплеменной стадии развития социума, около половины – рабовладельческой.** Трудно себе представить, что население других регионов России, за исключением столицы, жило принципиально иначе. Подтверждением этому служат и результаты многочисленных социологических опросов, проводимых в те годы в нашей стране, согласно которым люди доверяют прежде всего представителям своего «рода»: семье, родственникам, близким друзьям, а также верховному правителю «племени» или государства – в данном случае Президенту РФ, при этом не доверяя и оценивая негативно деятельность не только других социальных институтов власти, но и работодателей, т.е. своих начальников.

Социально-политические ценности в концентрированном виде находят выражение в представлениях респондентов о путях выхода России из кризиса.

В ходе ряда исследований (опросы проводились методом формализованного интервью, по репрезентативной выборке населения в возрасте 18 лет и старше) жителям Красноярского края было предложено оценить с точки зрения наибольшей предпочтительности четыре возможных пути дальнейшего развития России и выхода ее из кризиса⁵⁷. Они предлагались в следующих формулировках:

Первый вариант: *«Необходимо быстрее ввести рыночную экономику и частную собственность на средства производства, активно привлекать иностранный капитал, строго соблюдая права человека. Политическая власть должна принадлежать демократическим партиям»*. Назовем его **рыночно-демократическим**.

Второй вариант: *«Необходимо вернуть руководящую роль коммунистической партии и строго следовать по пути социалистического выбора, сделанного народом в 1917 г., не допуская социального неравенства и эксплуатации»*. Обозначим его как **коммунистический**.

Третий вариант: *«Россия должна следовать своим особым путем в соответствии с национальными традициями и ценностями, отвергая и капитализм, и социализм, возрождая духовность и могущество, освобождаясь от зарубежного влияния»*. Условно это называется **национально-государственным** путём развития страны.

Четвертый вариант: *«Форма собственности и экономическое устройство особого значения не имеют. Главное – необходима сильная власть, способная навести в стране порядок, восстановить дисциплину, накормить людей»*. Это **авторитарный** путь развития.

Каждый из описанных путей развития страны отражает определённую социально-утопическую модель:

- **коммунистический** путь развития страны выражает социально-утопическую модель **«архаического мира»**, которая соответствует родоплеменной и отчасти феодальной стадии развития социума;
- **национально-государственный** вариант выхода страны из кризиса отражает, главным образом, важные черты **феодальной**, а также

⁵⁷ Немировская А.В. Ценности в массовом сознании: структура и динамика. Красноярск, 2005. – С. 92-96.

рабовладельческой социально-утопической модели, поскольку, как показали исследования, основные черты православной монархии являются важными сторонами этого социального идеала; эта монархия, как известно, в течение столетий была основана на рабском труде миллионов крепостных крестьян;

- **рыночно-демократические** реформы прямо характеризуют «масонскую модель», соответствующую капиталистической стадии развития социума;
- **авторитарный** путь развития нашего государства имеет существенные признаки социальной антиутопии.

Исследования, проведённые в Красноярском крае в 2001 и 2005 гг., показали резкое усиление национально-авторитарных тенденций в массовом сознании населения края, происходившее как на вербальном уровне массового сознания, так и в массовом бессознательном. **Это свидетельствовало об актуализации неолиберальной антиутопии в массовом сознании/бессознательном.**

В частности, с начала до середины 2000-х гг. произошло усиление ориентаций на установление авторитарного управления в стране, а также на национально-государственный путь ее развития. Несколько усилилась и социалистическая ностальгия при существенном разочаровании в рыночно-демократических преобразованиях.

Одновременно в массовом бессознательном населения происходила постепенная поляризация, с одной стороны, сторонников национально-государственного пути развития, с другой – авторитарно-коммунистического. И все же коммунистическая идеология для многих респондентов, особенно старших возрастных групп и людей низкого социального статуса, в 2001 г. оставалась важной точкой отсчета на шкале политических предпочтений. Однако согласно результатам факторного анализа уже в **2005 г. в массовом бессознательном сформировался единый авторитарно-государственный синдром, не связанный с коммунистической идеологией.**

«Масонская» социально-утопическая модель, в значительной мере реализовавшаяся в ориентациях на рыночно-демократические преобразования, изначально присутствовала в массовом сознании только на вербальном уровне. Иными словами, в виде неустойчивых социальных представлений, сформировавшихся, главным образом, за счёт влияния соответствующих СМИ.

Напротив, в начале XXI в. в массовом сознании начался процесс актуализации феодальной и рабовладельческой социально-утопических моделей, причём при доминировании неолиберальной антиутопии. Подобный симбиоз стремления к развитию национального государства по «особому пути» и массовой надежды на власть «сильной руки», как показывает мировая практика, может привести к установлению в стране жёсткого авторитарного режима. Не случайно, по данным некоторых исследований, распространённость либеральных ценностей с 1995 по 2005 гг. снизилась в 2,5 раза (с 25 до 10 %) ⁵⁸.

Однако достаточно сильными в массовом сознании населения являются ориентации на **«обладание»**. Так, согласно данным ВЦИОМ, на вопрос «Чего бы Вы хотели добиться в своей собственной жизни?» 91 % респондентов, опрошенных в России в марте 2012 г., ответили «иметь надёжных друзей», 90 % – «честно прожить свою жизнь», 86 % - «иметь интересную работу». С другой стороны, при этом 76 % опрошенных хотели бы «иметь много свободного времени и проводить его в свое удовольствие», 54 % – «сделать карьеру», 52 % – «стать богатыми человеком» ⁵⁹. Как сочетаются столь противоречивые стремления у одного и того же респондента и какое из них «победит» в случае неизбежного конфликта ценностей, нетрудно догадаться.

К 2011-2012 гг. в массовом сознании/бессознательном населения страны произошли серьёзные изменения, выразившиеся в некотором нарастании нечётко вербализированных протестных настроений, которые в ряде случаев проявлялись в отдельных протестных действиях. Тем самым мы наблюдаем процесс завершения существования неолиберальной утопии в России и перехода к новой антиутопии. Чётко она себя пока не выразила, однако уже сейчас ясно, что для реализации данной утопии активно используются информационные технологии, т.е. атрибут информационного общества. Иными словами, социума, используя терминологию китайского учёного Кан Цзы, находящегося на стадии вторичной модернизации. Следовательно, утопия, приходящая в России на смену неолиберальной антиутопии, будет отражать потребности развития

⁵⁸ Подберезкин, А. Коровников А. Россия и глобализация. - М.: Финансовый контроль, 2003. – С. 50-58.

⁵⁹ ВЦИОМ - Пресс-выпуск №1973. Друзья, семья, честная жизнь: жизненные приоритеты россиян [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=112593>

информационного общества, нести в себе его определённые черты. Хотя, вероятно, это будет не главной её особенностью.

В частности, исследования, проведённые доктором социол. наук, проф. О. Крыштановской среди участников акций протеста на Чистых прудах 11 мая 2012 г., были направлены на проверку её гипотезы, согласно которой «...в России зреет сетевая революция, революционная ситуация налицо...»⁶⁰. Автор считает протестную ситуацию весьма устойчивой, «ибо причины, которые привели сюда людей, не исчезнут. Плюс ко всему, мы имеем дело с сетевым характером революционной ситуации. Сначала, когда не было сети, для создания революционной ситуации нужны были очень яркие лидеры-трибуны, которые могли собирать людей под свои знамена. Так было раньше. В сети не так: конечно, тоже нужны лидеры, но лидеры взаимозаменяемы. И лидером может быть не человек, а аккаунт. Например, Навального нет, но с его аккаунта может вещать кто-то другой. Раскрученный аккаунт производит ту же мобилизационно-организационную функцию, что и лидер, в этом случае человек уже не так важен. Из-за этого уничтожить сообщество почти невозможно, очень трудно, оно неуловимо и многополярно»⁶¹.

Исследования, проведённые ИС РАН в 2010 г., показали, что на вопрос: «Какая идея должна стать ключевой для модернизации России?» на первые места вышли варианты ответа «Равенство всех перед законом, соблюдение гарантированных Конституцией прав человека» (41 %), «Жёсткая борьба с коррупцией» (38 %), «Обеспечение социальной справедливости» – 31 %. В результате нельзя не согласиться с мнением Н.Е. Тихоновой, что «социальная модернизация в России не просто не завершена – в последние десятилетия она фактически застопорилась»⁶². Иными словами, всё это в значительной мере объединяется идеей достижения справедливости, построения справедливого для всех общественного порядка; очевидно, это может стать одним из ключевых элементов будущей утопии.

⁶⁰ Крыштановская О. Сажать Навального бессмысленно – революцией управляют аккаунты. [Электронный ресурс: VestiRegion.ru]. – Режим доступа: <http://vestiregion.ru/2012/05/15/kryshtanovskaya-sazhat-navalnogo-bessmyslenno-revolyuaciej-upravlyayut-akkaunty/>

⁶¹ Там же.

⁶² Тихонова Н.Е. Социальная модернизация и перспективы культурной динамики в России // Россия реформирующаяся: Ежегодник 2011 / отв. ред. академик РАН М.К. Горшков. – Вып. 10. - М.; СПб.; Институт социологии РАН, Нестор-История, 2011. – С. 124 - 125.

Весьма близкие результаты получены ВЦИОМ в 2012 г., согласно опросу которого, проведённому 2-3 июня 2012 г., 16 % наших граждан уверены, что к 2020 г. Россия станет ведущей мировой державой. Ещё 14 % прогнозируют то, что наша страна станет богатой, развитой и процветающей, 13 % респондентов не сомневаются в том, что в ближайшие десять лет произойдёт рост благосостояния. Каждый десятый респондент полагает, что Россия станет экономически развитой (10 %) и имеющей развитую политику (9 %). По 6 % ожидают развития сельского хозяйства и промышленности, а также независимость от сырьевого рынка.

Вместе с тем, по мнению опрошенных, основным барьером в развитии России является высокий уровень коррупции (19 %). Также осложнить развитие страны может власть (14 %), экономический кризис (6 %), влияние Америки, Китая, западных стран (6 %) ⁶³.

На наш взгляд, можно с уверенностью предположить, что названные выше социальные требования и ожидания, представления о будущем с большой долей вероятности найдут своё место среди основных характеристик новой зарождающейся в нашей стране утопии. Для более подробного анализа современной модернизации в России используем далее материалы, полученные в результате исследований в регионах Восточной и Западной Сибири.

⁶³ ВЦИОМ. – Пресс-выпуск № 2043. Что ждёт Россию в 2020 году? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=112823>

5. ПОСЕЛЕНЧЕСКАЯ И СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ САМОИДЕНТИФИКАЦИЯ НАСЕЛЕНИЯ РЕГИОНОВ СИБИРИ

Современное российское общество выступает как достаточно слабо интегрированное идентификационное пространство, предоставляющее индивиду различные способы социокультурной самоидентификации. Несмотря на значительное число социологических работ как зарубежных, ставших классическими (от Э. Дюркгейма и Т. Парсонса до А. Шюца, П. Бурдьё, Ю. Хабермаса и др.), так и отечественных авторов (З.Т. Голенковой, Е.Н. Даниловой, Л.М. Дробижевой, Л.Г. Ионина, П.М. Козыревой, Н.И. Лапина, Ю.А. Левады, В.А. Ядова, И.Г. Яковенко и др.), посвящённых теоретическим основам социокультурной самоидентификации и эмпирическому анализу её различных сторон, региональные аспекты этого процесса в современной России остаются, на наш взгляд, недостаточно изученными. Среди наиболее значимых работ отечественных социологов, посвящённых этой проблеме в последние годы, назовём публикации по результатам исследований, проведённых под руководством д-ра социол. наук, чл.-корр. РАН М.К. Горшкова⁶⁴, осуществлённых в рамках программы «Социокультурная эволюция России и её регионов»⁶⁵, анализ идентичности москвичей⁶⁶, молодёжи Юга России⁶⁷ и др. Между тем, адекватный учёт факторов и механизмов поселенческой и социокультурной идентификации в региональном аспекте выступает необходимым условием успешной модернизации современного российского общества, сохранения его единства и социальной стабильности. Особенно актуальна эта проблема для регионов Сибири,

⁶⁴ Российская идентичность в социологическом измерении: информационно-аналитический бюллетень ИС РАН. – 2008. № 3. – 72 с.; Российская идентичность в условиях трансформации. Опыт социологического анализа / Отв. ред. М.К. Горшков, Н.Е. Тихонова. – М.: Наука, 2005. – 396 с.

⁶⁵ Корепанов Г.С. Региональная идентичность как базовая категория социологии регионального развития // Власть. – 2009. – № 1. – С.43-50, Лапин Н.И. Социокультурный подход к изучению эволюции России и её регионов // Регионы в России: социокультурные портреты регионов в общероссийском контексте. – М., 2009. – С. 15-40.

⁶⁶ Рыжова С.В. Идентичность москвичей (опыт исследования) // СоцИс. – 2008. – №8. – С. 40-49.

⁶⁷ Фомина Т.А. Социокультурная самоидентификация современного российского студенчества: региональный аспект: Дисс. ... канд. социол. наук. – Ставрополь, 2007. – 150 с.

которые традиционно являются специфическими поликультурными поселенческими сообществами.

Поселенческая самоидентификация населения регионов Восточной Сибири (на примере Красноярского края и Республики Хакасия) заметно отличается от аналогичной самоидентификации жителей регионов Западной Сибири (Алтайский край, Новосибирская и Омская области). Обращает на себя внимание более низкая самоидентификация с *жителями поселения, в котором я живу (деревня, село, город)* у первых (соответственно, 59 и 58 % респондентов воспринимают их как своё, близкое) по сравнению со вторыми (66, 66, 76 %). При этом, соответственно, 14 и 15 % жителей регионов Восточной Сибири оценивают их как далёкое, чужое (в регионах Западной Сибири аналогичные оценки дали 9, 6 и 12 % респондентов). Тем самым, в большинстве анализируемых регионов Сибири (за исключением Омской области) поселенческая самоидентификация с *жителями поселения, в котором я живу (деревня, село, город)*, ниже, чем в целом по России – 76 % (табл. 5.1).

Таблица 5.1

Чувства близости или отдаленности жителей Российской Федерации с жителями территориальных общностей/сообществ
(% от числа опрошенных)

	Есть близость	Нет близости	Не знаю
Жители поселения, в котором я живу (деревня, село, город)	76	16	8
Жители краевого (областного) центра, хотя я там и не живу	-	-	-
Жители всей моей области / края (республики)	59	27	14
Жители Москвы – столицы России	-	-	-
Жители всей России	38	43	19
Жители бывших республик СССР	23	55	22
Жители всей Земли	20	55	25

Испытывают чувство близости с *жителями всего моего края (области, республики)* также несколько реже респонденты из регионов Восточной Сибири (Красноярский край – 23 %, Республика Хакасия - 32

%), нежели те, кто проживает в Западной Сибири (Алтайский край – 28 %, Новосибирская область – 44 % и Омская область – 44 %). В России в целом этот показатель существенно выше – 59 %.

Аналогичная картина наблюдается и в отношении самоидентификации с *жителями всей России*: Восточная Сибирь, соответственно, 17 и 22 %, Западная Сибирь – 14, 25 и 29 %. Данные в целом по России существенно выше – 38 %.

Ещё заметнее различия в ответах респондентов из регионов Восточной и Западной Сибири, касающиеся их поселенческой самоидентификации с *жителями Москвы – столицы России* (в инструментарии Всероссийского мониторинга данный индикатор отсутствовал). Жители регионов Восточной Сибири, соответственно, 7 и 7 %, Западной Сибири – 6, 13 и 18 % опрошенных.

Из приведённых данных следует ряд выводов:

- жители исследуемых нами регионов Восточной и Западной Сибири имеют различную поселенческую самоидентификацию: у первых, как правило, ниже значение любой поселенческой самоидентификации, по сравнению со вторыми;
- у всех респондентов из пяти рассматриваемых регионов Восточной и Западной Сибири поселенческая самоидентификация заметно ниже, чем у населения России в целом;
- в среднем только каждый пятый респондент-сибиряк самоидентифицирует себя с жителями всей России.

Использование факторного анализа методом «Варимакс» показало, что в массовом сознании/бессознательном жителей Западной Сибири обнаружены следующие латентные переменные, описывающие их поселенческую самоидентификацию.

Алтайский край

Ф-1 выражает самоидентификацию респондентов с жителями Москвы, России, всей Земли. Описательная сила фактора – 39,3%.

Ф-2 характеризует самоидентификацию респондентов с жителями: поселения, в котором живёт, краевого центра, всего края и населением Сибири (33,7 %).

Новосибирская область

Ф-1 описывает самоидентификацию респондентов с жителями: поселения, в котором живёт, областного центра, Новосибирской области. Описательная сила фактора – 41,9 %.

Ф-2 выражает самоидентификацию респондентов с жителями: Москвы, всей России, всей Земли (41,3 %).

Омская область

Ф-1 характеризует самоидентификацию респондентов с жителями: Москвы, всей России, всей Земли. Описательная сила – 36,2 %.

Ф-2 описывает самоидентификацию респондентов с жителями: поселения, в котором живёт, областного центра, Омской области (34,5 %).

Факторный анализ ответов респондентов, проживающих в регионах Восточной Сибири, свидетельствует о следующей специфике латентных структур, описывающих их поселенческую самоидентификацию.

Красноярский край

Ф-1 выражает самоидентификацию респондентов с жителями: Москвы, всей России, бывших республик СССР и населением всей Земли. Описательная сила фактора – 40,7 %.

Ф-2 характеризует самоидентификацию респондентов с жителями: поселения, в котором живёт, краевого центра, края в целом (30,2 %).

Республика Хакасия

Ф-1 описывает самоидентификацию респондентов с жителями: Москвы, всей России, бывших республик СССР и населением всей Земли. Описательная сила фактора – 39,3 %.

Ф-2 выражает самоидентификацию респондентов с жителями: поселения, в котором он живёт, областного центра (хотя он там и не живёт), всей республики (30,8 %).

Результаты факторного анализа ответов россиян, несмотря на некоторое отличие в числе используемых индикаторов, в целом соответствуют результатам подобного анализа ответов респондентов регионов Восточной и Западной Сибири.

Ф-1 описывает самоидентификацию с жителями всей России, бывших республик СССР и всей Земли. Описательная сила фактора – 43,9 %.

Ф-2 выражает самоидентификацию опрошенных россиян с жителями поселения, в котором они живут, а также всей их области/края (республики). Описательная сила – 33,6 %.

Как видим, в анализируемых регионах Восточной Сибири несколько более сильной является латентная переменная, выражающая самоидентификацию респондентов с населением: Москвы, всей России, бывших республик СССР и населением всей Земли, нежели с жителями поселения, в котором они живут, регионального центра (хотя там и не живут), всего региона. В таких регионах Западной Сибири, как Новосибирская и Омская области, описательная сила факторов, выражающих эти латентные переменные, примерно одинакова, в то время как в Алтайском крае заметно слабее региональная самоидентификация. Последнее обстоятельство во многом связано, на наш взгляд, с более худшими условиями жизни в этом сибирском регионе. Выявилась тенденция: рассматриваемые нами регионы Западной Сибири ближе по внутренней структуре поселенческой самоидентификации с общероссийскими данными. Можно предположить, что здесь сказывается степень удалённости регионов от Центра России. Хотя нельзя сбрасывать со счетов и влияние иных факторов, например уровня развития социальной инфраструктуры, культурных объектов и промышленной специализации региона.

Нередко отмеченные выше особенности поселенческой самоидентификации сибиряков препятствуют модернизационным процессам, ибо она воспринимается как усиление эксплуатации природных ресурсов сибирских регионов со стороны «Центра».

6. СОЦИАЛЬНЫЕ ОПАСНОСТИ И ПРЕПЯТСТВИЯ НА ПУТИ МОДЕРНИЗАЦИИ РЕГИОНАЛЬНОГО СОЦИУМА

Выше было показано, что на эффективность модернизационных процессов существенно влияют различные социокультурные феномены, прежде всего, ценностного характера. Присущие социокультурной ситуации антиутопии разного рода страхи людей перед теми или иными угрозами, в основном чувство незащищённости от социальных опасностей, также могут снижать эффективность модернизационных процессов.

В отечественной и западной социологии существует многолетняя традиция изучения социальных чувств. Особое место среди них занимает чувство социальной защищённости, которому противостоит чувство социальной незащищённости. Не вдаваясь в психологическое описание состояния переживаний этих чувств, обратимся к социальным аспектам их возникновения. В частности, речь пойдёт о факторах, порождающих чувство социальной незащищённости. В зависимости от этих факторов могут быть выделены различные виды чувства социальной незащищённости. Логично предположить, что в разных социумах распространены неодинаковые виды чувства социальной незащищённости (или страха перед различными социальными угрозами). Более того, преобладание тех или иных видов чувства социальной незащищённости (которые, очевидно, можно сгруппировать по тем или иным признакам) способно служить основанием и для типологизации социумов, в т.ч. в региональном аспекте.

Трудно не согласиться с таким мнением: «...современные исследования социальных страхов и тревог населения показывают, что страхи переходят во всеобщее социальное явление. Такой переход свидетельствует о том, что современное общество, в том числе и российское, становится обществом тотального риска»⁶⁸. Не случайно в последнее десятилетие феномену социальных страхов в отечественной социологии посвящено немало исследований⁶⁹. Между тем чувство

⁶⁸ Витковская М.И. Теоретико-методологические проблемы изучения «страха» в социологии // Вестник РУДН. Серия Социология. – 2003. – №4-5. – С. 74-79.

⁶⁹ Россия на новом переломе: страхи и тревоги / Под ред. М.К. Горшкова, Р. Крумма, В.В. Петухова. – М.: Альфа-М, 2009. – 160 с.; Горшков М.К., Андреев А.Л., Задорин

незащищённости и страха неотделимо от опасностей и угроз, которыми они вызваны. Существуют различные классификации социальных опасностей и угроз, которые порождают у людей чувства страха и незащищённости. Авторы фундаментального исследования, проведённого под руководством М.К. Горшкова, И.В. Задорина, В.В. Петухова методом экспертного опроса, выделяют 17 опасностей⁷⁰, каждой из которых у индивидов соответствует чувство незащищённости. Г.Н. Бутырин называет физические, экономические, политические, социальные, духовные и социокультурные, а также некоторые другие менее значимые опасности⁷¹. В.А. Иванова и В.Н. Шубкин по результатам факторного анализа выделяют четыре больших комплекса страхов. Первый – это синдром «общей тревожности», при котором людей беспокоит всё, что вносит или может внести ощутимый беспорядок не только на повседневном уровне, но также способен вызвать идеологическую и мировоззренческую разобщённость людей. Второй комплекс страхов связан с проблемами социальной и экономической адаптации. Третий тип страхов вызван ощущением незащищённости и бесправия. Четвёртый тип связан с «масштабными» проблемами и кризисными ситуациями, непрогнозируемыми и неподконтрольными «обычному человеку»⁷². В другом эмпирическом исследовании при разработке его методологических основ были выделены две группы угроз и рисков: 1) *социально-экономического и социально-политического* характера и 2) *метасоциального* порядка (связанные с угрозой планетарной безопасности, природными катаклизмами, экологией, крупными техногенными катастрофами и т.п.)⁷³.

И.В., Петухов В.В., Седова Н.Н., Тихонова Н.Е. ИНАБ. Чего опасаются россияне? – М.: Институт социологии РАН, 2008. – 72 с. и др.

⁷⁰Национальная безопасность России в оценках экспертов. Аналитический отчёт по результатам экспертного опроса // Вестник Института социологии. Актуальные исследования: [веб-сайт]. 2012. 01 февраля. URL: http://www.vestnik.isras.ru/index.php?page_id=1537

⁷¹Бутырин Г.Н. Москвичи о безопасности города и жизни населения // Политическое образование: [веб-сайт]. 2011. 25 июля. URL: <http://www.politobraz.ru/node/29913>

⁷²Иванова В.А., Шубкин В.Н. Массовая тревожность россиян как препятствие интеграции общества // Социологические исследования. – 2005. – № 2. – С. 23-27.

⁷³Задорин И., Шубина Л. Восприятие социальных рисков и угроз: тревожное сознание в странах СНГ. Исследовательская группа ЦИРКОН // Евразийский дом. Информационно-аналитический портал: [веб-сайт]. 2012. 01 февраля. URL: <http://www.eurasianhome.org/xml/t/socials.xml?lang=ru&nic=socials&pid=22>

Действительно, в жизни любого современного общества страх играет важную регулирующую роль. Если исторически это был страх потерять свою жизнь, то теперь значительно чаще это страх утраты своего социального статуса, заболевания, нравственных или психологических страданий. Поэтому зачастую чувство страха тесно взаимосвязано с чувством стыда, образуя единый мотивационный тандем. По нашему мнению, можно выделить две основные группы страхов:

- страхи социализированные, способствующие устойчивости общества и не вызывающие отклоняющегося поведения;
- страхи спонтанные, несоциализированные. Последние очень часто приводят к распространению агрессивного поведения⁷⁴.

Безусловно, **чувство незащищённости** относится к категории несоциализированных страхов. В ситуации социальной аномии, которая в значительной мере присуща современному российскому обществу, оно играет важную роль регулятора социального поведения человека.

Анализ чувства незащищённости и страха относится к сфере социологии эмоций, которая на Западе активно развивается несколько десятилетий, см. напр.: Hochschild A.R.⁷⁵, Tham R.⁷⁶, Turner J.Y.⁷⁷, Barbalet J. M.⁷⁸, Shilling C.⁷⁹, Handbook of the Sociology of Emotions⁸⁰, DeMause L.⁸¹ и др. К настоящему времени опубликовано несколько работ отечественных авторов, в которых анализируются зарубежные тенденции развития социологии эмоций (Деева М.И.⁸², Симонова О.А.⁸³ и др.). В России эти

⁷⁴ Немировский В.Г. Российский кризис в зеркале постнеклассической социологии. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – С.116-117.

⁷⁵ Hochschild A.R. Emotion Work, Feeling Rules and Social Structure // American Journal of Sociology. 1979. Vol. 85. № 3. – P. 551-575.

⁷⁶ Tham R. Social Structure and Emotion // Sociological Perspectives. Beverly Hills, 1992. Vol. 35, № 4. – P. 649-671.

⁷⁷ Turner J.Y. Toward a general sociological Theory of Emotions // J. for the Theory of Social Behavior. Oxford. 1999. Vol. 29, № 2. – P. 133-162.

⁷⁸ Barbalet J. M. Emotion, Social Theory and Social Structure: A Macrosociological Approach. Cambridge: Cambridge University Press, 1999. – 210 p.

⁷⁹ Shilling C. The Two Traditions in the Sociology of Emotions // Emotions and Sociology / ed. by J. M Barbalet. Oxford: Blackwell Publishing, 2002. – P. 10-32.

⁸⁰ Handbook of the Sociology of Emotions / Ed. By J.E. Stets, J.H. Turner. – New York: Springer, 2006. – 657 p. и др.

⁸¹ DeMause, Lloyd (2002). The Emotional Life of Nations. New York: Karnac. 2002. – pp. 454.

⁸² Деева М.И. От индивидуального к разделяемому аффекту: постдюргеймианская традиция в социологии эмоций // Социологическое обозрение. – 2010. – Т. 9. – № 2. – С. 134-154.

подходы не получили пока должного развития, за исключением исследований автора данной монографии⁸⁴.

Для эмпирических исследований чувства незащищённости нами применялась методика, разработанная под руководством д-ра филос. наук, проф., члена-корреспондента РАН Н.И. Лапина и д-ра социол. наук, проф. Л.А. Беляевой⁸⁵. Авторами она была использована не только как самостоятельный индикатор, но и в качестве одного из трёх элементов социального самочувствия населения и для составления индекса социального самочувствия в процессе разработки социокультурных портретов регионов⁸⁶. При этом проанализирована незащищённость/защищённость от отдельных опасностей, и «коэффициент защищённости» – среднее значение защищённости населения региона от 10 опасностей. С использованием данной методики в контексте социального самочувствия населения осуществлён ряд исследований в различных регионах России⁸⁷.

Мы опираемся на исследования, проведённые по репрезентативной выборке методом формализованного интервью в Красноярском крае (2010 г., n = 1000)⁸⁸, Алтайском крае (2010 г., n = 1200), Республике Хакасия

⁸³ Симонова О.А. Социологическое исследование эмоций в современной американской социологии: концептуальные проблемы // Социологический ежегодник. Серия «Теория и история социологии» / Ред. и сост. Н.Е. Покровский, Д.В. Ефременко. – М.: РАН, ИНИОН, ГУ ВШЭ, 2009. – С. 292-331.

⁸⁴ Nemirovsky V.G. The Interdisciplinary Perspectives of the Post-Non-Classical Sociology // The International Journal of Interdisciplinary Social Sciences. – 2007. – Vol. 2. – no. 1. – pp. 65-77. Nemirovsky V.G. The Theoretical-methodological Foundations of Post-non-Classical Approaches in the Contemporary Russian Sociology // Humanities & Social Sciences: Journal of Siberian Federal University. – Krasnoyarsk, 2008. – № 1. – pp. 77-90.

⁸⁵ Социокультурный портрет региона. Типовая программа и методика, методологические проблемы. М-лы конференции «Социокультурная карта России и перспективы развития российских регионов». Москва, 27 июня-1 июля 2005 г. / Под ред. Н.И. Лапина, Л.А. Беляевой. – М.: ИФРАН, 2006. – С. 64.

⁸⁶ Регионы в России: социокультурные портреты регионов в общероссийском контексте / Сост. и общ ред. Н.И. Лапин, Л.А. Беляева. – М., Academia, 2009. – С. 681-687.

⁸⁷ Пасовец Ю.М. Качество жизни населения как интегрированный показатель эффективности функционирования региона // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия социальные науки. – 2011. – № 1 (21). – С. 66-73; Каргополова Е.В. Социальное самочувствие населения: региональный аспект // Вестник Тюменского государственного университета. – 2011. – № 8. – С. 81-86 и др.

⁸⁸ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ проект № 10- 03 – 00001а.

(2010 г., n = 600), Омской области (2008 г., n = 1230), Новосибирской области (2010 г., n = 500), России в целом (2010 г., n = 1163)⁸⁹.

Как видим, рассмотренные регионы Западной и Восточной Сибири существенно различаются по распространённости чувства защищённости/незащищённости от различных опасностей (угроз) как между собой, так и по сравнению с Россией в целом (рис. 6.1). Это ещё раз подтверждает известный тезис о значительной социокультурной, социально-экономической, политической и психологической специфике различных регионов страны.

Нам представляется логичным, что важным основанием для выделения двух основных групп социальных опасностей и, соответственно, чувства незащищённости/защищённости от них может служить разграничение двух основных источников таких опасностей (угроз). Во-первых, внешних объективных условий, которые индивид хотел бы изменить, изолироваться от них и т.п. Во-вторых, внутренних, субъективных характеристик человека, которые он не в силах изменить или вообще не желает менять, поскольку они, например, разрушают его социокультурную самоидентификацию, самосознание, внутреннее «Я».

К первой группе относятся следующие опасности:

- экологическая угроза,
- произвол чиновников,
- произвол правоохранительных органов,
- бедность,
- одиночество и заброшенность,
- преступность.

Ко второй:

- притеснения из-за возраста или пола,
- ущемления из-за национальности,
- притеснения из-за религиозных убеждений,
- преследования за политические убеждения.

Соответственно приведённой классификации опасностей может быть сформулирована и типология социумов в зависимости от продуцируемых ими угроз для индивида (в данном случае – региональных, хотя подобный

⁸⁹ Авторы выражают искреннюю признательность руководителю российского проекта д-ру филос. наук, чл.-корр. РАН Н.И. Лапину и руководителям региональных проектов в Алтайском крае, Новосибирской и Омской областях за возможность использования баз данных по этим регионам.

принцип может быть распространен и на государственный уровень). Так, можно выделить тип социумов, в которых индивиды не защищены от внешних объективных опасностей и угроз, но которые, в принципе, могут быть устранены. Другой тип социумов порождает угрозы субъективности человека, его социокультурной и психологической целостности. Первый тип социумов можно определить как «угрожающий социальной жизнедеятельности человека», второй – «угрожающий социальной индивидуальности человека».

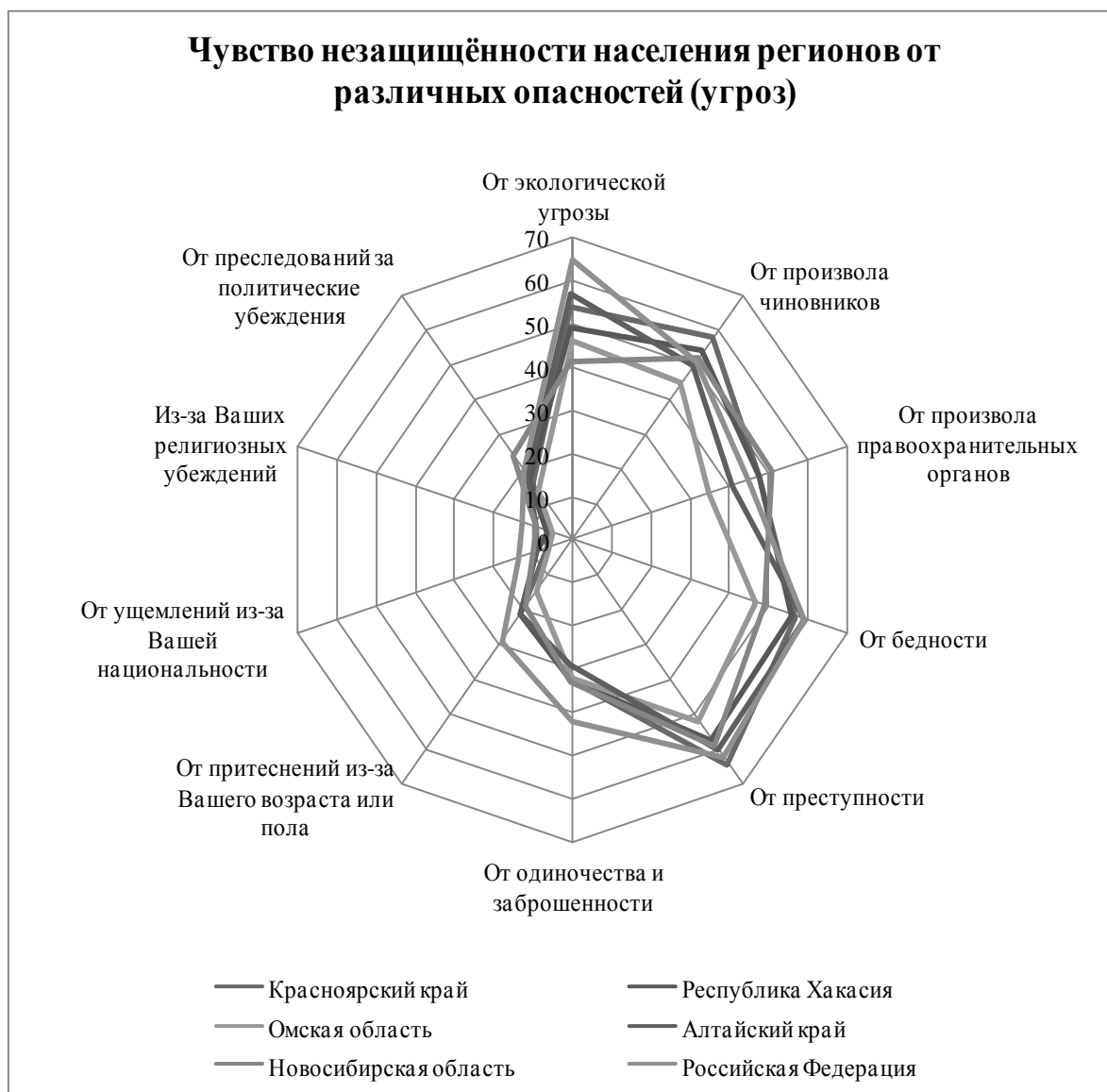

Рис. 6.1. Распространённость чувства незащищённости населения регионов от различных опасностей (угроз) (сумма ответов «совсем не защищён» + «пожалуй, не защищён», в %)

Проанализируем распространение чувства страха в регионах Восточной и Западной Сибири через призму сформулированной выше типологии.

Таблица 6.1

Распространённость чувства незащищённости населения регионов от различных опасностей (угроз) (сумма ответов «совсем не защищён» + «пожалуй, не защищён», в %)

	От каких опасностей	Красно- ярский край	Респуб- лика Хакасия	Омская область	Алтай - ский край	Новоси- бирская область	Россий- ская Феде- рация
Угрозы социальной жизнедеятельности	От экологической угрозы	54	49	46	57	41	65
	От произвола чиновников	58	54	45	50	52	51
	От произвола правоохранительных органов	48	48	35	41	51	45
	От бедности	57	56	47	59	49	59
	От преступности	64	57	52	60	59	62
	От одиночества и заброшенности	32	32	32	29	33	42
Угрозы социальной индивидуальности	От притеснений из-за Вашего возраста или пола	21	21	15	21	19	29
	От ущемлений из-за Вашей национальности	6	9	6	9	10	14
	Из-за Ваших религиозных убеждений	6	6	5	9	9	13
	От преследований за политические убеждения	16	17	14	18	24	20

Из данных, приведённых в табл. 6.1, следует, что как в сибирских регионах, так и в России в целом у респондентов на вербальном плане превалирует чувство страха (в среднем) перед угрозами их социальной жизнедеятельности: соответственно, Красноярский край, – 52 и 12 %, Республика Хакасия – 49 и 13%, Омская область – 43 и 10 %, Алтайский край – 49 и 14 %, Новосибирская область – 48 и 16 %, Россия в целом – 54 и 19 %. Поэтому предварительно можно отнести и обследованные регионы Сибири, и Россию в целом к тому типу социума, который порождает угрозы для социальной безопасности людей. При этом по среднему значению распространённость чувства страха и перед угрозами социальной

жизнедеятельности, и перед угрозами социальной индивидуальности в России несколько выше, чем в регионах Сибири.

Вместе с тем необходимо использовать результаты факторного анализа, ибо чувство незащищённости, страха имеет основу в массовом бессознательном, которую в известной мере можно выявить с помощью методов математической статистики.

В Красноярском крае.

Ф-1 чувство незащищённости от экологической угрозы, произвола чиновников, произвола правоохранительных органов, бедности, одиночества и заброшенности, преступности. Описательная сила фактора – 50,1 %.

Ф-2 от притеснений из-за возраста или пола, ущемления из-за Вашей национальности, притеснений из-за религиозных убеждений, преследований за политические убеждения (19,3 %).

В Алтайском крае.

Ф-1 чувство незащищённости от притеснений из-за Вашего возраста или пола, ущемления из-за Вашей национальности, притеснений из-за Ваших религиозных убеждений, преследований за политические убеждения, одиночества и заброшенности (59,5 %).

Ф-2 чувство незащищённости от экологической угрозы, произвола чиновников, произвола правоохранительных органов, бедности, преступности (14,4 %).

В Омской области.

Ф-1 чувство незащищённости от экологической угрозы, произвола чиновников, произвола правоохранительных органов, бедности, одиночества и заброшенности, преступности (58,3 %).

Ф-2 чувство незащищённость от: притеснений из-за возраста или пола, ущемления из-за национальности, притеснений из-за религиозных убеждений, преследований за политические убеждения (15,8 %).

В Новосибирской области.

Ф-1 чувство незащищённости от экологической угрозы, произвола чиновников, произвола правоохранительных органов, бедности, одиночества и заброшенности, преступности (54,3 %).

Ф-2 чувство незащищённости от притеснений из-за Вашего возраста или пола, ущемления из-за Вашей национальности, притеснений из-за Ваших религиозных убеждений, преследований за политические убеждения (18,7 %).

В Республике Хакасия.

Ф-1 чувство незащищённости от экологической угрозы, притеснений из-за возраста и пола⁹⁰, произвола чиновников, произвола правоохранительных органов, бедности, одиночества и заброшенности, преступности (52,0 %).

Ф-2 чувство незащищённости от ущемления из-за национальности, притеснений из-за Ваших религиозных убеждений, преследований за политические убеждения (15,4 %).

В России в целом.

Ф-1 чувство незащищённости от экологической угрозы, произвола чиновников, произвола правоохранительных органов, бедности, одиночества и заброшенности, преступности (64,9 %).

Ф-2 чувство незащищённости от притеснений из-за возраста или пола, ущемления из-за национальности, притеснений из-за религиозных убеждений, преследований за политические убеждения (11,8 %).

Как видим, согласно результатам факторного анализа в массовом бессознательном населения исследуемых регионов Западной и Восточной Сибири (за исключением жителей Алтайского края), как и России в целом, **первый**, наиболее мощный, фактор описывает *незащищённость от угроз социальной жизнедеятельности*, **второй**, слабый, *незащищённость от угроз социальной индивидуальности человека*. Исключение представляет Алтайский край, где наблюдается **обратная картина**: наиболее мощный фактор характеризует страх перед угрозами социальной индивидуальности, слабый – чувство незащищённости перед угрозами социальной жизнедеятельности людей. На наш взгляд, это связано, в первую очередь, с социально-экономической и культурно-исторической спецификой данного региона, где высока доля сельского населения, более низкий уровень жизни по сравнению с иными регионами и другие особенности.

Существование чувства незащищённости перед теми или иными угрозами во многом определяется *локусом контроля* человека, т.е. представлением, от кого или чего зависит, как протекает его жизнь. При *экстернальном* локусе контроля ответственность за свою судьбу индивид приписывает различным внешним обстоятельствам, при *интернальном* –

⁹⁰ Отметим незначительную разницу в степени взаимосвязи признака «от притеснений из-за Вашего возраста или пола»: с первым фактором коэффициент корреляции составляет 0,504, со вторым – 0,491.

считает самого себя хозяином собственной жизни. В данном исследовании индикатором интернального-экстернального локуса контроля выступал вопрос: «Как вы считаете, в какой степени улучшение Вашей жизни сегодня зависит от Вас самих?». Ответы распределялись по пятибалльной шкале: «полностью зависит», «пожалуй, зависит», «не знаю, трудно сказать», «пожалуй, не зависит», «совсем не зависит». Логично предположить, что индивиды, обладающие интернальным локусом контроля, менее склонны к чувству незащищённости перед различными опасностями.

В процессе проверки данной гипотезы с помощью корреляционного анализа во всех регионах Сибири, как и в России в целом, выявлена тенденция: чем выше интернальный локус контроля, тем меньше у людей страхов перед угрозами **социальной жизнедеятельности**, что вполне логично. Чем меньше чувствует себя человек игрушкой в руках внешних социальных сил, тем выше его чувство защищённости перед ними. С выраженностью чувства незащищённости по поводу нарушения **социальной индивидуальности** респондентов корреляция с локусом контроля отсутствует. Исключение составляет незащищённость от притеснений из-за пола и возраста во всех регионах (положительная корреляция – коэффициент Пирсона – в рамках 0,180 - 0,229), а также незащищённость от преследований за политические убеждения в России в целом (0,100) и в Красноярском крае (0,068).

Приведённые данные свидетельствуют о крайне слабом развитии социальной индивидуальности населения как во многих сибирских регионах, так и в России в целом. В частности, таких её характеристик, которые выражаются национальностью человека, его религиозными и политическими убеждениями. Последние, как исключение из сказанного, в определённой мере развиты у респондентов, опрошенных в России и в Красноярском крае. Очевидно, можно говорить о некоторой степени политизированности данного населения. Причём эта политизированность, скорее, оппозиционного или квазиоппозиционного толка, ибо собственные политические убеждения вызывают у людей страх, что они подвергнутся за это неким преследованиям.

Напротив, те элементы социальной индивидуальности, которые определяются полом и возрастом, выражены довольно ярко и могут контролироваться людьми. Однако чувство незащищённости перед притеснениями из-за своего пола и возраста – важнейших социальных

характеристик человека – свидетельствует о значительных проблемах современного российского общества.

В Алтайском крае установлена необычная тенденция: чем выше интернальный локус контроля, тем сильнее чувство страха перед угрозами **социальной жизнедеятельности**. В этом регионе также обнаружена отрицательная корреляция между интернальным локусом контроля и чувством незащищённости, притеснениями из-за пола и возраста. Иными словами, чем больше эти респонденты уверены, что улучшение их жизни зависит от них самих, тем сильнее чувствуют себя незащищёнными от подобных притеснений. На наш взгляд, для пояснения подобных тенденций необходимы специальные исследования, в том числе психологического характера.

Таблица 6.2

Распределение ответов респондентов на вопрос: «Вы здесь родились или приехали из другого города (села), из другого региона?»

(% от числа ответивших)

Варианты ответа	Красноярский край	Республика Хакасия	Омская область	Алтайский край	Новосибирская область
Здесь родился	44	51	55	53	51
Приехал по своему желанию из другого города (села) нашего региона	38	35	30	32	30
Приехал по своему желанию из другого региона РФ или СНГ	17	13	12	13	17
Вынужденный переселенец из другого региона РФ или СНГ	1	1	1	2	2
Переехал из другой страны на постоянное жительство	-	-	2	-	-
Приехал сюда временно из другой страны	0	0	0	0	0

Таблица 6.3

Распределение ответов респондентов на вопрос: «Как Вы считаете, жители нашего региона живут лучше или хуже, чем жители соседних регионов?»

(% от числа ответивших)

Варианты ответа	Красноярский край	Республика Хакасия	Омская область	Алтайский край	Новосибирская область
В нашем регионе люди живут лучше, чем в соседних	10	15	9	3	18
По сравнению с одними регионами у нас люди живут лучше, а по сравнению с другими – хуже	62	59	60	40	53
В нашем регионе люди живут хуже, чем во всех соседних регионах	9	8	14	45	13
Затрудняюсь ответить	19	18	17	12	16

Таблица 6.4

Распределение ответов респондентов на вопрос: «Какие чувства Вы испытываете по отношению к своему региону?»

(% от числа ответивших)

Варианты ответа	Красноярский край	Республика Хакасия	Омская область	Алтайский край	Новосибирская область	Российская Федерация
Я рад, что живу здесь	24	32	26	19	32	41
В целом я доволен, но многое не устраивает	46	40	43	47	39	41
Не испытываю особых чувств по этому поводу	12	13	15	14	18	7
Мне не нравится жить здесь, но привык и не собираюсь уезжать	5	3	7	9	4	5
Хотел бы уехать в другой регион России	7	6	6	6	4	3
Хотел бы вообще уехать из России	4	5	2	4	2	1
Затрудняюсь ответить	2	1	1	1	1	2

Вместе с тем, несколько лучше понять источники описанной ситуации в Алтайском крае позволяют следующие данные, полученные в ходе исследования, проведённого в нём по методике «Социокультурный портрет региона» (табл. 6.2). Из них следует, что в Алтайском крае более половины респондентов (как, впрочем, и в ряде других регионов Сибири) родились в данном регионе. Между тем только 3 % ответивших на вопрос жителей Алтайского края считают, что *«В нашем регионе люди живут лучше, чем в соседних»* (эта доля в несколько раз ниже, чем среди респондентов из других регионов Сибири). Одновременно 45 % респондентов-алтайцев придерживаются мнения, что *«В нашем регионе люди живут хуже, чем во всех соседних регионах»* (табл. 6.3). Подобные ответы в Омской области дали 14 % респондентов, в Новосибирской области – 13 %, Красноярском крае – 9 %, Республике Хакасия – 8 % респондентов.

На вопрос «Какие чувства вы испытываете к своему региону?» лишь 19 % алтайцев ответили: «Я рад, что живу здесь» (табл. 6.4). Подобным образом ответили 41 % жителей Российской Федерации в целом, 32 % – Республики Хакасия, 32 % – Новосибирской области, 26 % – Омской области, 24 % – Красноярского края.

Таким образом, в Алтайском крае значительно выше недовольство жителей тем, что они живут именно в данном регионе. Разумеется, подобная ситуация не может не сказаться на эффективности модернизационных процессов в этом регионе Сибири.

В заключение следует подчеркнуть, что именно разного рода социальные страхи, наряду с определённым деструктивным воздействием, оказывают также консолидирующее воздействие на социум и его отдельные сегменты. В определённые моменты истории, как, например, в период «сталинской модернизации», чувство страха нередко могло играть роль мобилизующего фактора. В настоящее же время крайне слабо развитая социальная индивидуальность, а также чувство социальной незащищённости как в различных регионах Сибири, так и в стране в целом, без сомнения, находятся в числе серьёзных барьеров на пути эффективной модернизации России.

7. СОЦИАЛЬНОЕ И МЕЖЛИЧНОСТНОЕ ДОВЕРИЕ ЖИТЕЛЕЙ РЕГИОНОВ СИБИРИ КАК ФАКТОР МОДЕРНИЗАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ

Реализация задач современной российской модернизации невозможна без развития социального доверия населения, как его институциональной составляющей, так и межличностного доверия. Наличие социального доверия выступает одним из важнейших факторов эффективной коммуникации в социуме, обеспечивающей не только его стабильность, но и поступательное развитие. Будучи одним из важнейших элементов социального капитала, доверие выражает настоящий и прошлый социальный опыт индивида, поскольку именно посредством эмоционального механизма доверия во многом осуществляется формирование социального капитала. Доверие воспроизводится социумом и протекающими в нём социально-экономическими, социально-политическими, социопсихологическими и социокультурными процессами. Важнейшая роль доверия в развитии и функционировании современного общества показана во многих исследованиях и публикациях, которые посвящены данной теме. Обратим внимания на известную работу Ф. Фукуямы⁹¹.

Особый интерес представляет тот факт, что Ф. Фукуяма ввел интегративное понятие «социальный капитал», основанное на доверии: «Доверие – это возникающее у членов сообщества ожидание того, что другие его члены будут вести себя более или менее предсказуемо, честно и с вниманием к нуждам окружающих, в согласии с некоторыми общими нормами. ... Социальный капитал – это определенный потенциал общества или его части, возникающий как результат наличия доверия между его членами. Он может быть воплощен и в мельчайшем базовом социальном коллективе – семье, и во всех коллективах, существующих в промежутке между ними. Социальный капитал отличается от других форм человеческого капитала тем, что обычно он создается и передается посредством культурных механизмов таких, как религия, традиция, обычай. ... Не принижая роли договора и эгоистического интереса как основ ассоциации, надо сказать, что наиболее действенные организации имеют под собой другую основу: коллектив, объединенный общими этическими ценностями. Членам таких коллективов не требуется

⁹¹ Фукуяма Ф. Доверие. Социальные добродетели и путь к процветанию. – М., 2004.

подробная контрактно-правовая регламентация их отношений, потому что существующий между ними моральный консенсус является базисом их взаимного доверия»⁹².

Наряду с термином «доверие» нам представляется эвристичным применять не только его антитезу – «недоверие», но и использованный П. Штомпкой термин «безверие» для характеристики нейтральных ситуаций, когда индивид не высказывает ни доверия, ни недоверия некоему социальному субъекту⁹³. Поэтому можно говорить о том, что безверие – промежуточная фаза процесса формирования/разрушения доверия, когда доверие или недоверие уже утрачено, но ещё не сформировалось нового отношения к данному социальному субъекту.

Таким образом, мы можем представить «поле доверия» в массовом сознании/ бессознательном населения региона в качестве своеобразной матрицы социальных взаимодействий, основными характеристиками которого выступают **доверие, недоверие и безверие**⁹⁴.

Именно доверие, недоверие и безверие как важные характеристики социального капитала населения (в данном случае регионального социума) – важные показатели условий успешного протекания в нём модернизационных процессов. Не требует доказательств, что как личностное, так и институциональное недоверие и безверие являются серьёзными препятствиями для эффективной реализации модернизационных процессов в социуме. Напротив, доверие – один из важнейших факторов поддержки данных процессов.

⁹² Там же – С. 27.

⁹³ Sztompka P. Trust: a Sociological Theory. Cambridge: Cambridge University Press, 1999. – P. 214.

⁹⁴ Немировский В.Г., Немировская А.В. Социальная структура и социальный капитал населения Красноярского края: монография. – Красноярск: СФУ, 2011. – С. 32-33.

Таблица 7.1

Скажите, пожалуйста, в какой мере Вы доверяете или не доверяете региональным (республиканским, краевым, местным) органам управления, организациям? (в % от числа ответивших)

Региональные органы управления, организации	Полностью доверяю						Пожалуй, доверяю в основном						Трудно сказать точно					Не очень доверяю					Совсем не доверяю							
	Красноярский край	Республика Хакасия	Омская область	Алтайский край	Новосибирская область	Российская Федерация	Красноярский край	Республика Хакасия	Омская область	Алтайский край	Новосибирская область	Российская Федерация	Красноярский край	Республика Хакасия	Омская область	Алтайский край	Новосибирская область	Российская Федерация	Красноярский край	Республика Хакасия	Омская область	Алтайский край	Новосибирская область	Российская Федерация	Красноярский край	Республика Хакасия	Омская область	Алтайский край	Новосибирская область	Российская Федерация
1. Суд	6	7	22	10	8	9	34	31	37	19	34	30	26	27	19	24	27	25	25	25	17	34	23	21	9	10	5	13	8	15
2. Президент республики, губернатор	9	11	15	14	17	11	38	33	28	23	35	39	29	28	26	32	23	21	18	21	18	24	16	17	6	7	13	7	9	12
3. Профсоюз	6	6	10	17	4	7	22	22	23	21	27	28	36	33	36	34	34	30	19	20	16	22	25	18	17	19	15	6	10	17
4. Прокуратура	5	6	20	13	9	7	23	27	31	22	23	30	33	30	22	28	33	26	25	26	17	28	23	22	14	11	10	9	12	15
5. Полиция	3	4	13	21	6	5	16	20	24	28	23	24	27	23	22	26	16	24	33	33	25	20	38	27	21	20	16	5	17	20
6. Правительство региона	3	6	14	15	14	6	25	26	30	21	30	33	38	33	28	35	21	27	22	24	18	23	24	21	12	11	10	6	11	13
7. Политические партии (их региональные отделения)	1	4	5	26	9	3	9	10	17	24	15	13	35	35	35	36	27	56	27	24	21	12	26	16	28	27	22	2	23	12
8. Законодательное собрание, Дума региона	2	5	10	19	4	6	16	16	28	21	20	25	35	36	31	37	29	32	28	26	17	19	33	21	19	17	14	4	14	16
9. СМИ (печать, радио, телевидение)	2	3	4	16	5	7	22	26	19	26	24	27	26	25	29	29	26	25	36	33	28	24	30	23	14	13	20	5	15	18
10. Муниц., местные органы управления	1	4	-	19	-	6	20	24	-	22	-	29	33	35	-	33	-	28	28	25	-	21	-	21	18	12	-	5	-	16

Региональные органы управления, организации	Полностью доверяю					Пожалуй, доверяю в основном					Трудно сказать точно					Не очень доверяю					Совсем не доверяю									
	Красноярский край	Республика Хакасия	Омская область	Алтайский край	Новосибирская область	Красноярский край	Республика Хакасия	Омская область	Алтайский край	Новосибирская область	Красноярский край	Республика Хакасия	Омская область	Алтайский край	Новосибирская область	Красноярский край	Республика Хакасия	Омская область	Алтайский край	Новосибирская область	Красноярский край	Республика Хакасия	Омская область	Алтайский край	Новосибирская область					
11. Президент России	17	21	-	-	-	17	43	38	-	-	-	48	19	19	-	-	-	17	14	14	-	-	-	11	7	8	-	-	-	7
12. Правительство России	12	15	-	-	-	11	33	34	-	-	-	44	29	26	-	-	-	20	17	16	-	-	-	15	9	9	-	-	-	10
13. Госдума России	6	8	-	-	-	6	23	24	-	-	-	26	33	34	-	-	-	30	22	20	-	-	-	22	16	14	-	-	-	16
14. Армия	8	9	-	-	-	12	25	20	-	-	-	36	27	28	-	-	-	23	21	23	-	-	-	16	19	20	-	-	-	13
15. Церковь и духовенство	19	15	-	-	-	25	29	27	-	-	-	39	32	29	-	-	-	17	8	14	-	-	-	10	12	15	-	-	-	9
16. Бог	41	38	-	-	-	-	20	20	-	-	-	-	27	27	-	-	-	-	4	4	-	-	-	-	8	11	-	-	-	-
17. Соотечественники	8	8	-	-	-	-	36	33	-	-	-	-	40	42	-	-	-	-	11	11	-	-	-	-	5	6	-	-	-	-
18. Работодатель (администрация, руководство)	5	8	-	-	-	-	33	32	-	-	-	-	32	30	-	-	-	-	18	19	-	-	-	-	12	11	-	-	-	-
19. Коллеги	12	11	-	-	-	-	50	50	-	-	-	-	26	22	-	-	-	-	10	12	-	-	-	-	2	5	-	-	-	-
20. Соседи	8	9	-	-	-	-	41	35	-	-	-	-	32	33	-	-	-	-	14	16	-	-	-	-	5	7	-	-	-	-
21. Семья и родственники	70	65	-	-	-	-	25	27	-	-	-	-	3	5	-	-	-	-	1	1	-	-	-	-	1	2	-	-	-	-
22. Я сам	77	76	-	-	-	-	17	17	-	-	-	-	4	4	-	-	-	-	1	2	-	-	-	-	1	1	-	-	-	-

Сравним уровень институционального и межличностного **доверия**, который существовал в массовом сознании населения некоторых регионов Сибири и России в целом в 2010 гг. Следует учитывать, что при исследованиях не во всех регионах использовался полный перечень индикаторов доверия. В частности, речь идёт об опросах среди населения Омской и Новосибирской областей, Алтайского края, частично – Российской Федерации в целом (табл. 7.1).

Институциональное доверие населения (вариант ответа «полностью доверяю») к таким федеральным институтам власти, как *Президент России* и *Правительство России*, было несколько выше в Республике Хакасия, чем в Красноярском крае и России в целом (соответственно, 21, 17 и 17; 15, 12 и 11 %). *Госдуме РФ* доверяют в этих регионах и стране одинаково, армии – несколько выше в России в целом. Весьма заметны различия в доверии *Церкви и духовенству*: население России в целом проявляет существенно большее доверие к ним, чем жители Красноярского края и Республики Хакасия: соответственно, 25, 19 и 15 % опрошенных выбрали вариант ответа «полностью доверяю».

Полное доверие к *суду* и *прокуратуре* выше, чем в других регионах или в России в целом среди опрошенных жителей Омской области (22 и 20 %), минимальное демонстрируют жители Красноярского края и Республики Хакасия (6 и 7 %). Вариант ответа, отражающий их полное доверие к *полиции*, наиболее часто выбирали жители Алтайского края (21 %), наиболее редко – жители Красноярского края (3 %), Республики Хакасия (4 %) и россияне в целом (5 %).

Главе региона (президенту республики, губернатору) полностью доверяют чаще других жители Новосибирской области (17 %), реже – жители Красноярского края (9 %). *Правительство региона* пользуется наибольшим доверием у жителей Алтайского края (15 %), Новосибирской (14 %) и Омской (14 %) областей. Жители Алтайского края демонстрируют наиболее высокую степень доверия, а население соседнего с ним Красноярского края – минимальное доверие *Законодательному собранию (Думе региона)* – соответственно, 19 и 2 % опрошенных, *политическим партиям (их региональным отделениям)* – 26 и 1 %, *СМИ (печать, радио, телевидение)* – 16 и 2 %, *муниципальным, местным органам управления* – 19 и 1 % респондентов.

Как видим, по степени институционального доверия в 2010 г. своеобразным «лидером» выступало население Алтайского края,

«аутсайдером» – Красноярского региона. Выявление причин такой ситуации требуют специального анализа.

Институциональное **недоверие** социальным институтам охраны правопорядка наиболее высоко проявляется в массовом сознании населения России в целом (*прокуратура* – 15 %, *суд* – 15 %, *полиция* - 20 %) и Красноярского края (*прокуратура* – 14 %, *полиция* – 21 %), Республика Хакасия (*полиция* – 20%). Минимально **не доверяют** этим социальным институтам (*прокуратуре*) жители Алтайского края – 9 %, Омской области 10 %, Республики Хакасия – 11 %, *полиции* респонденты из Алтайского края – 5 %. Максимальное **недоверие** *губернатору, президенту республики* выявлено как у населения России в целом (12 %), так и у жителей Омской области (13 %), минимальное – демонстрируют респонденты из Красноярского (6 %) и Алтайского краёв (7 %), а также Республики Хакасия (7 %).

Институциональное безверие *суду* минимально в Омской области (19 %), в остальных регионах Сибири, как и в России в целом, заметно выше: 24 – 27 % опрошенных. *Президенту республики, губернатору* – минимальное – в РФ (21 %) и в Новосибирской области (23 %), максимальное – в Алтайском крае (32 %). Минимальное безверие в *профсоюзы* проявляют жители РФ (30 %), максимальное – Красноярский край (36 %) и Омская область (36 %). *Прокуратура* – минимальное – Омская область (22 %), максимальное – Красноярский край (33 %) и Новосибирская область (33 %). *Полиция* – максимальное – Красноярский край (27 %) и Алтайский край (26 %). Минимальное – Новосибирская область (16 %). *Правительство региона* – минимальное – Новосибирская область (38 %), максимальное – Красноярский край (21 %). *Политические партии (их региональные отделения)* – минимальное безверие проявляют респонденты из Новосибирской области (27 %), максимальное – жители РФ (56 %). *Законодательному собранию, Думе региона* максимальное безверие у жителей Алтайского края (37 %), Республики Хакасия (36 %), Красноярского края (35 %), минимальное – у жителей Новосибирской области (29 %) и Омской области (31 %), РФ в целом (32 %). Безверие населения по отношению к *СМИ (печать, радио, телевидение)* по сравнению с другими регионами Сибири и Россией в целом (где они слабо отличаются друг от друга) несколько выше в Омской области (29 %) и в Алтайском крае (29 %). Безверие по отношению к *муниципальным,*

местным органам управления выше в Республике Хакасия (35 %), ниже в РФ в целом (28 %).

Таким образом, институциональное доверие, недоверие и безверие имеют заметные различия между регионами Сибири, а также между ними и показателями по России в целом. Во многих случаях бывает затруднительно без проведения специальных исследований объяснить природу этих различий. На наш взгляд, важно отметить, что Восточная и Западная Сибирь включают целый ряд регионов, которые относятся к различным социально-экономическим и социокультурным типам, имеют разный «стартовый капитал» и условия развития, демонстрируют различные темпы модернизации. Соответственно, повышение эффективности их инновационного развития, ускорение темпов модернизации во многом зависит от детального учёта социокультурной специфики, а не только социально-экономической, как это зачастую принято сейчас. Федеральным властям давно пора уяснить простую вещь: регионы Сибири очень различны, не менее, чем другие регионы России. И для успешного их развития (а следовательно, процветания всей нашей страны) необходим индивидуальный подход к каждому из них, учитывающий его социокультурные особенности.

Рассмотрим подробнее эти особенности на примере динамики социального доверия, а также некоторых других социокультурных показателей одного из наиболее крупных и развитых регионов Восточной Сибири – Красноярского края.

Институциональное доверие:

- Президенту России (варианты ответа «полностью доверяю» + «пожалуй, доверяю в основном» = 34 % – 2011 г. (33 % – 2012 г.),
- Правительству России, соответственно, – 26 (27),
- армии 30 – (43),
- церкви и духовенству 40 – (43),
- суду 22 – (39),
- Губернатору 21 – (34),
- профсоюзам 17 – (31),
- прокуратуре 19 – (32),
- полиции (милиция) 12 – (27),
- Правительству региона 14 – (24),
- Законодательному собранию 10 – (19),
- СМИ 17 – (23),

- муниципальным и местным органы самоуправления 14 – (24),
- Госдуме РФ 16 – (19).

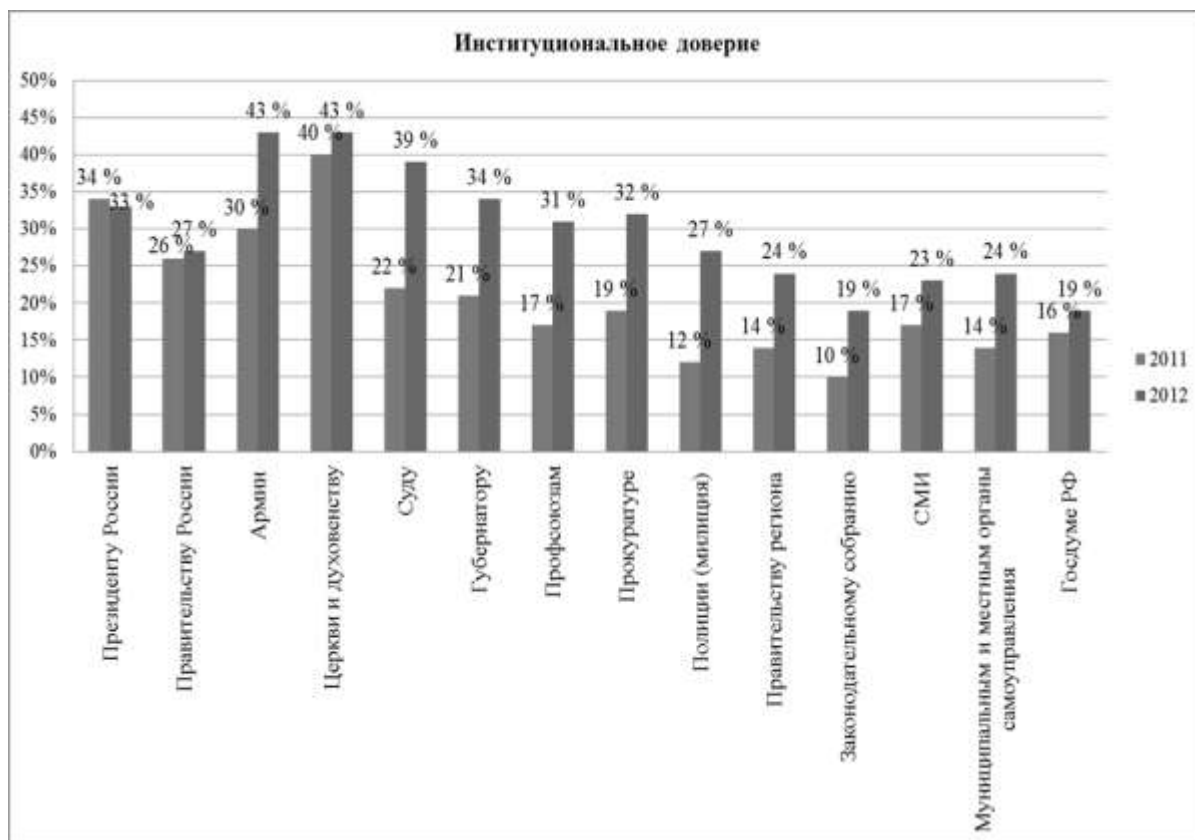

Рис. 7.1. Институциональное недоверие населения Красноярского края в 2011-2012 гг.

На основе представленных данных можно сделать вывод, согласно которому за истекший год наиболее значительно выросло институциональное доверие респондентов армии, суду, Губернатору края, профсоюзам, прокуратуре, полиции, Законодательному собранию, муниципальным и местным органы самоуправления, Правительству региона.

Межличностное доверие (рис. 7.2):

- семье и родственникам (варианты ответа «полностью доверяю» + «пожалуй, доверяю в основном») = 93 % – 2011 г. (93 % – 2012 г.),
- самому себе – 90 – (93),
- людям, с которыми вы лично знакомы – 60 – (64),
- коллегам – 59 – (63),
- соседям – 41 – (47),
- работодателю (администрации) – 32– (41),

- соотечественникам – 33 – (41).
- людям, с которыми Вы встречаетесь в первый раз 6 – (8).

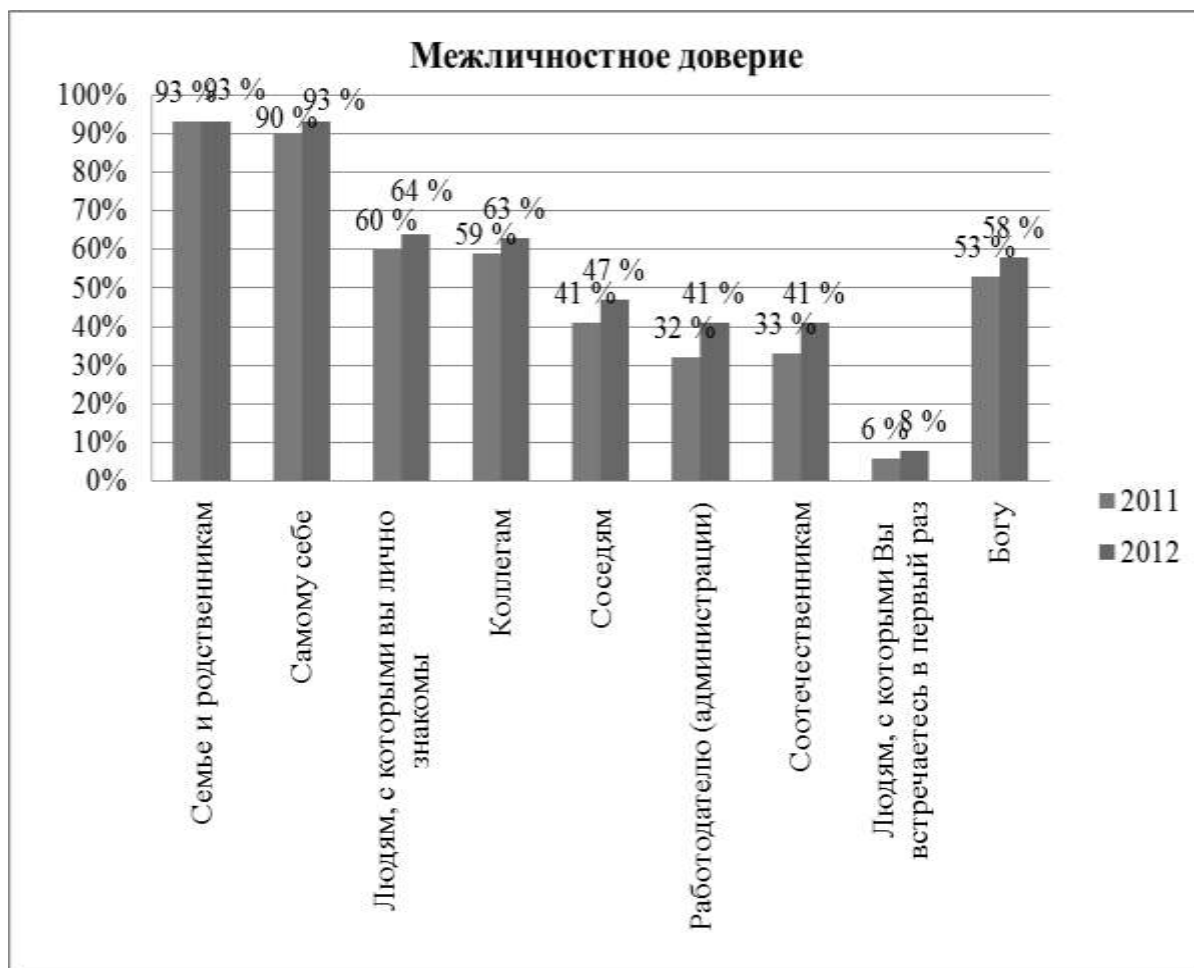

Рис. 7.2. Межличностное доверие населения Красноярского края в 2011-2012 гг.

Межличностное доверие населения Красноярского края также несколько выросло, прежде всего, работодателю (администрации), соотечественникам, соседям.

Следует отметить, что достаточно увеличился уровень доверия к такой надличностной инстанции, как Бог – 53 % (58 %).

Рис. 7.3. Институциональное недоверие населения Красноярского края в 2011-2012 гг.

При этом выделяется следующий рейтинг **институционального недоверия** респондентов (рис. 7.3):

- политическим партиям (варианты ответа «не очень доверяю» + «совсем не доверяю» = 65 % – 2011 г., (60 % – 2012 г.);
- полиции (милиции) – 63 (46),
- СМИ – 56 (51),
- муниципальным и местным органам самоуправления – 56 (44),
- Законодательному Собранию – 52 (46),
- Правительству региона – 51 – (40),
- Госдуме РФ – 50 – (47),
- Правительству России – 42 – (42),
- прокуратуре – 48 – (40),

- суду – 48 – (37)
- Губернатору – 47 – (34),
- профсоюзам – 47 – (35),
- армии – 38 – (25),
- Президенту РФ – 36 – (38),
- церкви и духовенству – 25 – (24).

Как видим, с 2011– по 2012 гг. в целом заметно снизился уровень институционального недоверия жителей Красноярского края. Напротив, остаётся довольно высокой степень **межличностного недоверия** (рис. 7.4):

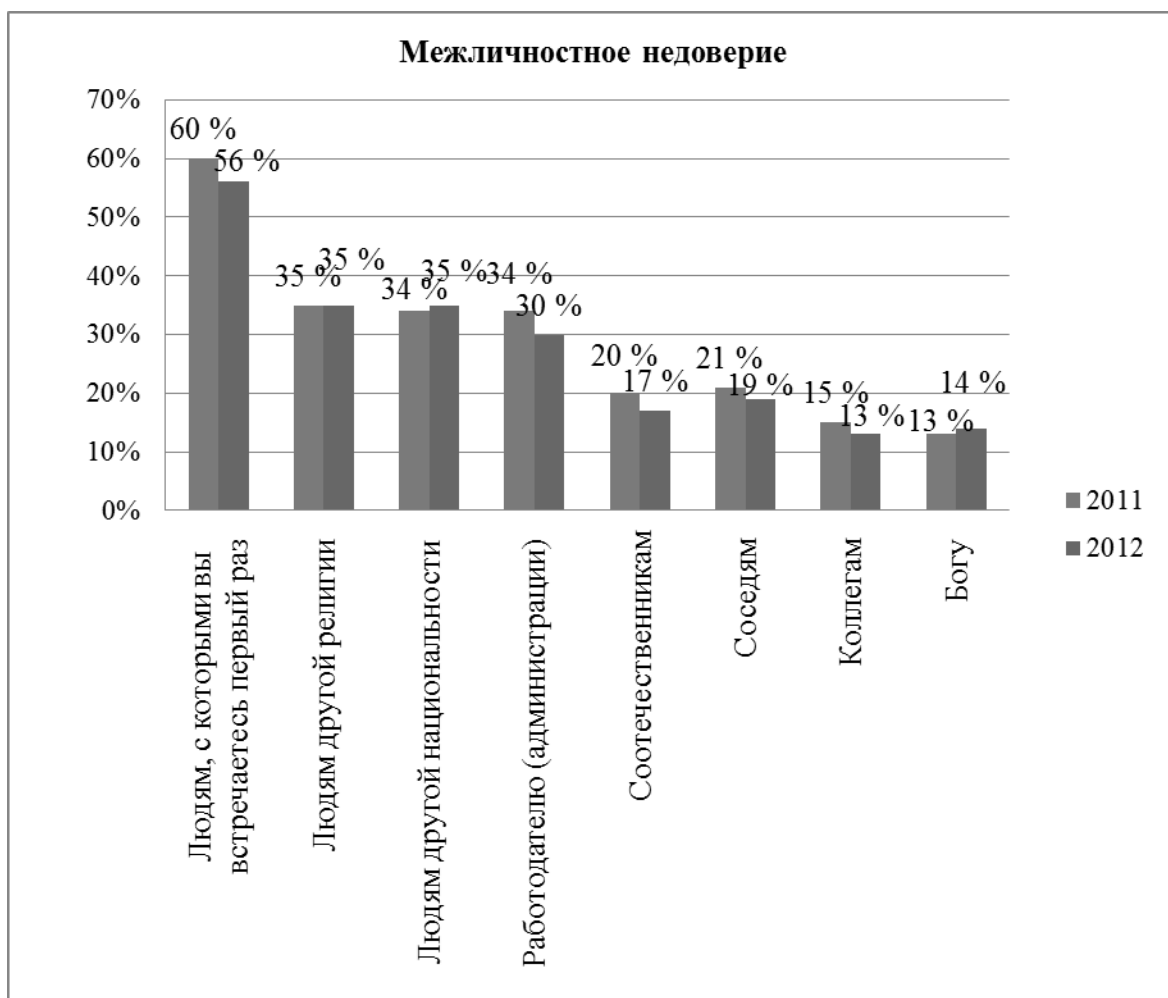

Рис. 7.4. Межличностное недоверие населения Красноярского края в 2011-2012 гг.

- людям, с которыми вы встречаетесь первый раз (варианты ответа «не очень доверяю» + «совсем не доверяю» = 60 % – 2011 г., (56 % – 2012 г.),

- людям другой религии – 35 – (35),
- людям другой национальности – 34 – (35),
- работодателю (администрации) – 34 – (30),
- соотечественникам – 20 – (17),
- соседям – 21 – (19),
- коллегам – 15 – (13),
- Богу – 13 – (14).

В отдельных случаях межличностное недоверие несколько снизилось, в частности по отношению к людям, с которыми встречаетесь в первый раз, и к работодателю (администрации).

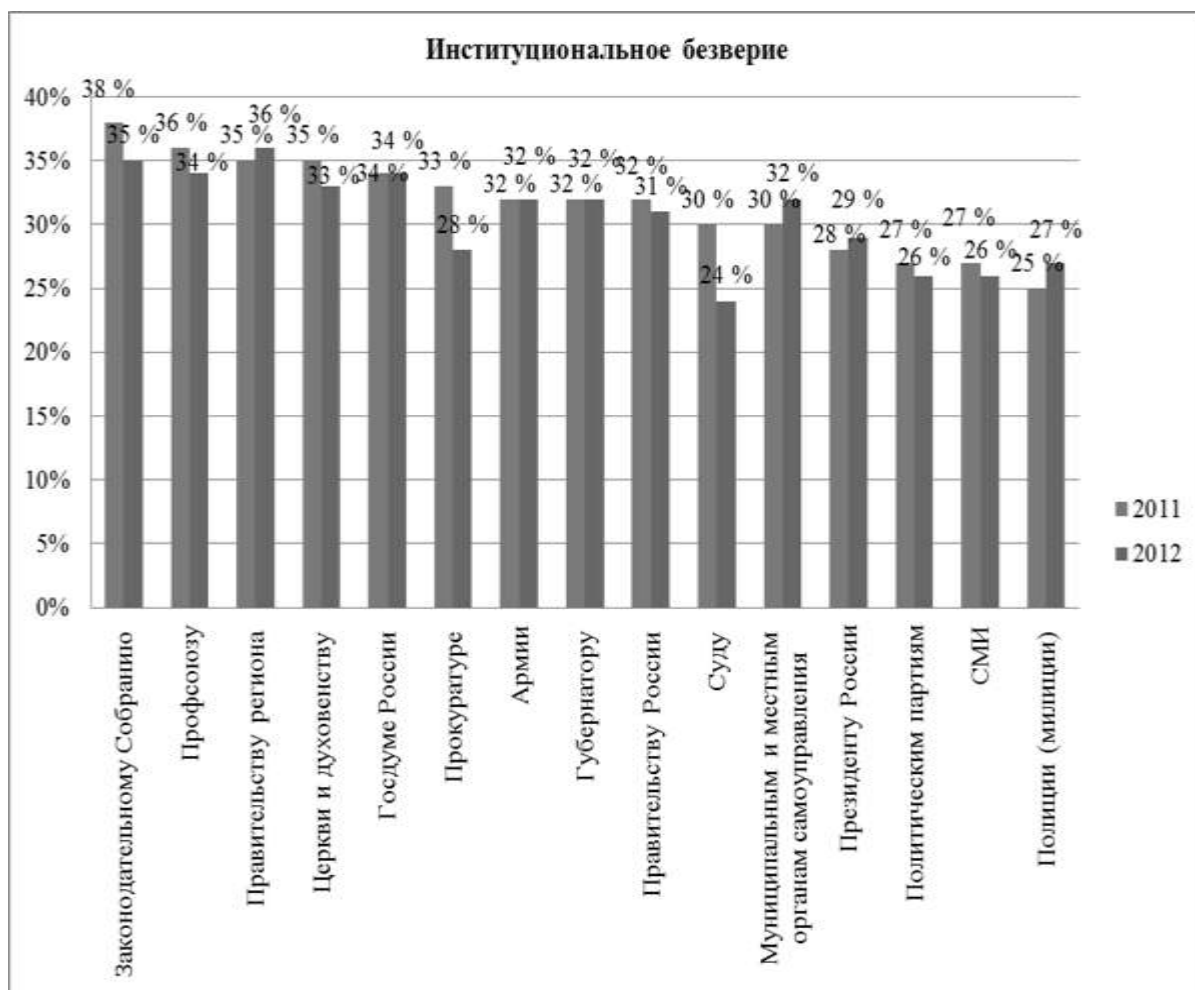

Рис. 7.5. Институциональное безверие населения Красноярского края в 2011-2012 гг.

Можно составить следующий рейтинг **институционального безверия** (рис. 7.5) у опрошенных жителей Красноярского края (варианты ответа «трудно сказать точно» + «не знаю»):

- Законодательному Собранию – 38 % – 2011 г. (2012 г. – 35 %),

- профсоюзу – 36 – (34),
- правительству региона – 35 – (36),
- церкви и духовенству – 35 – (33)
- Госдуме России – 34 – (34),
- прокуратуре – 33 – (28),
- армии – 32 – (32),
- Губернатору – 32 – (32),
- Правительству России – 32– (31),
- суду – 30 – (24),
- муниципальным и местным органам самоуправления – 30– (32),
- Президенту России – 28 – (29),
- политическим партиям – 29 – (31),
- СМИ – 27 – (26),
- полиции (милиции) – 25 – (27).

Как показывают данные, заметно снизилось институциональное безверие суду и прокуратуре.

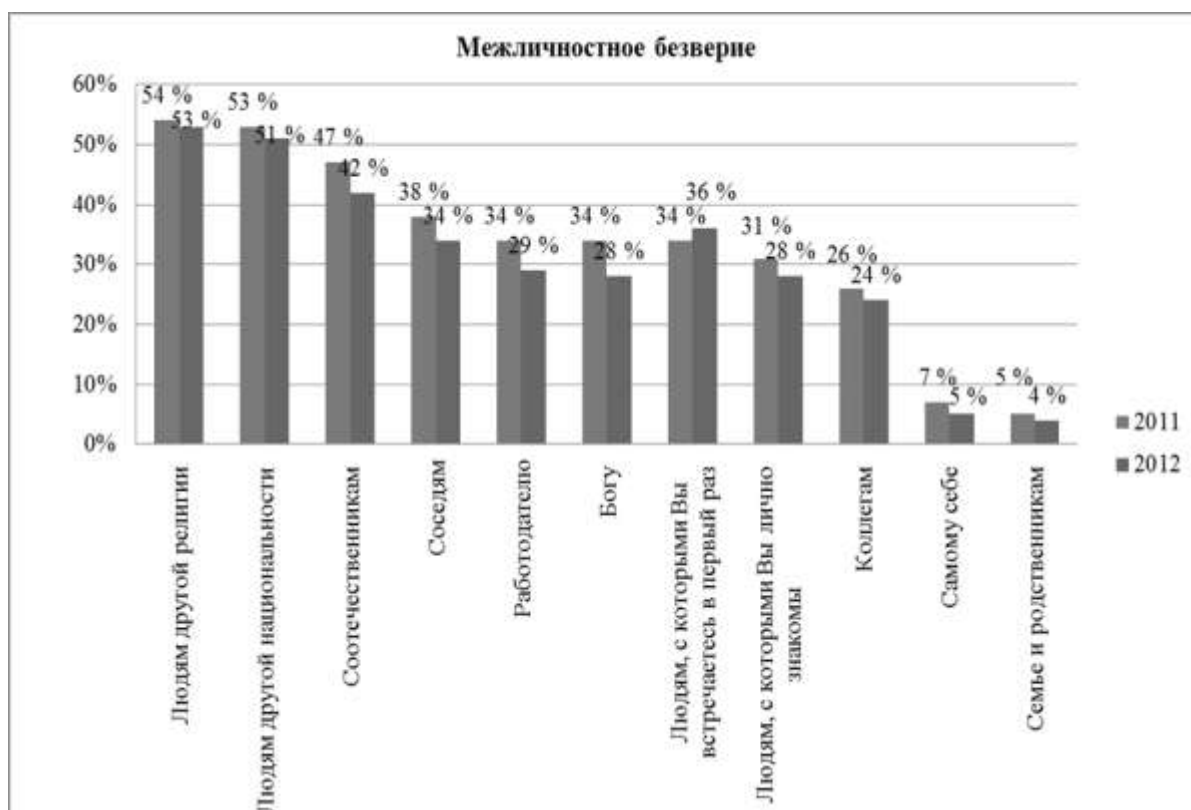

Рис. 7.6. Межличностное безверие населения Красноярского края в 2011-2012 гг. .

А теперь обратимся к рейтингу **межличностного безверия** (рис. 7.6):

- людям другой религии – 54% – 2011 г.(53 % – 2012),
- людям другой национальности – 53 – (51),
- соотечественникам – 47– (42),
- соседям – 38 – (34),
- работодателю – 34 – (29),
- Богу – 34 – (28),
- людям, с которыми Вы встречаетесь в первый раз – 34 – (36),
- людям, с которыми Вы лично знакомы – 31 – (28),
- коллегам – 26 – (24),
- самому себе – 7 – (5),
- семье и родственникам – 5 – (4).

Заметно снизилось межличностное безверие по ряду аспектов: прежде всего, соотечественникам и работодателю, а также такой надличностной инстанции, как Бог.

Таким образом, в 2011 – 2012 гг. на уровне массового сознания резко выросло институциональное доверие респондентов практически всем социальным институтам. Аналогичная тенденция чётко выявилась и в отношении межличностного доверия. Соответственно, существенно уменьшилось и институциональное недоверие, в то время как межличностное недоверие в большинстве аспектов уменьшилось незначительно. Институциональное безверие практически не изменилось, за исключением заметного уменьшения безверия суду и прокуратуре. Межличностное безверие также по большинству выделенных аспектов несколько уменьшилось.

Дальнейшее обращение к анализу латентных переменных, существующих в массовом бессознательном респондентов, позволит уточнить реальную ситуацию и сделать попытку объяснения выявленных тенденций.

Сравнение результатов факторного анализа доверия респондентов, как межличностного, так и институционального, полученных нами в 2011 и 2012 гг., показало следующую картину. В 2011 г. было выделено пять латентных переменных, описывающих структуру поля объектов доверия в массовом бессознательном населения региона. В 2012 г. выявлено шесть переменных, описывающих латентную структуру данного поля.

2011 г. Ф-1 характеризует феномен институционального доверия таким социальным структурам, как суд, губернатор, профсоюз, прокуратура, полиция, правительство региона, политические партии, Законодательное собрание, СМИ, муниципальные и местные органы самоуправления, Президент России, Правительство России, Госдума РФ, армия. Описательная сила фактора – 32,5 %.

2012 г. Ф-1 описывает доверие суду, губернатору, профсоюзам, прокуратуре, полиции, ФСБ, Правительству региона, политическим партиям, ЗС края, муниципальным местным органам самоуправления. Описательная сила фактора – 20,0 %.

2011 г. Ф-2 описывает доверие жителей Красноярского края соотечественникам, работодателю (администрации), коллегам, соседям, семье и родственникам, знакомым людям и людям иной национальности (10,2 %).

2012 г. Ф-2 характеризует доверие респондентов СМИ, Президенту России, Госдуме России, Правительству России (13,9 %).

2011 г. Ф-3 выражает доверие респондентов Богу, церкви и духовенству (6,3 %).

2012 г. Ф-3 характеризует доверие опрошенных жителей региона соотечественникам, работодателю, коллегам по работе, соседям, знакомым людям (10,5 %).

2011 г. Ф-4 характеризует доверие опрошенных людям, с которыми они встречаются первый раз, людям другой религии, людям другой национальности (5,7 %).

2012 г. Ф-4 описывает доверие людям, с которыми встречаются в первый раз, людям другой религии, людям другой национальности (8,3 %).

2011 г. Ф-5 объединяет доверие респондентов самому себе, а также своей семье и родственникам (4,4 %).

2012 г. Ф-5 выражает доверие опрошенных жителей региона церкви и духовенству, Богу, армии (7,2 %).

2012 г. Ф-6 описывает доверие самому себе, семье и родственникам (6,7 %).

Как видим, в 2012 г., по сравнению с предыдущим годом, с помощью факторного анализа выделилось на одну латентную переменную больше. В частности, фактор, характеризующий доверие социальным институтам власти, как на федеральном, так и на региональном, и муниципальном уровнях, существовавший в массовом сознании/бессознательном жителей

края в 2011 г., в 2012 г. трансформировался в две самостоятельных латентных переменных. Одна из них (Ф-1) выражает доверие населения верховным институтам власти в России: Президенту России, Госдуме России, Правительству России и, что весьма характерно, СМИ. Логично предположить, что именно последние (как «четвёртая власть») и выступают в известной мере источником формирования этого доверия. Другой образовавшийся фактор объединяет доверие людей социальным институтам власти, непосредственно действующим на региональном и муниципальном уровнях.

Можно предположить, что в течение прошедшего года группа населения края, которая доверяла социальным институтам власти и их представителям в целом, разделилась на две отдельные группы. Респонденты, относящиеся к одной из них (несколько большей), доверяют тем социальным институтам власти, с представителями которых и их деятельностью они сталкиваются, как правило, в своей повседневной жизни. Доверие представителей второй группы (несколько меньшей) Президенту России, Госдуме России, Правительству России сформировалось, главным образом, под влиянием СМИ, во многом в процессе избирательных кампаний.

Весьма примечательно, что если в 2011 г. существовала латентная переменная в поле доверия в массовом сознании/бессознательном жителей края, которая описывала их доверие Богу, церкви и духовенству, то в следующем году к данным объектам «добавилась» армия. Это свидетельствует, что у некоторой части респондентов сформировалось представление о трёх неким образом взаимосвязанных институтах, которые выступают своего рода основой существования российского общества.

Нельзя также не отметить некоторый рост доверия опрошенных самим себе, семье и родственникам (описательная сила фактора в 2011 г. – 4,4 %, в 2012 – 6,7). Это может свидетельствовать об усилении, с одной стороны, интернального локуса контроля у респондентов, с другой – об укреплении семейных связей на уровне отдельно взятого регионального социума.

Вышеназванные процессы, разумеется, нельзя назвать ключевыми социокультурными факторами, которые позитивно влияют на развитие модернизационных процессов в данном регионе Восточной Сибири. Вместе с тем рост институционального и некоторых аспектов

межличностного доверия населения, безусловно, выступает весьма благоприятным обстоятельством для развития модернизационных процессов в регионе.

8. СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ РАЗВИТИЕ РЕГИОНА ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ И АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЙ НОВОЙ УТОПИИ (на примере Красноярского края)

Данные массового опроса населения региона подтверждаются результатами оценок экспертов. В частности, в соответствии с антропосоциокультурным подходом были выделены три социокультурных типа регионов. Предложенный доктором филос. наук, проф., чл.-корр. РАН Н.И. Лапиным антропосоциетальный подход требует учета трех уровней типологии: институционально-функционального, гуманитарного или человеко-соразмерного и локально-факторного⁹⁵. На основе четырех сложносоставных факторов (человек как актор и объект воздействий в регионе; культура, субкультуры населения; социально-экономические условия жизни людей; власть и региональное сообщество) различаются три базовых социокультурных типа региона, обладающие следующими характеристиками⁹⁶:

1) функционально сбалансированный, многоаспектно поддерживающий человека: согласованность действий власти с предпочтениями населения; последовательное снижение остроты проблем-опасностей; поддержание баланса инвестиций в социально-экономическое развитие и в воспроизводство историко-культурного своеобразия; осуществление стратегии инновационного развития, роста среднего класса, роли информационного технологического уклада;

2) функционально разбалансированный, декларирующий поддержку человека: рассогласованность действий власти с предпочтениями населения; воспроизводство коррупции, проблем-опасностей, нарушений прав человека и гражданина; демонстрация внимания к проблемам духовности и религии; доминирование индустриально-технологического уклада;

⁹⁵ Лапин Н.И. О подготовке социокультурного портрета региона по типовой программе и методике «Социокультурный портрет региона» // «Социокультурный портрет региона». Типовая программа и методика: Материалы конференции «Социокультурная карта России и перспективы развития Российских регионов» / Под ред. Н.И. Лапина и Л.А. Беляевой. – М.: ИФРАН, 2006.

⁹⁶ Лапин Н.И. Подход к социокультурной типологии регионов // Социокультурные портреты регионов России: Опыт комплексной реализации: Сборник материалов IV Всероссийской научно-практической конференции. 18-22 сентября 2008 г., Чебоксары. – Чебоксары: ЧГИГН, 2008. – С. 11.

3) функционально разбалансированный, понижающий положение человека: конфликтность проектов и действий власти по отношению к ожиданиям, предпочтениям населения; рост коррупции, проблем-опасностей, нарушений прав человека и гражданина; принятие нормативных актов, ущемляющих права человека, препятствующих его экономической и гражданской активности; отсутствие у власти долгосрочной стратегии, погоня деловых кругов за сиюминутной выгодой.

Как указывает Н.И. Лапин, это базовые, «идеальные» типы. Реально существует разнообразие промежуточных, синкретичных типов регионов.

В данном исследовании экспертам было предложено ознакомиться с характеристиками базовых социокультурных типов регионов и затем отнести Красноярский край и Россию в целом к тому или иному типу. Для этого респондентам была представлена шкала, разбитая на десять оценок. Каждый социокультурный тип представляет собой оценочное поле, состоящее из трех цифр. Таким образом, эксперт мог оценить регион и Россию как определенный тип, выбирая внутри этой категории максимальную, среднюю или минимальную оценку (рис. 8.1).

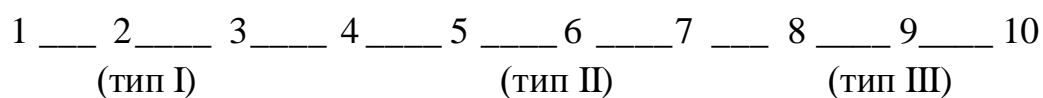

Рис. 8.1. Шкала социокультурных типов

Как показало исследование, большинство опрошенных экспертов отнесли регион к **функционально несбалансированному типу, декларирующему поддержку человека**. 27 % респондентов отнесли край к средней оценке функционально несбалансированного типа (оценка 5 на шкале). 21 % опрошенных считают, что край более близок к крайнему значению функционально несбалансированного типа (оценка 6 на шкале). 15 % экспертов полагают, что край более близок к характеристикам функционально разбалансированного типа (оценка 7 на шкале). Далее следует группа, которая оценила регион начальным значением функционально несбалансированного типа, она составляет 13 % опрошенных (оценка 4 на шкале). Затем располагаются оценки региона как крайнего значения функционально сбалансированного типа (оценка 3 на шкале) и как среднего значения функционально рассогласованного типа

(оценка 8 на шкале) – по 9 %. Замыкают список группы, оценившие регион как крайне рассогласованный тип (оценка 9 на шкале) – 3 % и функционально сбалансированный (оценки 1 и 2 на шкале) – 1 и 2 % соответственно (табл. 8.1, рис. 8.2).

Таким образом, среди экспертов превалирует оценка региона как функционально несбалансированного образования (48 % – оценки 5 и 6), а также функционально разбалансированного (15 % – оценка 7), в котором власть конфликтует с населением, существуют проблемы коррупции и нарушения прав человека. Однако данная оценка может являться не индикатором отношения к местной власти, а свидетельством кризисного отношения к власти в целом или кризиса общественных отношений.

Большинство опрошенных экспертов относят Россию к среднему значению **функционально несбалансированного типа** – 23 % (оценка 5 на шкале). Следующую позицию делят группы, которые определяют социокультурный тип страны как крайнее значение функционально несбалансированного типа (оценка 6 на шкале) – 18 % – и среднее значение функционально разбалансированного типа (оценка 8 на шкале) – 18 %. Далее располагается группа экспертов, оценивших Россию как крайне несбалансированный социокультурный тип (оценка 9 на шкале) – 15 %. Затем – респонденты, охарактеризовавшие государство как начальную оценку функционально разбалансированного типа (оценка 7 на шкале) – 12 %; те, кто считают, что Россия близка к функционально сбалансированному типу (оценка 3 на шкале) – 6 % или функционально несбалансированному (оценка 4) – 6 %.

В целом, большинство опрошенных полагают, что наша страна близка по своим характеристикам к функционально несбалансированному социокультурному типу (41 %, 5 и 6 – оценки на шкале) с еще большим смещением в сторону функционально разбалансированного типа (18 %, оценка 8 на шкале). **Средний балл** для Красноярского края – 5,5, для России – 6,4. Оценка региона и страны как функционально несбалансированного социокультурного пространства является тревожным симптомом. В определенном смысле она отражает кризис доверия к власти и свидетельствует о негативной оценке социально-политической жизни в сознании респондентов.

Таблица 8.1

Экспертная оценка социокультурного типа Красноярского края в 2010 и 2012 гг. по 10-балльной шкале (в %)

Балл	Красноярский край 2010	Красноярский край 2012
1	1	3
2	2	12
3	9	12
4	13	18
5	26	22
6	21	16
7	15	8
8	9	7
9	4	2
Средний балл	5,5	4,7

Рис. 8.2. Социокультурный тип Красноярского края (распределение оценок по баллам)

Рис. 8.3. Социокультурный тип России (распределение оценок по баллам)

Аналогичные изменения произошли и с оценками, которые были даны экспертами России в целом: 2010 г. – 6,4 балла, 2012 г. – 5,4 балла . (рис. 8.3).

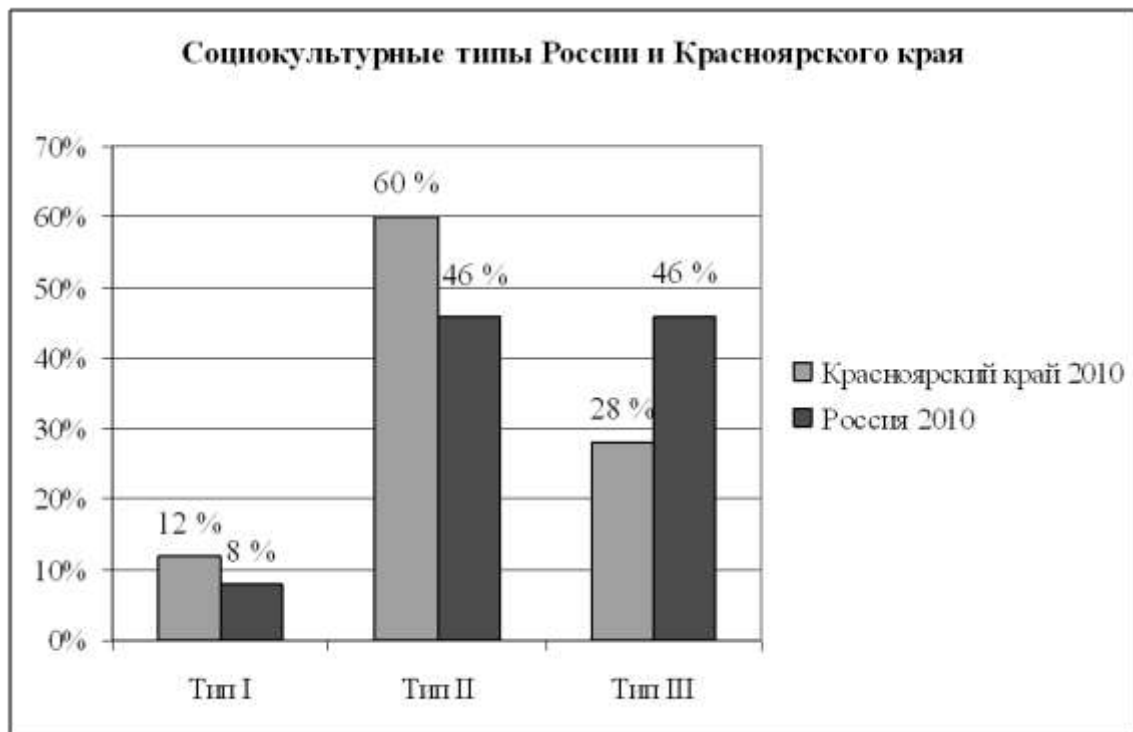

Рис. 8.4. Социокультурные типы России и Красноярского края в 2010 г.

Рис. 8.5. Социокультурные типы России и Красноярского края в 2012 г.

Можно сделать вывод, что Красноярский край, как и Россия в целом, несмотря на заметный рост уровня социокультурного развития, остаётся в рамках **социокультурного типа II: Функционально несбалансированный, декларирующий поддержку человека** (рис. 8.4, 8.5). Специфицирующие факторы, характеризующие данный социокультурный тип региона: рассогласованность действий власти с предпочтениями населения; воспроизводство коррупции, проблем-опасностей, нарушений прав человека и гражданина; демонстрация внимания к проблемам духовности, религии; доминирование индустриального технологического уклада.

Причём влияние описанных выше специфицирующих факторов, по мнению экспертов, несколько ослабилось. Это привело к некоторому повышению социокультурного типа региона.

Безусловно, немаловажную роль в социокультурном развитии региона играют последствия постсоветских реформ. Анализ их оценок экспертами позволяет сделать определённые выводы о современном состоянии перехода от антиутопии к утопии в социокультурном пространстве региона.

Для оценки последствий постсоветских реформ для жителей региона экспертам было предложено ответить на следующий открытый вопрос: «На Ваш взгляд, какие социальные последствия постсоветских реформ можно оценить как «позитивные», а какие – как «негативные» для жителей Красноярского края?».

В целом, «негативные» последствия реформ, отмеченные экспертами, численно преобладают над «позитивными» (197 вариантов ответов против 146). Уже этот факт может свидетельствовать о наличии самого переходного процесса и постепенном разрушении антиутопии.

В выделенных категориях **«ПОЗИТИВНЫЕ»** последствия характеризуются следующим образом:

- Появление больших свобод (свобода выезда за границу, слова, мысли, творческого развития, личной жизни и профессионального самоопределения, выбора, совести, поведения) – 28 %.
- Развитие рынка (появление конкуренции, рынка, либерализма, разнообразия товаров и услуг) – 25 %.
- Развитие бизнеса (предпринимательства, частного сектора, появление возможности зарабатывать) – 16 %.
- Исчезновение «железного занавеса» (открытие границ, возможность международного сотрудничества, расширение международных связей) – 8 %.
- Информатизация (рост доступности информации, появление новых информационных технологий) – 7 %.
- Улучшение качества и условий жизни, медицины и образования – 10 %.
- Появление ориентации на собственные силы, инициативы – 6 %.

«Негативные» последствия были описаны респондентами следующим образом:

- Падение уровня жизни (уменьшение заработной платы, падение уровня жизни, обнищание населения, рост безработицы) – 24 %.
- Разрушение государственных институтов (разрушение систем производства, здравоохранения, образования, сельского хозяйства, снижение качества товаров и услуг, утрата государством контроля за качеством товаров и услуг) – 23 %.
- Духовная деградация (потеря национальной идеи, снижение социальной ответственности, снижение уровня культуры и образования, духовная деградация) – 18 %.
- Рост социальной незащищенности, неуверенности в завтрашнем дне – 12%.
- Криминализация общества (рост преступности, коррупции, алкоголизма, наркомании) – 12 %.

- Дифференциация общества (расслоение общества, рост дистанции между бедными и богатыми) – 11 %.

Таким образом, падение уровня жизни (24 %), разрушение государственных институтов (23 %) и духовная деградация (18 %) беспокоят экспертов больше всего. В определенном смысле полученные ответы характеризуют проблемы, которыми озабочены эксперты на данный момент. Поэтому политика региона должна быть выстроена с учетом проблем, присутствующих в сознании ведущих агентов информационного пространства территории. Тем более, что это отражает сложную динамику отвержения населением неолиберальной антиутопии и перехода к новой утопии, которой, по сути, ещё нет, за исключением отдельных малопроявленных тенденций.

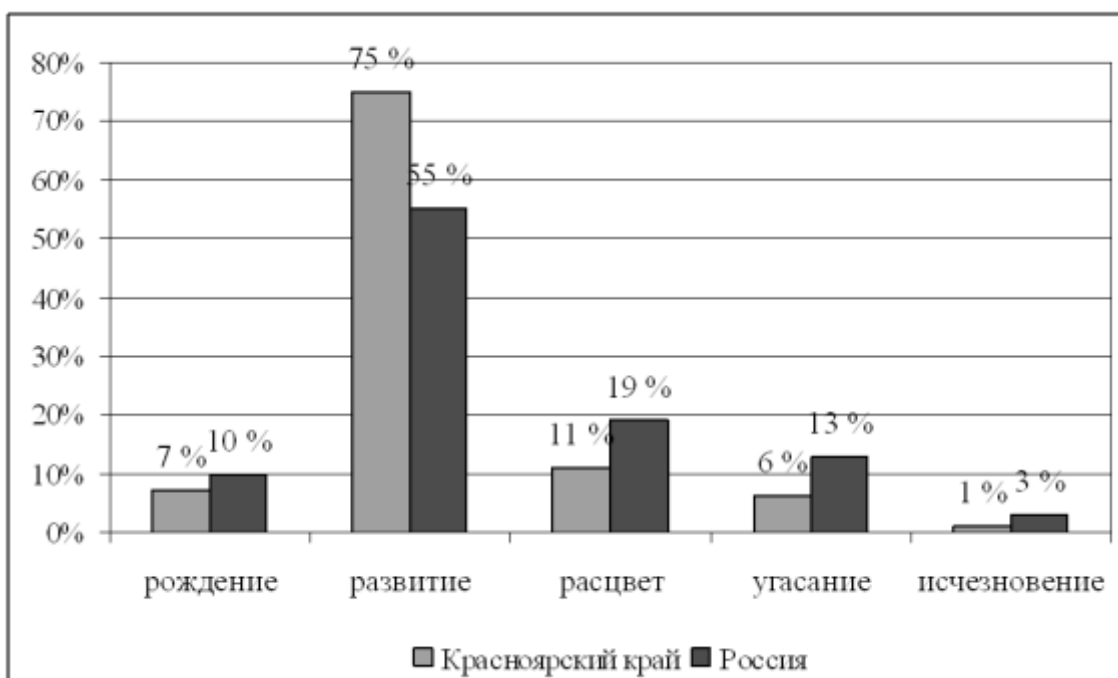

Рис. 8.6. Распределение ответов населения в процессе глубинного интервью на вопрос: «Укажите, на какой стадии находятся, по Вашему мнению, Красноярский край и Россия в целом».

Опираясь на разработанный нами теоретико-методологический подход, выраженный в методологическом принципе минимального универсума, в любой социальной системе можно выделить пять стадий: *рождение, расцвет, развитие, угасание, исчезновение*⁹⁷. Согласно

⁹⁷ Немировский В.Г. Российский кризис в зеркале постнеклассической социологии. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009 – 200 с.

результатам глубинного интервью с населением региона, проведённым в 2012 г., три четверти респондентов склонны относить Красноярский край к стадии развития (рис. 8.6). В то время как к стадии расцвета Россию относят примерно каждый пятый из числа опрошенных, а регион – каждый десятый. Вместе с тем в два раза больше доля респондентов, оценивших стадию развития России как угасание (13 %), по сравнению с Красноярским краем (6 %).

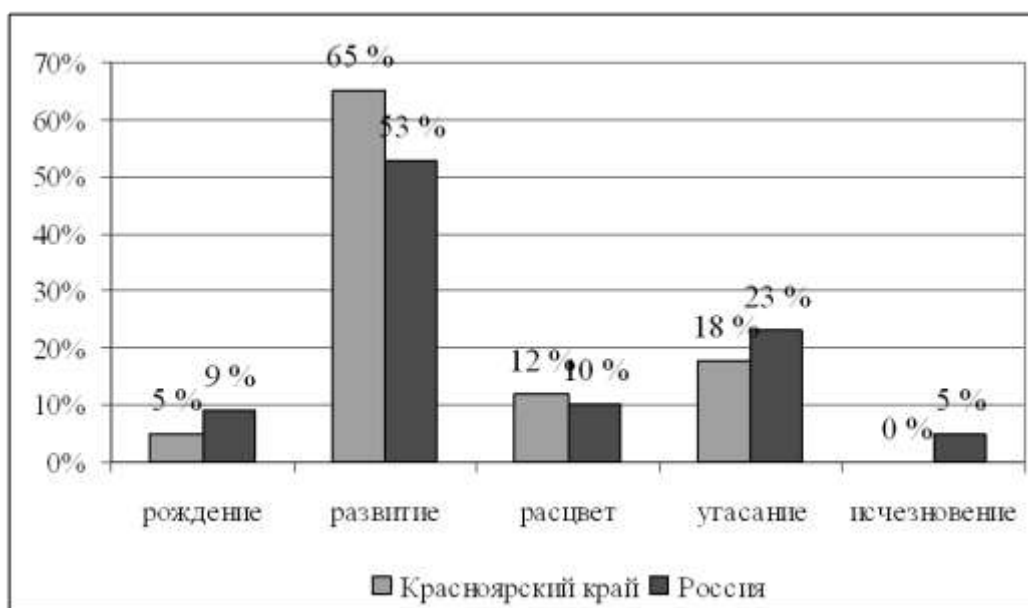

Рис. 8.7. Распределение ответов экспертов интервью на вопрос: «Укажите, на какой стадии находятся, по Вашему мнению, Красноярский край и Россия в целом?»

Согласно мнению двух третей опрошенных нами экспертов, Красноярский край находится на стадии *развития* (рис. 8.7), более половины из них отнесли к этой стадии и Россию. Эксперты более склонны относить наш регион к *развивающимся* территориям, нежели страну в целом. При этом полагают, что Красноярский край и Россия находятся на стадии *расцвета*, практически одинаковое количество опрошенных (соответственно, 12 и 10 %). Стадию *угасания* эксперты несколько чаще приписывают России, нежели Красноярскому краю (соответственно 18 и 23 %).

Как видим, по сравнению с населением, эксперты как носители специализированного сознания чаще относят и Красноярский край, и Россию к стадии угасания и реже – к стадии развития. Однако в целом у

тех и других доминирует отнесение и региона, и страны в целом к стадии развития.

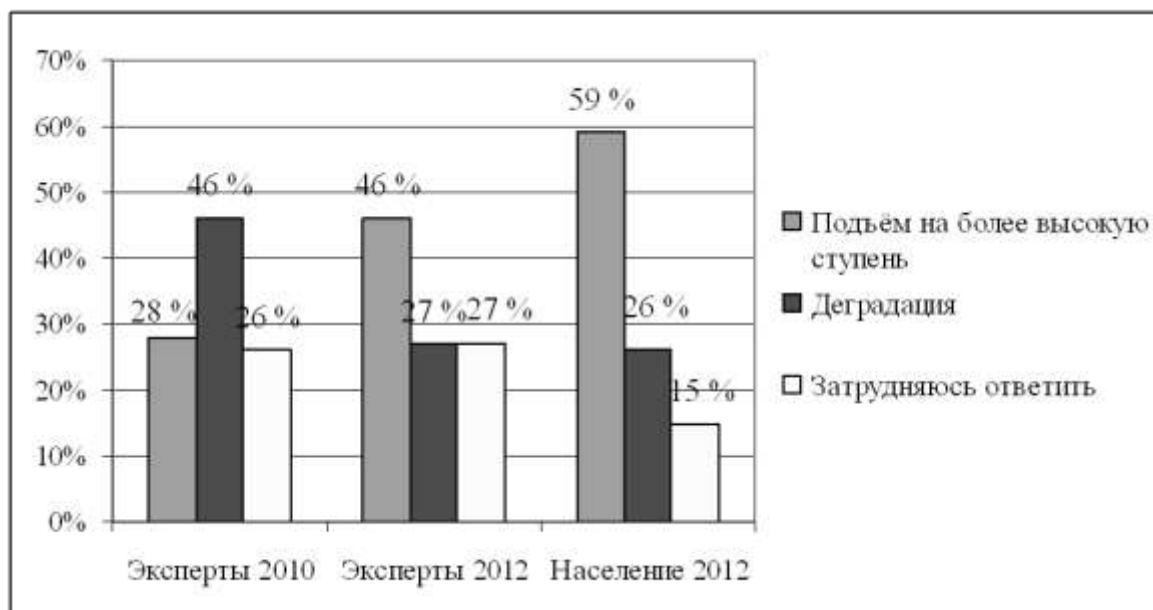

Рис. 8.8. Распределение ответов экспертов и респондентов на вопрос: «Если сравнить с периодом социализма, то, как Вы думаете, какие тенденции в развитии России сегодня преобладают: подъем на более высокую ступень или деградация?»

При этом на вопрос интервью: «Если сравнить с периодом социализма, то, как Вы думаете, какие тенденции в развитии России сегодня преобладают: подъем на более высокую ступень или деградация?» в 2012 г. в полтора раза больше экспертов, чем в 2010 г., ответили, что в нашей стране происходит подъем на более высокую ступень (рис. 8.8). Соответственно, на столько же меньше экспертов считают, что в России происходит деградация. Характерно, что население региона оценивает ситуацию оптимистичнее: более половины опрошенных в ходе глубинного интервью жителей Красноярского края (59 %) полагают, что сегодня в России преобладает тенденция подъёма на более высокую ступень развития и только каждый четвёртый (26 %) говорит о деградации страны. Это ещё одно **важное свидетельство перехода социума от антиутопии к новой утопии.**

Таблица 8.2

Распределение ответов экспертов на вопрос «Каких изменений в настроении жителей Красноярского края можно ожидать в ближайшие полгода? (Выберите в каждой строке один вариант, колонку А или Б)» (в %)

Варианты ответа	2010	2012	Варианты ответа	2010	2012
Апатия будет проходить	30	55	Апатия будет расти	70	45
Удовлетворенность жизнью будет расти	25	47	Удовлетворенность жизнью будет снижаться	75	53
Доверие к власти будет расти	16	31	Доверие к власти будет уменьшаться	84	69
Опасность массовых выступлений уменьшится	39	44	Опасность массовых выступлений возрастет	61	56
Социальное самочувствие жителей края будет ухудшаться	80	50	Социальное самочувствие жителей края будет улучшаться	20	50
Уровень жизни населения будет снижаться	77	39	Уровень жизни населения будет повышаться	23	61
Уверенность жителей края в завтрашнем дне снизится	78	51	Уверенность жителей края в завтрашнем дне повысится	22	49
Ничего не изменится				17	11

Согласно результатам опроса экспертов выросла доля ответивших на вопрос «Каких изменений в настроении жителей Красноярского края можно ожидать в ближайшие полгода?» (табл. 8.2.), что *«апатия будет проходить»*, (с 30 % в 2010 г. до 55 % в 2012 г.), *«удовлетворенность жизнью будет расти»* (соответственно, 25 и 47 %), *«доверие к власти будет расти»* (16 и 31 %). Опасность массовых выступлений уменьшится (39 и 44 %), *«социальное самочувствие жителей края будет улучшаться»* (20 и 50 %), *«уровень жизни населения будет повышаться»* (23 и 61 %), наконец, *«уверенность жителей края в завтрашнем дне повысится»* (22 и 49 %).

Ещё более оптимистичные оценки дали в процессе глубинного интервью жители Красноярского края (табл.8.3).

Подобный резко выросший уровень оптимистичности в прогнозных оценках, данных экспертами и населением относительно изменений настроения жителей региона на ближайшую перспективу, также свидетельствует о начале социокультурного процесса перехода от антиутопии к утопии, по крайней мере, в рамках данного крупного Сибирского региона.

Таблица 8.3

Распределение ответов населения на вопрос «Каких изменений в настроении жителей Красноярского края можно ожидать в ближайшие полгода? (выберите в каждой строке один вариант, колонку А или Б)» (в %)

Варианты ответа	2012	Варианты ответа	2012
Апатия будет проходить	60	Апатия будет расти	40
Удовлетворенность жизнью будет расти	55	Удовлетворенность жизнью будет снижаться	45
Доверие к власти будет расти	36	Доверие к власти будет уменьшаться	64
Опасность массовых выступлений уменьшится	46	Опасность массовых выступлений возрастет	54
Социальное самочувствие жителей края будет ухудшаться	36	Социальное самочувствие жителей края будет улучшаться	64
Уровень жизни населения будет снижаться	36	Уровень жизни населения будет повышаться	64
Уверенность жителей края в завтрашнем дне снизится	38	Уверенность жителей края в завтрашнем дне повысится	62
Ничего не изменится			7

За истекшие два года несколько изменилось распределение ответов экспертов на вопрос: «Какая политическая система соответствует российской специфике?»: если в 2010 г. 16 % экспертов считали наиболее адекватной для нашей страны системой *демократию западного типа*, то в 2012 г. их доля возросла до 21 %. Вместе с тем несколько уменьшилась доля упоминаний *авторитарного режима* (соответственно, 37 и 34 %). Доли сторонников *системы советского типа* и *общественного самоуправления* остались прежними: 11 и 12 % опрошенных.

Иная картина выявилась при анализе мнений жителей Красноярского края, полученных в ходе глубинных интервью (рис. 8.9). Каждый третий из них ориентируется на *демократию западного типа*, каждый пятый – на *авторитарный режим*. Также они значительно реже, чем эксперты, высказывают мнение, что система *советского типа* и *общественное самоуправление* соответствует российской специфике.

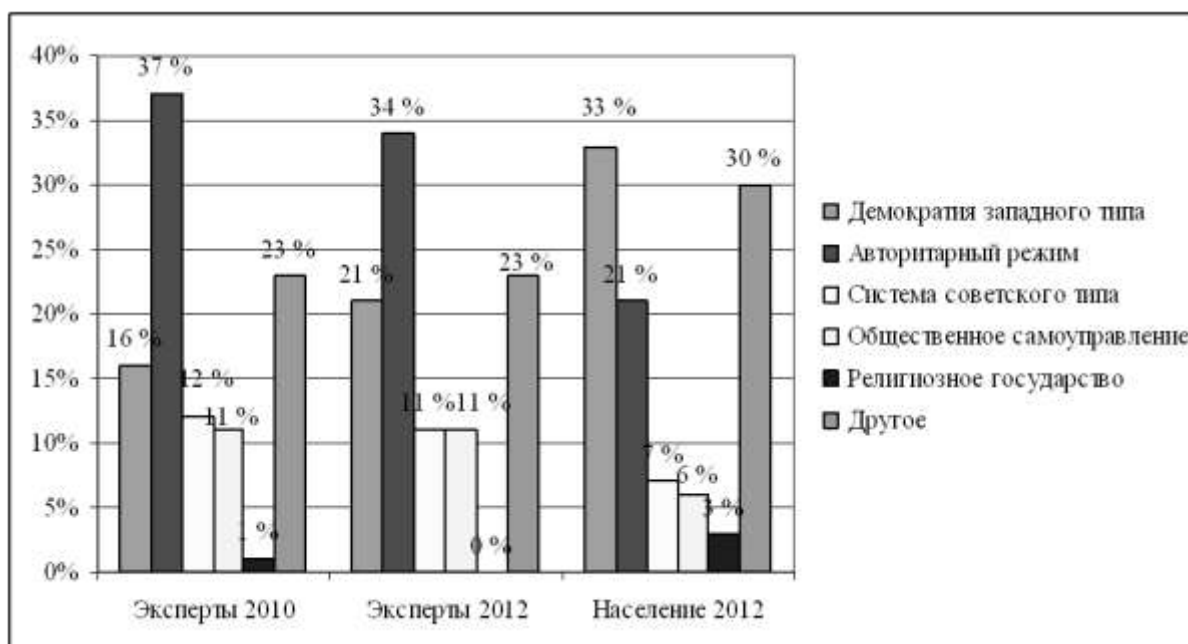

Рис. 8.9. Распределение ответов экспертов и населения на вопрос: «Какая политическая система соответствует российской специфике?»

Следует подчеркнуть, что данный вопрос носил полуоткрытый характер. Поэтому приведённые выше данные отражают, как правило, четкие, устоявшиеся представления респондентов. Вместе с тем почти четверть опрошенных экспертов в 2010-2012 гг. и немногим менее трети представителей населения региона, участвовавших в формализованных интервью в 2012 г., дали более пространные ответы, не всегда, по их мнению, полностью соответствующие предложенным вариантам.

Согласно результатам контент-анализа «свободных» ответов в 2010 г. значительное место среди них занимали представления о различных вариантах авторитарного режима, от советского типа – до религиозного. Несколько экспертов назвали «просвещённую монархию». Встречались и такие ответы, как анархизм, анархический синдикализм, бюрократический режим. Нередко назывались некие смешанные, подчас взаимоисключающие системы, например «путь к демократии западного типа через авторитарное государство либо фашизм». Заметно реже эксперты называли различные формы демократии, либо «демократии с элементами общественного самоуправления», или же «демократии с элементами авторитаризма». Некоторые из них указывали, что наиболее соответствуют российской специфике различные варианты советской системы, но демократизированные.

Через два года ответы экспертов, помещённые в графе «другое», существенно изменились. Контент-анализ показал, что в подавляющем большинстве из них речь идёт о своеобразной демократии, которая учитывает российские исторические традиции, о синтезе демократии с «разумным» авторитаризмом, приближении к системе западного типа, но с учётом российской специфики. Лишь два ответа касались «монархии» и «империи».

Таким образом, за два года в массовом сознании экспертов резко «упал спрос» на различные варианты авторитаризма или монархии. В то же время значительно увеличилась доля ответов, в которых говорится о демократии с российской спецификой, то есть демократии с авторитарными элементами, под которыми большинство опрошенных понимают элементарное наведение порядка в государстве, борьбу с преступностью, прежде всего коррупцией, установление социальной справедливости. Очевидно, в этом и проявляются отдельные черты нарождающейся утопии.

Весьма похожие ответы дали на открытую часть вопроса и респонденты – жители Красноярского края, опрошенные в ходе глубинного интервью. Политическая система, которая наиболее соответствует российской специфике, по мнению большинства опрошенных, «авторитарная демократия», «демократическое общество, только без западного типа. Многие стремятся к западному, только в России это вряд ли получится», «демократия по-русски», «демократия, российская демократия, восточная». Некоторые из респондентов считают наиболее приемлемым «капиталистическое общество», «капиталистический либерализм». Встречаются и такие ответы, как «система советского типа с общественным самоуправлением», «мягкая диктатура, мягкое авторитарное государство», «система советского типа с общественным самоуправлением», «что-то среднее между авторитарным режимом и системой советского типа». Однако такие ответы редки. **Важно отметить, что, с одной стороны, красной нитью через ряд ответов проходит отрицание фашизма и национализма как политической основы российского государства. С другой стороны, никто из респондентов в открытом опросе не обозначил религиозное государство, как не употребил и понятие «гражданское общество».**

Важным показателем замены в массовом сознании/бессознательном населения России антиутопии на новую утопию является динамика ответов

экспертов на вопрос: «Какая идея могла бы интегрировать российское общество?». Аналогичный вывод можно сделать и относительно данных, полученных нами в результате глубинного интервью жителей Красноярского края, осуществлённого в 2012 г. Как показано на рис. 8.10, для экспертов крайне непривлекательными остаются идеи коммунизма (соответственно, 3 % в 2010 г. и 4 – в 2012), и религиозная идея (2 % в 2010 г. и ровно столько же в 2012). Однако нельзя не отметить тот факт, что резко возросли идея духовного возрождения России (с 39 до 47 %) и, особенно, идея русской национальной самобытности (с 11 до 21 %). На первый взгляд такое сочетание представляется странным, поскольку традиционно считается, что в основе русской национальной самобытности лежит православие. Но обратимся к анализу этого феномена ниже. Пока же отметим, что достаточно привлекательной остаётся идея социализма – примерно каждый десятый эксперт выделил её как потенциальный интегратор российского общества. Очень близкие данные получены нами и в результате глубинного интервьюирования респондентов в крае.

Сравним результаты контент-анализа ответов экспертов на открытый вопрос, полученные в 2010 и в 2012 гг.

В 2010 г. можно выделить две большие группы высказываний. С одной стороны, часть экспертов пессимистически полагали, что «в данный момент ее нет, но точно не религиозная идея», «идеи такой нет и быть не может. Общество устало от идей», «как ни ужасно, но российское общество интегрируется у нас только, когда беда грянет. Ни в коем случае не надо воплощать идею коммунизма и религиозную идею! А по пункту "д" - у нас многонациональное государство», «российское общество невозможно интерпретировать в данных социально-экономических условиях», «нет идеи, которая сейчас могла бы объединить общество», «всё перечисленное – устарело. Оно может интегрировать только общества стран третьего мира. В условиях современной глобализации и информатизации уже нет смысла интегрировать общество. Зачем? Единственное, что объединяет россиян, – русский язык. И этого достаточно» и даже: «идея "по-щучьему веленью"» т.п. Другая группа экспертов выдвигала идею национальной самобытности России, а также соблюдения законов и прав человека: «идея духовного возрождения России и идея русской национальной самобытности», «идеи социальной справедливости», «идея нравственного и социально-экономического возрождения страны», «идея конвергенции социализма и капитализма, но

облеченная в приемлемую для русского уха форму», «идея национального самосознания», «вера в собственные силы и наличие реальных возможностей изменить жизнь к лучшему – что-то вроде американской мечты», «идея сбережения человека как самой большой ценности в России», «идея равных возможностей и единых законов для всех без исключения», «идея личной свободы», «построение правового государства европейского типа» и т.д.

В 2012 г. эксперты были несколько более лаконичными; очевидно, перечисленные в вопроснике варианты ответов показались для них уже более приемлемыми (выше отмечалось, **что идея духовного возрождения России и идея русской национальной самобытности в этом году набрали большее число сторонников, нежели в 2010 году**). Доминировал следующий тип высказываний: «служение закону», «гражданское общество», «идея западного демократического европейского развития», «идеология благородства», «идея социальных гарантий», «идея спасения страны», «идея честного и законного государства, заботящегося о благополучии своих граждан», «общественное самоуправление с центральным контролем целостности и инфраструктур государственного значения», «построение справедливого общества на основе нравственной концепции», «русская национальная идея с идеей духовного возрождения и национальной самобытности всех народов, населяющих Россию», «идея справедливого общества». Как видим, в свободных высказываниях экспертов в 2012 г. преобладали две идеи: **строгое соблюдение законности и справедливости, а также развитие духовности и нравственности, причём в рамках многонациональной самобытности России**. Иными словами, за два года из ответов экспертов практически «исчезла» тенденция говорить об отсутствии потенциальной спланирующей страну национальной идеи; её место заняло желание строгого соблюдения законности и социальной справедливости. Возможно, эти идеи и смогут стать в будущем элементами формирующейся утопии. Как считают В.С. Мартьянов и Л.Г. Фишман, «идея справедливости в условиях распада общества – это мечта о новом обществе. Справедливость связана с преодолением распада либерального консенсуса и торжества множества частных границ. Дефицит холизма преодолевается воссозданием общества. Для этого

нужна новая трансценденция, интегрирующая реальное общество: Бог, история, прогресс, экология, техника, будущее...»⁹⁸.

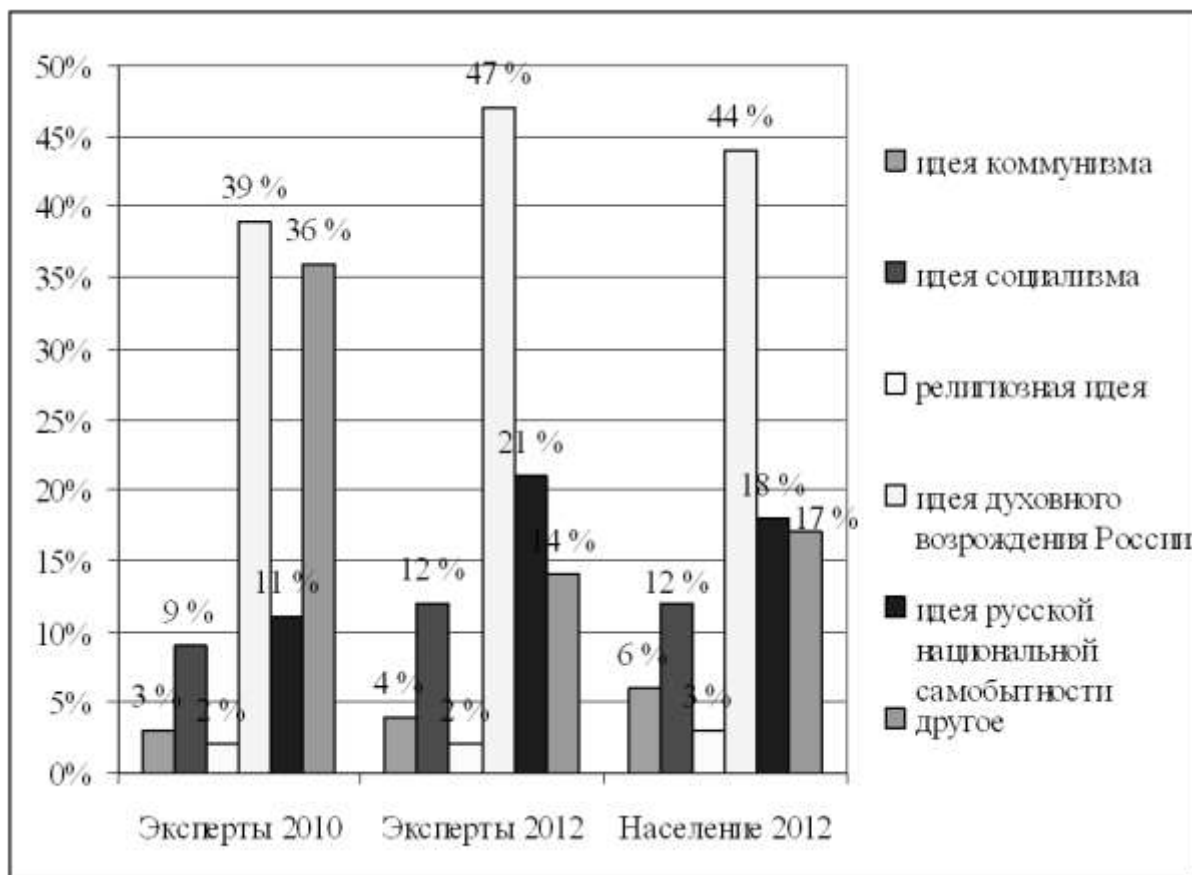

Рис. 8.10. Распределение ответов экспертов и населения на вопрос: «Какая идея могла бы интегрировать российское общество?»

Контент-анализ ответов населения Красноярского края на вопросы глубинного интервью, проведённого в 2012 г., показал, что важное место в их ответах на вопрос «Какая идея могла бы интегрировать российское общество?» занимают размышления о духовном возрождении России. Существенно, что многие респонденты ведут речь о необходимости учёта многонационального состава нашей страны:

- «хотелось бы все-таки иметь идею духовного возрождения, но на самом деле у нас для этого нет достаточной базы, и настолько народ сейчас деморализован, что это далеко. Русской самобытности тоже нет. Все-таки, мне кажется, идея интернационализма могла бы интегрировать, потому что у нас очень многонациональное государство с давними традициями»;

⁹⁸ Мартыанов В.С., Фицман Л.Г. Россия в поисках утопий. – С.203.

- «не только одна идея. И духовность большую роль играет не только для русских, но и для всех национальностей, как и демократия. Но мое мнение – законы должны исполняться всеми»;
- «русскую идею поднимать надо, потому что сейчас перекося, маятник совсем в другой стороне, несправедливо. И нужен, наверное принцип социальной справедливости. Вообще справедливости в первую очередь надо. То есть у нас столько накопилось, что доверие нужно возвращать друг к другу»; «...с идеей духовного возрождения и национальной самобытности всех народов, населяющих Россию»;
- «построение справедливого общества на основе нравственной концепции»; «должен быть симбиоз идей. У нас страна много конфессиональная. Во-вторых, нельзя откидывать идеи коммунизма, но нельзя отбрасывать и демократию. А на самом деле эта идея не сформулирована. Не взята за основу правительством. И люди поэтому не знают, куда идти, а точнее, зачем. Ради чего идти».

Отдельные респонденты говорят о религиозной идее:

- «религиозная идея и идея духовного возрождения России»;
- «и национальная самобытность, и духовная идея, религиозная и социалистическая».

Другие им обоснованно возражают:

- «точно не религиозная. Сейчас у нас уже слишком много народу понамешано, у каждого своя религия, и бороться с этим – это выжигать надо будет. Но это чересчур, это нечеловечно, скажем так. Нужна идея, которая способна хоть как-то повлиять сейчас на ход развития страны».

Ряд опрошенных жителей региона настаивают на необходимости более полного использования потенциала капиталистических общественных отношений:

- «идея гражданского общества»;
- «идея капитализма»;
- «идея хорошо жить и много зарабатывать»;
- «идея всеобщего обогащения»;
- «кроме идеи коммунизма, все идеи могут объединить, если ими заниматься».

Но при этом многими отмечается необходимость строгого соблюдения законов и принципов социальной справедливости.

Таким образом, нарождающаяся в России утопия была рассмотрена нами на двух уровнях: специализированного, экспертного сознания и сознания массового, его обыденных аспектов. Объединяющую роль в сознании экспертов и респондентов – жителей Красноярского края в 2012 г. играют идеи: **духовного возрождения России и русской национальной самобытности**. Нельзя не отметить и стремление к наведению элементарного порядка с целью достижения справедливости в обществе. Можно предположить, что они и будут центральными в нарождающейся новой российской утопии.

Наряду с этим в экспертном сознании в Красноярском крае согласно результатам контент-анализа в 2012 году важное место ведущее заняли две идеи: развитие духовности и нравственности, причём в рамках многонациональной самобытности России. За два года из ответов экспертов на открытый вопрос практически «исчезла» тенденция говорить об отсутствии потенциальной спланирующей страну национальной идеи, что свидетельствует об «отступлении» ещё существующей в нашей стране антиутопии; её место заняло желание строгого соблюдения законности и социальной справедливости. Только один эксперт назвал «гражданское общество». Между тем неспециализированное массовое сознание жителей Красноярского края согласно результатам контент-анализа ответов респондентов на открытый вопрос глубинного интервью содержит также ряд сомнений относительно возможности чётко определить только лишь национальную русскую идею в связи с многонациональным и многоконфессиональным составом населения России. Респонденты говорят о необходимости некоей «общей» идеи, учитывающей весь спектр живущих в России народов и существующих в стране религиозных конфессий. При этом чётко прослеживается стремление «обустройства» нашего общества в социальном плане: каждый должен хорошо жить и много зарабатывать, но в строгом соответствии с законом и нравственностью.

Таким образом, можно предположить, что развивающаяся в массовом сознании россиян утопия будет носить следующие черты:

- **идея духовного возрождения России;**
- **идея русской национальной самобытности;**
- **развитие духовности и нравственности в рамках многонациональной и многоконфессиональной самобытности России;**

- **строгое соблюдение всеми законодательных и нравственных норм;**
- **борьба за справедливое общественное устройство.**

Характерно, что религиозные идеи не вызывают у большинства опрошенных жителей Красноярского края и экспертов высокого энтузиазма, многие респонденты и эксперты указывают на их противоречивость и слабую применимость в условиях многонациональной и многоконфессиональной страны.

Нельзя не отметить, что в ответах на открытый вопрос ни у экспертов, ни у рядовых респондентов ни разу не встретилось слово «модернизация». Можно предположить, что идея модернизации пока не рассматривается ими как решающий фактор интеграции российского общества.

Перспективы развития региона, Сибири и России в целом тесно связаны с той или иной моделью развития, которая, явно или неявно, представлена другими государствами. В качестве индикатора отношения населения к подобным моделям нами были использованы вопросы: «Есть ли у России внешние враги?» и «Есть ли у России внешние друзья?». Кроме того, весьма важен тот факт, что характерной чертой любой утопии является наличие у страны врагов, как внешних, так и внутренних: вспомним, как в нашей стране шельмовали вначале «врагов народа», значительно позднее – «космополитов», «диссидентов» и т.п. «предателей» в качестве внутренних врагов. Внешние враги тоже менялись: от гитлеровской Германии с начала Великой Отечественной войны до «американского империализма» в годы войны холодной.

Согласно результатам контент-анализа в 2012 г. большинство респондентов (87 % ответов) считают, что у России внешние враги есть (рис. 8.11). Отрицательные ответы получены от 9 %, затруднились ответить 4 % опрошенных.

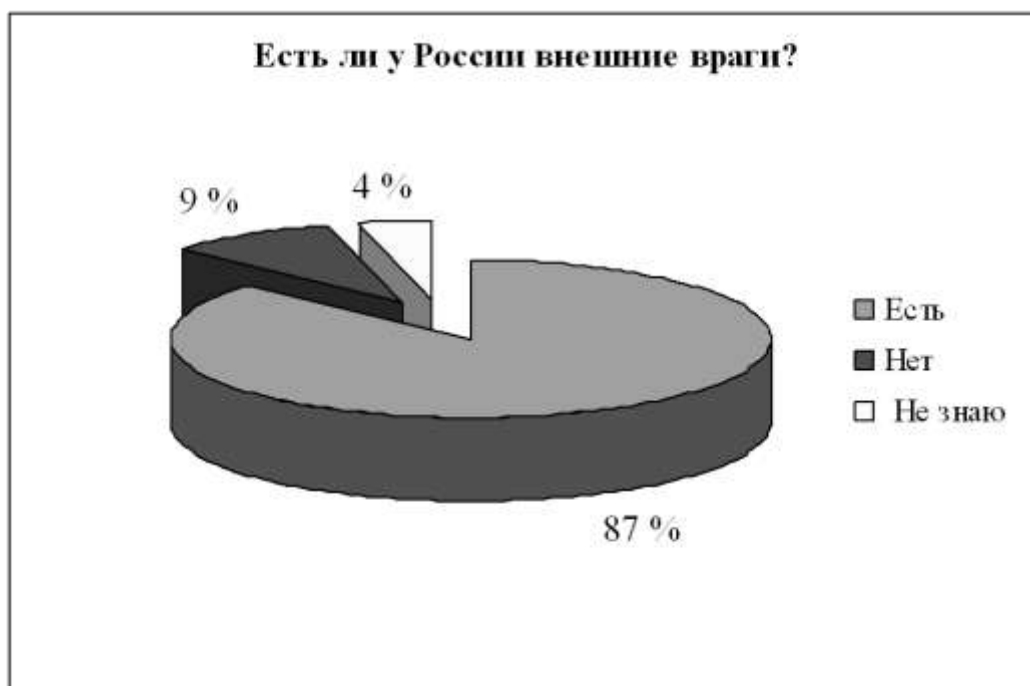

Рис. 8.11. Распределение ответов населения на вопрос: «Есть ли у России внешние враги?»

Как показано в табл. 8.4, наиболее часто среди конкретных «внешних врагов России» называют США (47 % ответов). С большим отставанием от него следует Китай (14 %), Грузия (5 %), Европа (4 %), Япония (4 %). Характерно, что мусульманские страны врагами России считают незначительно число жителей региона (2 %). Это свидетельствует как о толерантности сибиряков, так и о терпимом отношении к мусульманской религии и её приверженцам. С другой стороны, это может говорить и о массовой недооценке населением региона угрозы со стороны исламского экстремизма. Напрашивается вывод, что американская, а возможно, и китайская модели развития не воспринимаются жителями региона в качестве «эталона для подражания».

Таблица 8.4

Распределение ответов населения на вопрос: «Кто относится к внешним врагам России?»

Варианты ответов	%
США	47
Китай	14
Нет	5
Грузия	5

Варианты ответов	%
Европа	4
Завистники, конкуренты, враги-друзья	4
Япония	4
Руководители стран	4
Мусульманские страны	2
Все враги	2
Израиль	1
Германия	1
Прибалтика	1
Страны СНГ	1
Украина	1
Запад	1
Польша	1
Франция	1
Англия	1

Согласно результатам контент-анализа, большинство опрошенных (79 %) полагают, что у России есть внешние друзья (рис. 8.12). Только 16 % упоминаний свидетельствуют об их отсутствии.

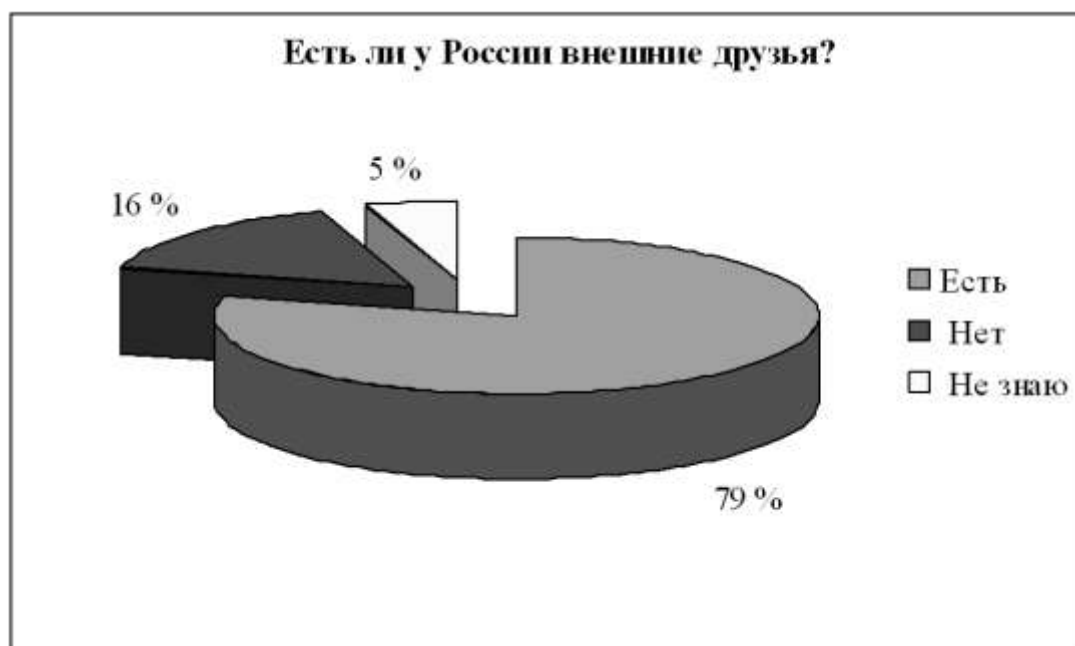

Рис. 8.12. Распределение ответов населения на вопрос: «Есть ли у России внешние друзья?»

Как следует из таблицы, к числу внешних друзей нашей страны респонденты относят, прежде всего, государства, входившие ранее в состав СССР: Белоруссию (18 %), страны СНГ (13 %), Казахстан (11 %), а также Китай (11 %). Нередко называют и европейские страны: Францию (7 %), Германию (6 %), бывшие социалистические страны - Польшу, Румынию, Болгарию, Сербию (3 %), Украину (3 %), другие страны ближнего зарубежья (3 %). Логично предположить, что население региона видит некие позитивные стороны в жизни данных государств, в принципах их социально-экономического и политического устройства, а не только относит их к категории «внешних друзей», исходя из позитивных или нейтральных межгосударственных отношений.

Таблица 8.5

Распределение ответов населения на вопрос: «Кто относится к внешним друзьям России?»

Варианты ответов	%
Белоруссия	18
Страны СНГ, СССР	13
Казахстан	11
Китай	11
Союзники, партнеры	8
Франция	7
Германия	6
Польша, Румыния, Болгария, Сербия	3
Украина	3
Ближнее зарубежье	3
Венесуэла	2
Испания, Италия	2
Европа	2
Маленькие страны	2
Индия	2
Куба	2
Корея	2
Япония	1
Вьетнам	1
Палестина	1

Как уже отмечалось, наряду с внешними врагами для утопического сознания характерно наличие внутренних врагов. Три четверти опрошенных придерживаются мнения, что таковые существуют (рис.8.13). На их отсутствие указали только 11 % респондентов.

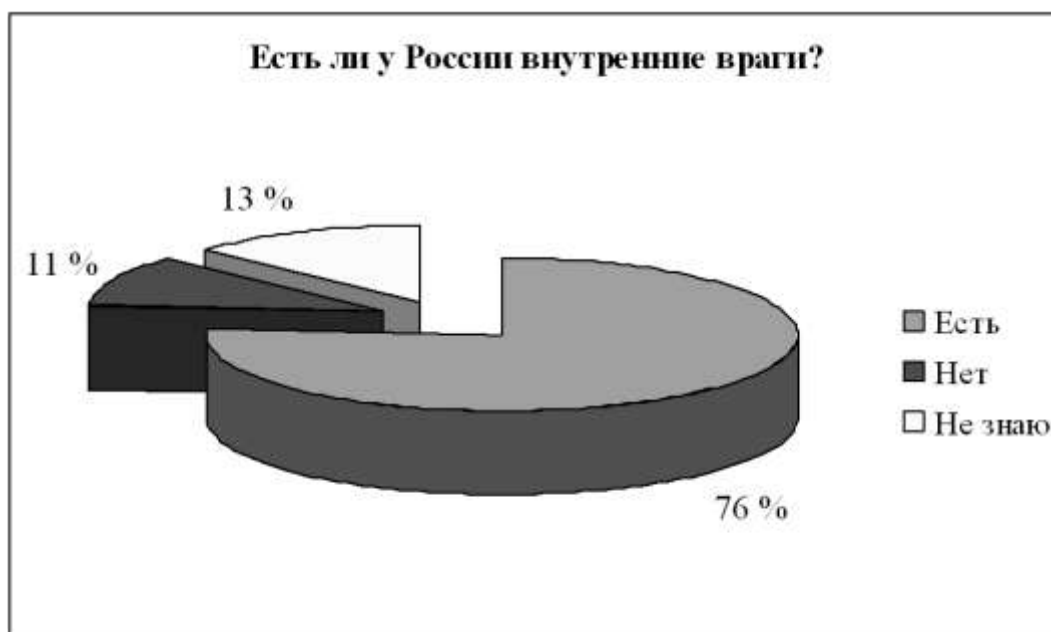

Рис. 8.13. Распределение ответов населения на вопрос: «Есть ли у России внутренние враги?»

Конкретные представления о внутренних врагах, существующие в массовом сознании респондентов, выглядят следующим образом (табл. 8.6). Как показал контент-анализ, по частоте упоминаний «лидируют» коррупционеры, воры (13 %), власть, политики (13 %), олигархи, богатые (9 %), бюрократы, чиновники (9 %) – по сути, те же представители власти, националисты, секты (8 %), алкоголь, наркоторговцы (7 %), кавказские регионы (7 %). Характерно, что к внутренним врагам оппозицию относят лишь в 4 % упоминаний, а мусульман – в 2 %.

Таким образом, в половине ответов в качестве врагов называются лица, обладающие властью и богатством. Отсюда напрашивается вывод, что народ продолжает жить в ситуации антиутопии, однако резко усилилась социальная дистанция между теми, кто обладает властью и богатством, используя их зачастую не во благо государства, и теми, кто лишён этого. Логично предположить, что население ожидает появления утопии, которая бы всё объяснила и назвала вещи своими именами, показав путь выхода из той ситуации, которая, судя по приведённым выше ответам, в настоящее время не устраивает многих респондентов.

Таблица 8.6

Распределение ответов населения на вопрос: «Кто относится к внешним друзьям России?»

Категории	%
Коррупционеры, воры	13
Власть, политики	13
Олигархи, богатые	9
Бюрократы, чиновники	9
Националисты, секты	8
Алкоголь, наркоторговцы	7
Кавказские регионы	7
Лень	5
Народ	5
Предатели, преступники	5
Дураки	4
Оппозиция	4
Те, кто придумывает врагов	3
Мусульмане	2
Недовольные	2
Уезжающие	2
Приезжие	2

9. ОБРАЗ ЖЕЛАЕМОГО БУДУЩЕГО И ФРЕЙМЫ СМЕРТИ КАК СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ФЕНОМЕНЫ

Важной социокультурной характеристикой ситуации в регионе выступает образ желаемого будущего его населения. Он же служит одним из существенных индикаторов, по которым можно определить переход социума от антиутопии к утопии.

Использовался прожективный вопрос, направленный на выявление у респондентов образа желаемого будущего. Каждая ценностная формулировка одного из аспектов их будущей жизни отражала определённую концепцию смысла жизни⁹⁹. Респондентам был представлен ряд характеристик будущей жизни, каждая из которых выражает соответствующую ценностную концепцию смысла жизни, и предложено оценить их по трёхбалльной шкале (табл. 9.1).

Таблица 9.1

Распределение ответов на вопрос: «Представьте себя через десять лет. Какие характеристики, по Вашему мнению, будут присущи Вашей жизни?»

(2010 г., в % от числа ответивших)

Варианты ответа	Обязательно		Возможно		Маловероятно	
	Красноярский край	Республика Хакасия	Красноярский край	Республика Хакасия	Красноярский край	Республика Хакасия
1. Активные занятия спортом	17	23	34	36	49	41
2. Материальный достаток	31	39	43	43	26	18
3. Вера в Бога	34	30	31	36	35	34
4. Престиж, восхищение окружающих	7	11	37	45	56	44
5. Хорошие возможности для отдыха, развлечений	19	28	48	48	33	24
6. Хорошая семья	64	68	28	26	8	6
7. Руководящая должность	14	15	32	41	54	44
8. Интересная, творческая работа	17	28	38	43	45	29
9. Регулярное чтение книг, посещение театров, концертов «серьёзной» музыки	22	28	46	45	32	27
	Обязательно		Возможно		Маловероятно	

⁹⁹ Немировский В.Г., Невирко Д.Д. Социология человека: от классических к постнеклассическим подходам. Изд. 2-е, перераб. и доп. – М.: Изд-во ЛКИ, 2008. – С. 269-292.

Варианты ответа	Красноярский край	Республика Хакасия	Красноярский край	Республика Хакасия	Красноярский край	Республика Хакасия
10. Жизнь ради людей, независимо от профессии, должности, зачастую в ущерб собственным интересам	7	9	32	34	61	57
11. Духовное развитие, нравственное самосовершенствование	26	33	49	47	25	20

Данные, представленные в табл. 9.1 и 9.2, свидетельствуют о преобладании на вербальном уровне массового сознания населения элементов образа желаемого будущего, отражающих направленность на Обладание (Э. Фромм). Иными словами, на вербальном уровне массового сознания населения региона доминируют ориентации на традиционные ценности. Это говорит о том, что ценностно-смысловая основа образа желаемого будущего у большинства жителей Красноярского края имеет потребительско-гедонистическое и престижно-властное содержание. Причём в 2011 г. по сравнению с 2010 г. резко усилились престижно-потребительские ориентации в образе желаемого будущего респондентов. Например, материальный достаток (вариант «обязательно» отметили, соответственно, 36 и 31 % опрошенных), престиж, восхищение окружающих (13 и 7 %), хорошие возможности для отдыха, развлечений (33 и 19 %).

Таблица 9.2

Распределение ответов населения края на вопрос: «Представьте себя через 10 лет. Какие характеристики, по Вашему мнению, будут присущи Вашей жизни?»
(2011 г., в % от количества ответивших)

Варианты ответа	Обязательно	Возможно	Маловероятно
1. Активные занятия спортом	21	32	47
2. Материальный достаток	36	41	23
3. Вера в Бога	33	34	33
4. Престиж, восхищение окружающих	13	48	39
5. Хорошие возможности для отдыха, развлечений	33	41	26
6. Хорошая семья	67	26	7
7. Руководящая должность	15	37	48
Варианты ответа	Обязательно	Возможно	Маловероятно
8. Интересная, творческая работа	25	38	37

9. Регулярное чтение книг, посещение театров, концертов «серьёзной» музыки	27	43	30
10. Жизнь ради людей, независимо от профессии, должности, зачастую в ущерб собственным интересам	13	42	45
11. Духовное развитие, нравственное самосовершенствование	35	46	19

Таблица 9.3

Распределение ответов на вопрос: «Что из перечисленного Вы больше всего боитесь не получить (потерять)?»

(2011 г., в % от количества ответивших)

Варианты ответа	% от числа ответивших
1. Активные занятия спортом	6
2. Материальный достаток	61
3. Вера в Бога	11
4. Престиж, восхищение окружающих	5
5. Хорошие возможности для отдыха, развлечений	17
6. Хорошая семья	77
7. Руководящая должность	8
8. Интересная, творческая работа	28
9. Регулярное чтение книг, посещение театров, концертов «серьёзной» музыки	6
10. Жизнь ради людей, независимо от профессии, должности, зачастую в ущерб собственным интересам	4
11. Духовное развитие, нравственное самосовершенствование	16

Сделанный выше вывод подтверждают ответы жителей края на контрольный вопрос: «Что из перечисленного Вы больше всего боитесь не получить (потерять)?». Как показано на табл. 9.3, наиболее всего респонденты боятся за два аспекта своей жизни: хорошую семью – 77 % ответивших и материальный достаток – 61 %. Отвечая на вариант «другое», жители края чаще всего называют работу – 7 % и здоровье, жизнь – 6 %.

Разумеется, подобное ценностно-смысловое содержание образа желаемого будущего у респондентов не является благоприятным фактором как для его реализации в обществе, так и для развития самого регионального (очевидно, и всего российского) социума.

Таблица 9.4

Распределение ответов на вопрос: «Представьте себя через десять лет. Какие характеристики, по Вашему мнению, будут присущи Вашей жизни?»

(2012 г., в % от количества ответивших)

Варианты ответов	Обязательно	Возможно	Маловероятно
1. Активные занятия спортом	22	38	40
2. Материальный достаток	34	43	23
3. Вера в Бога	32	40	28
4. Престиж, восхищение окружающих	12	42	46
5. Хорошие возможности для отдыха, развлечений	28	46	26
6. Хорошая семья	61	32	7
7. Руководящая должность	15	35	50
8. Интересная, творческая работа	23	39	38
9. Регулярное чтение книг, посещение театров, концертов «серьёзной» музыки	26	47	27
10. Жизнь ради людей, независимо от профессии, должности, зачастую в ущерб собственным интересам	10	36	54
11. Духовное развитие, нравственное самосовершенствование	29	50	21

Если сравнить образ желаемого будущего жителей региона, существовавший в 2010 г., и аналогичный образ, сформировавшийся у них в 2012 г., то следует отметить их высокую тождественность. Вместе с тем, в 2012 г. несколько возросла ориентация на материальный достаток (вариант ответа «обязательно»: +5 %), престиж, уважение окружающих (соответственно +5 %), хорошие возможности для отдыха, развлечений (+9 %), интересная, творческая работа (+5 %), регулярное чтение книг, посещение театров, концертов «серьёзной» музыки (+4 %). Характерно, что по сравнению с 2011 г. в 2012 г. заметно снизилась ориентация на духовное развитие, нравственное самосовершенствование (вариант ответа «обязательно», соответственно, 35 и 29 %). Эти тенденции свидетельствуют об усилении престижно-потребительских элементов образа желаемого будущего у населения Красноярского края.

Использование факторного анализа показало, что, в 2012 г. по сравнению с 2011 г. несколько изменилась латентная структура образа будущего у населения Красноярского края.

Ф-1 описывает ориентации на активные занятия спортом; материальный достаток¹⁰⁰; престиж, восхищение окружающих; хорошие возможности для отдыха, развлечений; хорошая семья; интересная, творческая работа; руководящая должность. Описательная сила фактора – 35,0 %. Условно назовём его «престижно-потребительская направленность».

Ф-2 выражает латентную ориентацию на регулярное чтение книг, посещение театров, концертов «серьезной» музыки; духовное развитие, нравственное самосовершенствование – 11,1 % – «культурно-нравственная направленность».

Ф-3 характеризует стремление к вере в Бога и жизнь ради людей, независимо от профессии, должности, зачастую в ущерб собственным интересам – 9,1 % – «религиозно-альтруистическая направленность».

На основе данных, полученных в 2012 г., также выявлены три фактора, однако характеристики несколько отличаются от тех, которые были получены в 2011 г.

Ф-1 описывает ориентации на активные занятия спортом, материальный достаток, престиж, хорошие возможности для отдыха, развлечений, руководящая должность, интересная работа (40,7 %). Как и в предыдущем случае, это «престижно-потребительская направленность».

Ф-2 выражает стремление к регулярному чтению книг, жизни ради людей, духовному развитию, нравственному самосовершенствованию (13,2 %) - «культурно-нравственная направленность».

Ф-3 характеризует такие элементы образа желаемого будущего, как вера в Бога и хорошая семья (9,2 %). Очевидно, данный образ желаемого будущего можно назвать «религиозно-семейным».

Таким образом, у опрошенных жителей Красноярского края в 2011 г. преобладали латентные ориентации на образ желаемого будущего, соответствующий «модусу обладания» (Э. Фромм) – Ф-1, над ориентациями, описываемыми «модус Бытия» – Ф-2 и Ф-3. Эта тенденция сохранилась и даже несколько усилилась в 2012 г. Вместе с тем возникли определённые отличия. Так, если в 2011 г. вера в Бога была взаимосвязана с социально-альтруистической ориентацией, то в 2012 г. образовался тандем – «вера в Бога» – хорошая семья, что может свидетельствовать об

¹⁰⁰ Подчёркиванием выделены признаки, имеющие наиболее высокую корреляцию с фактором.

определённой «бытовизации» религиозности, превращении её в элемент повседневности и секуляризации социально-альтруистической ориентации.

В целом можно говорить о некотором усилении престижно-потребительских тенденций в образе желаемого будущего респондентов, произошедших за сравнительно короткий период времени. Это может быть одним из признаков укрепления антиутопических идеалов и ценностей в массовом сознании населения.

Одним из активно развивающихся в последние два десятилетия направлений социологии является фрейм-анализ, в основе которого лежат работы американского социолога и психолога Ирвинга Гофмана¹⁰¹. Актуализации этого направления в отечественной социологии, на наш взгляд, способствовала публикация проблемных, содержательных статей В.А. Ядова¹⁰², О.Н. Яницкого¹⁰³, Д.Н. Шалина¹⁰⁴ на официальном сайте Российского общества социологов. Не занимаясь перечислением всех тех зарубежных и отечественных авторов, которые в своём научном творчестве отдали дань этому направлению, обратим внимание читателей лишь на содержательную диссертационную работу В.С. Вахштайна, в которой раскрываются важные аспекты фрейм-анализа¹⁰⁵, а также на ряд публикаций этого автора.

Наша задача значительно скромнее: провести эмпирическое исследование фрейма смерти как социокультурного феномена в массовом сознании сибиряков. По верному замечанию О.Н. Яницкого, «...фрейминг – это процесс осмысления и организации человеческого опыта. Фреймы – результаты его кристаллизации. Но одновременно фреймы – это инструменты, при помощи которых индивид или коллективный актор строят стратегию и тактику социального действия и выбирают адекватный

¹⁰¹ Гофман И. Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта / Под ред. Г.С. Батыгина и Л.А. Козловой. – М.: Ин-т социологии РАН, 2003.

¹⁰² Яницкий О.Н. Социальные движения и теория фрейминга. Официальный сайт РОС [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.ssa-rss.ru/index.php?page_id=19&id=464

¹⁰³ Ядов В.А. Попытка переосмыслить концепцию фреймов Ирвинга Гофмана. Официальный сайт РОС [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.ssa-rss.ru/index.php?page_id=19&id=469

¹⁰⁴ Шалин Д.Н. О Гофмане (отклик на статью В. Ядова). Официальный сайт РОС [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.ssa-rss.ru/index.php?page_id=19&id=471

¹⁰⁵ Вахштайн В.С. Теория фреймов как инструмент социологического анализа повседневного мира: Автореф. дисс. ...канд. социол. наук. – М., 2007.

моменту способ воздействия на ситуацию или конфликт»¹⁰⁶. При этом многочисленные авторы справедливо указывают на сложную иерархическую структуру фреймов. Безусловно, представления о смерти в массовом сознании населения непосредственно отвечают основным характеристикам, которыми наделяют эти феномены современные исследователи. Как писал И. Гофман, «в повседневной жизни нашего общества, если не проводится вполне последовательно, то достаточно отчетливо ощущается различие между двумя обширными классами первичных систем фреймов – назовем их природными и социальными.

Природные системы фреймов определяют события как ненаправленные, бесцельные, неодушевленные, неуправляемые – «чисто физические». Принято считать, что неуправляемые события полностью, от начала до конца, происходят благодаря «естественным» факторам, что никакое волеизъявление, каузально или интенционально, не вмешивается в их естественный ход, и нет никого, кто бы постоянно направлял их к цели. Невозможно представить себе успех или неудачу применительно к таким событиям; здесь нет места ни негативным, ни позитивным санкциям. Здесь царят детерминизм и предопределенность.... Социальные фреймы, напротив, обеспечивают фоновое понимание событий, в которых участвуют воля, целеполагание и разумность – живая деятельность, воплощением которой является человек. В такой деятельной силе нет неумолимости природного закона, с ней можно договориться, ее можно задобрить, запугать, ей можно противостоять. То, что она делает, можно назвать «целенаправленным деланием». Само делание подчиняет делателя определенным «стандартам», социальной оценке действия, опирающимся на честность, эффективность, бережливость, осторожность, элегантность, тактичность, вкус и т.п.»¹⁰⁷. При этом автор указывает на тесную взаимосвязь и взаимопроникновение природных и социальных фреймов: «...хотя природные события происходят без вмешательства мысленных действий, их нельзя совершить, не вторгнувшись в природный порядок. Поэтому любой сегмент социально направленного действия можно в определенной степени анализировать и на основе природной схемы»¹⁰⁸.

¹⁰⁶ Яницкий О.Н. Цит. соч.

¹⁰⁷ Гофман Ирвинг. Анализ фреймов. Американская социологическая мысль. Тексты. Теоретическая социология. Антология. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.fidel-kastro.ru/sociologia/hoff_frame.htm

¹⁰⁸ Там же.

Как известно, в каждой культуре смерть – это логичное продолжение жизни, а образ смерти – искажённое отражение облика жизни. Представления о потустороннем – неотъемлемый элемент образа мира, который лежит в основе культуры той или иной эпохи, прежде всего, в форме религиозной картины мира. Такие представления могут разрастаться в необычайно богатую картину и могут быть «нулевыми», когда небо пустеет и по ту сторону жизни находится небытие. В любом случае оба мира – жизни и смерти – присутствуют в сознании культуры и определяют её существенные черты. Представления о смерти выступают одними из базовых ценностных ориентиров личности, а точнее говоря, фреймами, сочетающими в себе характеристики как природного, так и социального класса первичных фреймов. Они также выступают одной из базовых мировоззренческих универсалий, влияющей на многие характеристики социального поведения индивида. На наш взгляд, важным элементом фреймов смерти выступают и религиозные представления респондентов, красной нитью через любое религиозное вероучение проходит тема смерти, посмертного воздаяния, спасения души и т.п. Наконец, неотъемлемый конструкт фрейма смерти – представление человека о бессмертии; его потенциальной возможности и условиях его обретения. Поэтому можно выдвинуть общую гипотезу, что верующий человек иначе относится к смерти и бессмертию, нежели неверующий.

Особенно актуально их изучение в современной России, где в массовом сознании населения произошла резкая смена системы ценностей и жизненных стратегий, нередко сопровождающаяся ситуацией экзистенциального вакуума¹⁰⁹.

Совместный факторный анализ представлений о будущем и фреймов смерти позволил выделить в массовом сознании жителей Красноярского края и Республики Хакасия следующие латентные переменные.

Ф-1 описывает материальный достаток, спорт, престиж, гедонизм, руководящую должность, интересную, творческую работу. Описательная сила фактора по массиву данных в Красноярском крае - 21,1 %, в Республике Хакасия - 22,5 %.

Ф-2 характеризует духовное развитие, культурный досуг, альтруизм (соответственно, 10,9 и 10,0 %).

¹⁰⁹ См.: Немировский В.Г. Фреймы смерти в массовом сознании сибиряков: структура и динамика (на материалах социологических исследований в Красноярском крае и республике Хакасия в 1995 – 2010 гг.) // Мониторинг общественного мнения, 2011. – №2 (102). – С.116-125.

Ф-3 выражает реинкарнационное и христианское бессмертие, веру в Бога (9,9 и 9,9 %).

Ф-4 связан с индикаторами: социальное и социально-демографическое бессмертие (8,3 и 8,7 %).

Ф-5 описывает фреймы нигилистического и потребительского отношения к смерти (7,6 и 7,7 %).

Как видим, выделены совершенно идентичные латентные структуры в массовом сознании жителей двух регионов Восточной Сибири. Первые две из них описывают соответствующие образы желаемого будущего, один из которых (имеющий максимальную описательную силу среди обнаруженных факторов) выражает престижно-потребительский образ желаемого будущего – наиболее мощный феномен в ценностном поле массового сознания/бессознательного сибиряков. Второй – нравственно-альтруистический образ желаемого будущего, описательная сила которого в обоих массивах данных значительно ниже, чем у первого фактора. Специфика третьего фактора состоит в том, что это единственная латентная переменная, которая объединяет ориентации на желаемое будущее и фреймы смерти. Причём имеет весьма характерное содержание, описывая различные религиозные и квазирелигиозные фреймы и представления о будущем. Четвёртая и пятая переменные характеризуют два вида фреймов смерти: социальные и нигилистически-потребительские.

Из всего сказанного можно сделать вывод, что в массовом сознании/бессознательном жителей данных регионов Восточной Сибири фреймы смерти (за исключением религиозных и квазирелигиозных, образующих единый комплекс с верой в Бога) **не связаны с ценностными ориентациями на будущее**. Получается, что у большинства респондентов социальная деятельность мотивируется мечтами о желаемом будущем, никак не взаимодействующими с осознанием конечности своего бытия. У других опрошенных жителей Красноярского края и Республики Хакасия (меньшей их части) фреймы смерти выступают самостоятельным феноменом в массовом сознании/бессознательном, играющим определённую роль в мотивации их социальной деятельности, но также не связанным с образом желаемого будущего.

Иными словами, для большинства опрошенных людей жизнь протекает под знаком надежд и мечтаний; существование меньшинства из них во многом обусловлено фреймами смерти, которые, создавая соответствующее психоэмоциональное настроение, в определённой мере

мотивируют их социальную деятельность (иными словами, проявляются как неосознанное стремление к смерти). Причём лишь у небольшой их части (Ф-4) эта мотивация в рамках понимания физической конечности жизни имеет просоциальное содержание. Несколько большая часть опрошенных воспринимает факт конечности физического существования человека как основание для деятельности в расчёте на позитивную оценку и добрую память как своих близких, так и более широкого социального окружения. Столь «пёстрая палитра» латентных ориентаций, отражающих взаимосвязь образа желаемого будущего и фреймов смерти, безусловно, свидетельствует о промежуточном состоянии социокультурной ситуации в социуме (в частности, на материалах двух сибирских регионов): сложном и противоречивом переходе от антиутопии к утопии.

10. ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ЖИТЕЛЕЙ КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ ОБ ОРГАНАХ ВЛАСТИ И ИХ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Социальные представления населения выступают базовыми социокультурными факторами, которые детерминируют социальные, экономические и политические процессы в стране. К числу их наиболее важных форм относятся представления жителей о своём регионе, о России в целом, о федеральной власти, о региональной власти и др. Образ социальной структуры общества в массовом сознании/бессознательном жителей концентрирует в себе отношение людей к обобщённым социальным субъектам и акторам.

Как известно, социальные представления выступают одной из традиционных тем социологического анализа: социальная жизнь, писал Э. Дюркгейм, целиком состоит из представлений. Одна из наиболее распространённых современных концепций социальных представлений была разработана и введена в научный оборот С. Московичи, получив в дальнейшем широкое распространение в психологических и социальных науках¹¹⁰. Социальные представления выступают коллективными феноменами и играют важную роль в обеспечении функционирования культурных групп. Концепция С. Московичи, несмотря на высказывание о ней рядом авторов критических замечаний, с точки зрения реализуемого нами подхода важна тем, что коллективные культурные представления рассматриваются им, в том числе, как бессознательные. Это, в свою очередь, позволяет также использовать эвристический потенциал постнеклассического (универсального) подхода, в свете которого в массовом сознании выделяются и бессознательные слои и элементы¹¹¹.

Для изучения социальных представлений населения края о своём регионе, России, федеральной власти и региональной власти в процессе

¹¹⁰ Moscovici, S. On social representation. In: Forgas, J. P. (ed.) *Social Cognition: Perspectives on everyday life*. – London: Academic Press, 1981.

¹¹¹ Немировский В.Г. Массовое сознание и бессознательное как объект постнеклассической социологии // *Социологические исследования*. – 2006. – № 2. – С. 13-19.; Немировский В.Г., Невирко Д.Д. *Социология человека: от неклассических к постнеклассическим подходам: Монография. Изд. 2-е перераб. и доп.* - М.: Издательство ЛКИ, 2008; Nemirovskiy V. *The Interdisciplinary Perspectives of the Contemporary Post-Non-Classical Sociology* // *The International Journal of Interdisciplinary Social Sciences*. – Vol. 2. – Num. 1. – 2007. – P. 65-77.

проведения глубинного интервью использовался также направленный ассоциативный эксперимент¹¹².

В процессе глубинного интервью респондентам был задан вопрос: «Какой Вы представляете федеральную власть? Дайте три самые существенные характеристики».

Согласно результатам контент-анализа подавляющее большинство опрошенных жителей Красноярского края представляют федеральную власть в негативном свете (44 %), более четверти опрошенных (28 %) видят только её положительные стороны (рис. 10.1), часть из них – 16 % – затруднились ответить. Другие имеют амбивалентное представление о федеральной власти, отмечая в её деятельности как хорошие, так и плохие стороны (12 %).

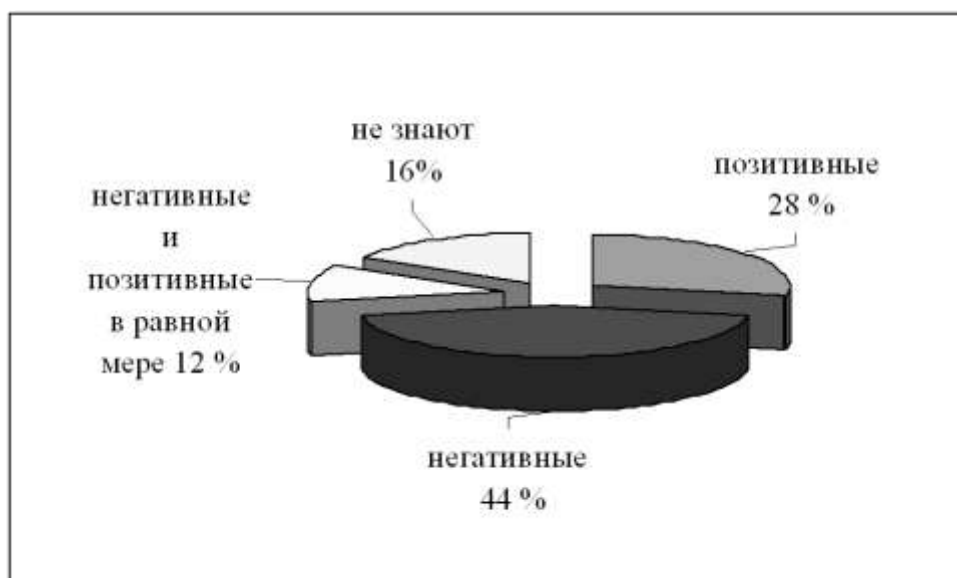

Рис. 10.1. Представления респондентов о федеральной власти

Укажем основные позитивные характеристики федеральной власти в массовом сознании респондентов (табл. 10.1):

¹¹² Паутова Л.А. Ассоциативный эксперимент: опыт социологического применения // Социология 4М. – 2007. – № 24. – С. 149-168; Сикевич З.В. Социологическое исследование: практическое руководство. – СПб.: ПИТЕР, – 2005; Социокультурные процессы в Восточной Сибири (на материалах социологических исследований в Красноярском крае и Республике Хакасия в 2009 – 2011 гг.) / Отв. ред. А.В. Немировская. - Красноярск: СФУ, 2011.

Таблица 10.1

Позитивные характеристики федеральной власти в массовом сознании респондентов

Характеристики	%
Стабильная	33
Сильная	10
Демократичная	4
Справедливая	9
Улучшилась за последнее время	4
Позитивное отношение к Путину	11
Мобильная	2
Перспективная	7
Старательная	4
Профессиональная	2
Позитивное отношение к президенту	7
Честная	7

Как видим, позитивное отношение жителей Красноярского края к федеральной власти выражается следующими основными комплексами характеристик:

1. Стабильность, сила, устойчивость, монолитность – 44 %.
2. Справедливость, демократичность, честность – 20 %.
3. Доверие и позитивное отношение к В.В. Путину, Д.А. Медведеву и их команде – 18 %.
4. Способность к позитивным изменениям, мобильность, перспективность, профессионализм, старательность – 18 %.

После первичного контент-анализа выделяются следующие названные причины негативного отношения к федеральной власти (табл. 10.2).

В целом можно выделить ряд укрупнённых блоков негативных представлений населения Красноярского края о федеральной власти:

1. Коррупционность, воровство и жульничество, продажность исполнительных органов, лоббирование интересов корпораций, нечестность, непокорность – 59 % респондентов.
2. Недоверие В.В. Путину и олигархам, недоверие президенту, олигархи у власти, не выполняет обещаний и не думает о народе, далека от нужд простых людей – 22 %.

3. Не думает о регионах, находится далеко, все деньги стекаются в Москву, высасывание денег из сырьевых регионов – 19 %.

Таблица 10.2

Негативные представления о федеральной власти

Характеристики	%
Коррупция	29
Не знает проблем обычных людей	5
Ориентирована на центр	4
Далеко от нашего региона	2
Олигархичность	8
Нелиберальна	2
Нечестная	10
Незаконопослушная	8
Закрытая	2
Не жёсткая	1
Негативное отношение в Путину	5
Не выполняет обещания	2
Высасывает деньги из регионов	7
Ненадёжная	3
Жулики и воры	12

Региональную власть большинство респондентов представляют позитивно – 64 %. С помощью негативных характеристик описывают региональную власть несколько более четверти опрошенных (28 %), примерно каждый 12-й из респондентов затруднились ответить (8 %) (рис. 10.2).

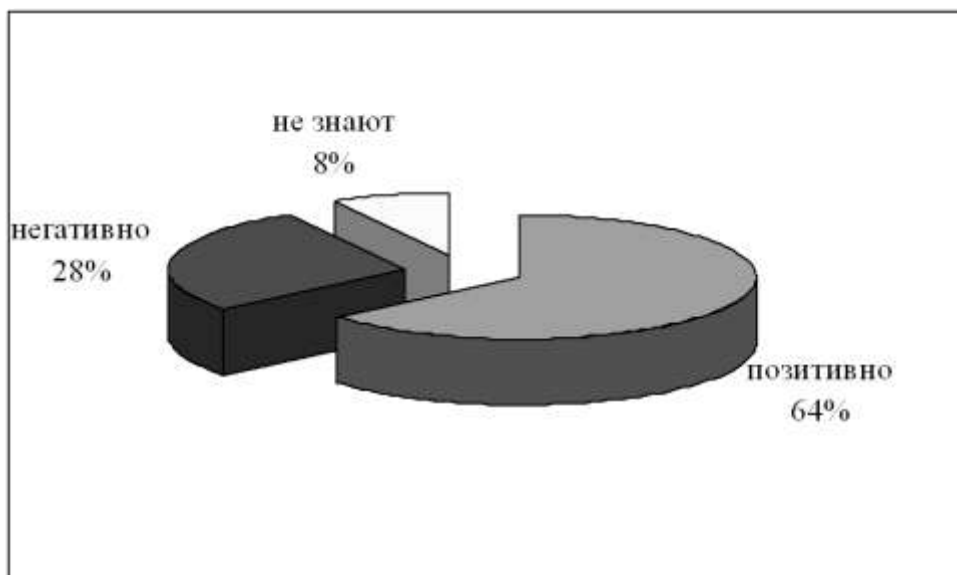

Рис. 10.2. Отношение респондентов к региональной власти

С помощью контент-анализа выявлены следующие характеристики-элементы позитивного образа региональной власти (табл. 10.3).

Таблица 10.3

Позитивные представления о региональной власти

Характеристики	%
Лучше федеральной	32
Старается для простых людей	7
Открытая	3
Лучше знает нужды региона	6
Заботливая	4
Добросовестная	3
Хлопонин был молодец	4
Кузнецов продолжает дело Хлопонина	3
Сильная	6
Справедливая	10
Самостоятельная	2
Демократичная	3
Заинтересована в развитии региона	7
Перспективная	9
Независима от Москвы	1

Итак, в массовом сознании респондентов, позитивно оценивающих региональную власть, существуют следующие комплексы её позитивных характеристик:

1. Сильная, справедливая, самостоятельная, заботливая, демократичная, добросовестная, старается для простых людей, перспективная – 47 %.

2. Ближе и лучше федеральной власти, ближе к нам, чем Москва, заинтересована в своём успехе, лучше знает проблемы местного населения, заинтересована в развитии региона – 46 %

3. «Кузнецов продолжает дело Хлопонина»¹¹³ — Хлопонин был хороший руководитель, хорошее отношение к Кузнецову как к продолжателю дел Хлопонина, компетентность и профессионализм команды Кузнецова – 7 %.

С помощью контент-анализа были выделены следующие составляющие негативных представлений населения Красноярского края о региональной власти (табл. 10.4).

Таблица 10.4.

Негативные представления о региональной власти

Характеристики	%
Коррупция	32
Закрытость	7
Не думает о людях	12
Не знает проблем населения	9
Жулики	7
Не выполняет обещаний	16
Негативное отношение к «Единой России»	9
Бюрократия в исполнительных органах	3
Не интересуется всеми областями (районами) края	5

¹¹³ Л.В. Кузнецов – губернатор Красноярского края с 17 февраля 2010 г., А.Г. Хлопонин – губернатор данного региона с сентября 2002 г. по 19 января 2010 г.

На основе выделенных в массовом сознании респондентов представлений, можно назвать следующие негативные образы региональной власти:

1. Бюрократия, непрофессионализм и незнание проблем населения, закрытость власти от людей, невыполнение данных обещаний, устранение от решения проблем различных районов края – 52 %.

2. Коррупция, преступность, воровство – 39 %.

3. Негативное отношение населения к партии «Единая Россия» – 9 %.

С помощью глубинных интервью была проанализирована оценка респондентами деятельности краевой власти. Как показано на рис. 10.3 почти половина опрошенных (47 %) поставили им оценку «удовлетворительно». Оценку «нормально», «положительно», «хорошо» дали властям 35 % респондентов. Отрицательные оценки деятельности краевой власти высказали 16 % участников глубинного интервью.

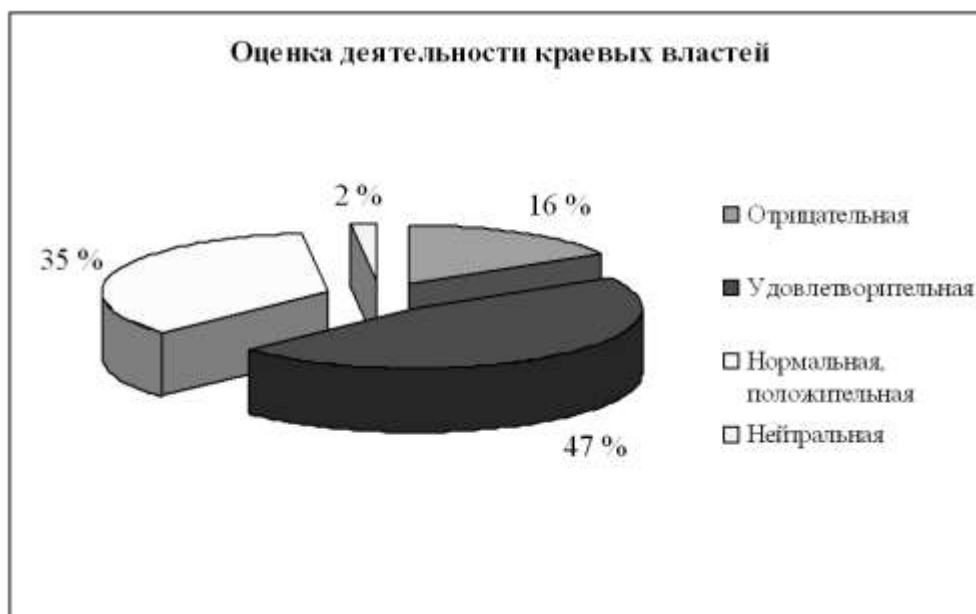

Рис. 10.3. Распределение ответов населения на вопрос: «Какую оценку Вы бы дали работе краевых властей? »

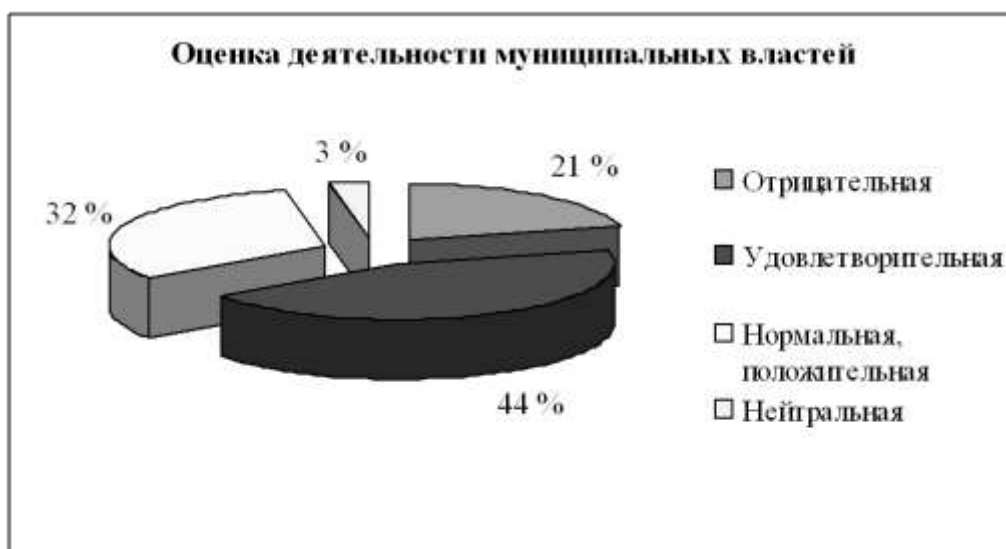

Рис. 10.4. Распределение ответов населения на вопрос: «Какую оценку Вы бы дали работе муниципальных властей (Вашего города/поселка)?»

Деятельность муниципальных органов власти жители региона оценили несколько ниже, чем краевых. Так, каждый пятый дал им отрицательную оценку (рис. 10.4). В целом же оценки отличаются незначительно, что может свидетельствовать о не всегда достаточно чётком понимании «рядовыми» жителями края разделения функций краевой и муниципальной власти.

Контент-анализ результатов глубинных интервью показал, что на вопрос: «Как Вы считаете, что положительного сделал губернатор для нашего края за последние два года?» (табл. 10.5) пятая часть ответов объединяется категорией «ничего». Вместе с тем в качестве важных положительных результатов его деятельности жители края отмечают запрет строительства ферросплавного завода (17 %), строительство новых дорог, мостов, реконструкцию существующих (12 %), в целом строительство и благоустройство населённых пунктов. Здесь следует отметить, что многие респонденты смешивают функции губернатора и органов муниципального самоуправления, к сфере которых относятся, в частности, благоустройство, ремонт и строительство внутригородских дорог и т.п. Радует респондентов также поддержка, которую губернатор Красноярского края Л. Кузнецов оказывает краевой молодёжи и развитию спорта в регионе (6 %), одобряется проводимая им социальная политика (5 %), развитие медицины в крае (5 %), помощь сельскому хозяйству (4 %), разработка новых месторождений на Севере края, завершение строительства Богучанской ГЭС (4 %), повышение статуса Красноярского

края в стране (3 %). Наконец 2 % ответов оценивают его работу как стабильную и планомерную.

Таблица 10.5

Распределение ответов респондентов на вопрос: «Как Вы считаете, что положительного сделал Губернатор для нашего края за последние два года?»

Категории	Характеристики, предложенные респондентами	%
Ничего	Ничего, ничего плохого, мало времени прошло	21
Запрет строительства ферросплавного завода		17
Дороги	Дороги, мост, транспорт	12
Упоминание Хлопонина	Упоминание Хлопонина, его дел	11
Строительство	Строительство, благоустройство	10
Поддержка молодёжи и спорта	Поддержка молодёжи, спорта, Ледовый дворец	6
Соц. политика	Соц. политика, льготы, увеличение з/п	5
Медицина	Мед. центры (кардиологический, перинатальный)	5
Сельское хозяйство		4
Разработка месторождений	Месторождения, Ванкор, Богучанская ГЭС	4
Повысил статус Красноярского края в стране		3
Работает стабильно	Работает стабильно, планомерно	2
Всего		100

Следует отметить, что 11 % ответов содержат упоминания А. Хлопонина, который был прежним губернатором Красноярского края и о положительных результатах его деятельности в крае. Это значит, что часть респондентов отождествляет нынешнего губернатора с прежним, «не заметив» того факта, что два года назад был избран новый губернатор. Напрашивается вывод, что, очевидно, с позиции этих людей, нынешний глава региона не заявил о себе какими-либо яркими социально значимыми действиями.

Таблица 10.6

Распределение ответов респондентов на вопросы: «Что полезного сделали руководство края для нашего региона за последние два года? Какие успехи?»

Категории	Характеристики, предложенные респондентами	%
Строительство	Строительство, благоустройство, фонтаны	22
Дороги		20
Ничего		16
Поддержка спорта, культуры, молодежи		11
Разработка месторождений	Месторождения, Ванкор, Богучанская ГЭС, рабочие места	11
Медицина	Мед. центры (кардиологический, перинатальный)	6
Запрет строительства ферросплавного завод		5
Соц. политика	Соц. политика, льготы, увеличение з/п	5
ЖКХ		2
Красноярский экономический форум		1
СФУ		1
Всего		100

Ответы респондентов на вопросы: «Что сделали полезного руководство края для нашего региона за последние два года? Какие успехи?» В значительной мере повторяют их положительную оценку деятельности губернатора края (табл. 10.6).

Таблица 10.7

Распределение ответов респондентов на вопрос: «Какие неудачи Вы могли бы назвать?»

Категории	%
Авария на Саяно-Шушенской ГЭС	18
Закрытие ферросплавного завода	14
Отмена строительства метро	14
Экология	14
Закрытие заводов	9
Не обращаются к людям	9
ЖКХ	9
Нет контроля за расходами	5

Сельское хозяйство	5
Дотационный регион	5
Всего	100

Согласно результатам контент-анализа ответов респондентов на вопрос: «Какие неудачи Вы могли бы назвать?» были получены данные, согласно которым наиболее часто называют аварию на Саяно-Шушенской ГЭС (18 %), хотя она расположена на территории Республики Хакасия и её работа не относится к компетенции руководства Красноярского края. Оказалось, что существует немало людей, которые недовольны «закрытием ферросплавного завода» (14 % ответов). Напомним, что ответов, в которых респонденты выражают одобрение подобным действиям Администрации Красноярского края, было 17 %. Поэтому подобная позиция, приветствующая строительство данного завода, вызывает определённое недоумение, ибо в регионе идёт массовая аргументированная пропаганда, направленная на предотвращение реализации данного проекта. Единственным объяснением данного феномена нам представляется надежда некоторых жителей региона на создание новых рабочих мест рядом с краевым центром.

Таблица 10.8

Распределение ответов респондентов на вопрос: «Что должно сделать руководство региона для его развития?»

Категории	Характеристики, предложенные респондентами	%
Диалог с населением	Работать, думать о людях, слушать людей	16
Создание новых рабочих мест	Рабочие места	10
Контроль над бюджетными средствами	Бороться с коррупцией, соблюдать закон, контроль над расходами	8
Поддержка молодых		8
Развитие производства		8
Инвестиции		8
Поднять уровень жизни	Поднять уровень жизни, уменьшение цен, увеличение льгот, заработной платы	8
Меньше	Меньше денежных средств в центр, лоббировать свои интересы	6

зависеть от Москвы		
Дороги, транспорт	Дороги, метро	6
Строительство детских садов	Дети, детские сады	4
Строительство, благоустройст во		4
Здоровье населения	Здоровье, спорт, борьба с наркоманией, алкоголизмом	4
Сельское хозяйство		4
ЖКХ		3
Экология		3
Всего		10 0

Весьма информативными оказались ответы респондентов на вопрос: «Что должно сделать руководство региона для его развития?». Наиболее распространённая категория ответов – необходимость расширения диалога власти с населением, лучшего понимания реальных проблем населения региона (16 % ответов). Это свидетельствует о наличии у определённой части жителей региона чувства отчуждения от существующей в регионе власти, существования между ними трудно преодолимой дистанции. Немалая часть опрошенных обеспокоена необходимостью создания новых рабочих мест (10 %). Часто встречаются пожелания более активно бороться с коррупцией, контролировать расход бюджетных средств (8 %), поддерживать молодёжь (8 %), развивать производство (8 %), привлекать инвестиции (8 %), поднять уровень жизни населения (8 %), уменьшить зависимость от федеральных властей (6 %), строить дороги, метро (6 %) и др. (табл. 10.8).

Представления населения о власти и её деятельности в известной мере корреспондируют с их мнениями об элите. В нашем исследовании элита рассматривалась на двух уровнях: федеральном и региональном, хотя следует признать, что некоторые представители региональных элит входят в подобный социальный слой и на федеральном уровне.

Распределение ответов респондентов на вопрос: «Кто для вас элита?»

Категории	Характеристики, предложенные респондентами	%
Имеют деньги	Олигархи, богатые, состоятельные	37
Власть	Политики, чиновники, коррупционеры, управленцы	26
Образованные люди	Ученые, образованные, интеллигенция	12
Деятели культуры	Духовные, писатели, художники	7
Делают вклад в общество	Небезразличные, трудящиеся на благо общества, прославляющие Россию, приносят пользу	6
Разделяют элиту	Разделяют элиту на тех, кто должен ею считаться, и тех, кто считается у нас	6
Самостоятельно добились успеха		3
Все одинаковы	Нет деления на элиты	2
Имеют авторитет		1
Всего		100

Как показано на табл. 10.8, в которой представлены результаты контент-анализа ответов респондентов на вопрос глубинного интервью, выделяются два основных признака, по которым они относят того или иного члена социума к элите: наличие денег (37 % ответов) и власти (26 %). Образованность, культурность и вклад в развитие общества, по мнению опрошенных, играют второстепенную роль (соответственно 12, 7, 6 %). Характерно, что часть респондентов в ходе глубинного интервью жителей региона разделяют элиту на тех, кто должен ею считаться, и тех, кто считается у нас (6 %).

Соответственно, к региональной элите (табл.10.9) респонденты отнесли, прежде всего, представителей власти (47 %) и бизнесменов (21 %), деятелей культуры относят к ней существенно реже (13 % ответов), как и деятелей науки и профессуру (14 % ответов).

Если вести счёт по конкретным персоналиям, то следует отметить, что 13 % ответов указывают на губернатора края, а 9 % – мэра как основных представителей региональной элиты. Ряд респондентов назвали фамилию бывшего губернатора региона, а также председателя ЗС края А.В. Усса, его заместителя А.М. Клешко, а также наиболее известных олигархов и крупных руководителей, работающих на территории края.

Это свидетельствует о низкой социальной оценке образования, культуры и реального собственного вклада в развитие социума, что, безусловно, выступает серьёзным препятствием для эффективной модернизации нашего общества. Нужно сказать, что доминирование денег и власти в характеристиках элитного сословия выступает одним из признаков жизни общества в ситуации антиутопии.

Таблица 10.9

Распределение ответов респондентов на вопрос: «Кого можно отнести к элите в нашем регионе?»

Категории	Характеристики, предложенные респондентами	%
Власть	Политики, чиновники, управленцы, администрация	47
Бизнесмены		21
Деятели культуры	Артисты, писатели, художники	13
Делают вклад в общество	Небезразличные, трудящиеся на благо общества, врачи, учителя	5
Ученые	Ученые, профессора	14
Всего		100

По результатам контент-анализа ответов респондентов на вопрос: «Кого к ней отнести в масштабах страны?» были получены весьма похожие ответы: это, прежде всего, представители власти (47 %), обладатели крупных состояний (21 %), деятели культуры (11 %), учёные (14 %). Спортсмены, а также те, кто является патриотом, трудится на благо общества, к элите были отнесены только в 3 % ответов. Обращает на себя внимание тот факт, что в региональной элите, по сравнению с масштабом всей страны, по мнению респондентов, несколько выше доля бизнесменов и учёных и ниже – деятелей культуры и шоу-бизнеса (табл. 10.10).

Среди конкретных персоналий преобладают В.В. Путин и Д.А. Медведев – 14 % ответов.

Таблица 10.10

Распределение ответов респондентов на вопрос: «Кого можно отнести к элите в масштабах страны?»

Категории	Характеристики, предложенные респондентами	%
Власть	Политики, чиновники, управленцы, политики, Государственная Дума РФ, министры, «Единая Россия»	47
Те, кто имеют	Бизнесмены, олигархи	21

деньги		
Деятели культуры	Артисты, актёры, шоу-бизнес, певцы, писатели, художники	11
Делают вклад в общество	Трудящиеся на благо общества, патриоты	3
Учёные		14
Спортсмены		3
Молодёжь		1
Всего		100

Нужно иметь в виду, что мнение жителей региона о том, кто относится к элите, разумеется, далеко не всегда точно характеризует реальный состав элиты. Это, скорее, показатель отношения опрошенных граждан к тем, кто «стоит над ними». Между тем в современной элите не только нашей страны (как федеральной, так и региональной) согласно различным исследованиям происходят неоднозначные и подчас парадоксальные процессы. Например, Б.Ю. Кагарлицкий считает, что «Элиты с комплексом неполноценности – типичное явление рубежа XX-XXI веков. Особенно в странах периферии, от Саудовской Аравии до России. Это не совсем новое явление, но достигающее беспрецедентных масштабов: миллионеры–неудачники, комплексующие начальники, правители–маргиналы, фрустрированные бюрократы»¹¹⁴.

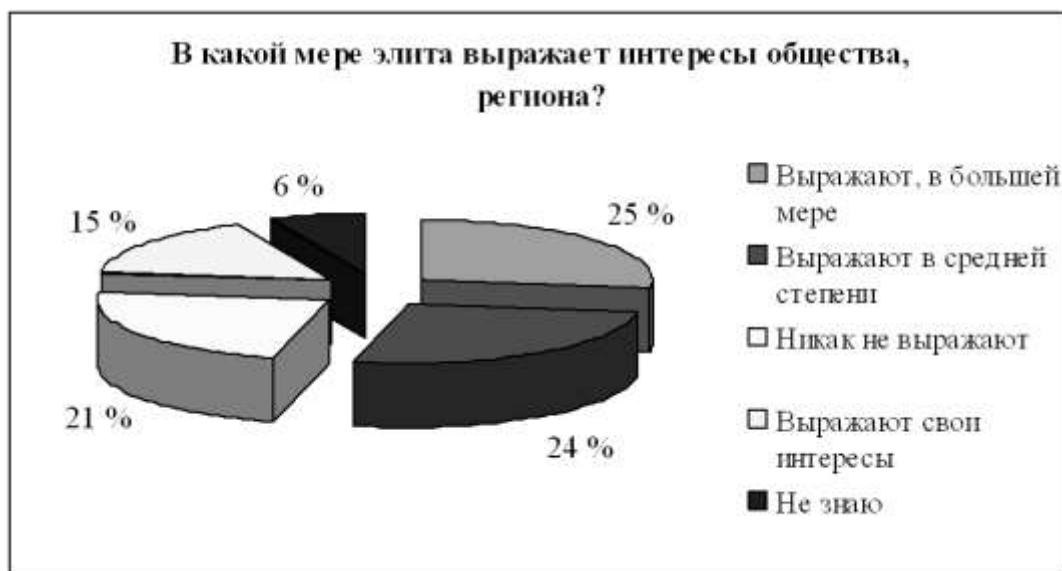

Рис. 10.5. Распределение ответов населения на вопрос: «Насколько, в какой мере элита выражает интересы общества, региона?»

¹¹⁴ Кагарлицкий Б. Восстание среднего класса. – М., 2012. – С.212.

К числу важных отличий социальной ситуаций утопии от антиутопии относится степень выражения элитой общественных интересов. Если в первом случае (т.е. утопии) элита в целом ориентирована на защиту общественных интересов и следует определённым социальным идеалам, то во втором – общегосударственные задачи зачастую отходят на второй план по сравнению с собственными интересами сохранения и приумножения власти и богатства. Как показано на рис. 10.5, если суммировать распределение ответов респондентов по вариантам предложенной шкалы, то мы увидим, что их мнения распределились практически поровну: 49 % полагают, что российская элита в той или иной степени выражает интересы общества, региона, а 46 % – практически не выражает или выражает в малой степени. Причём вариант ответа «выражают, в большей мере» выбрал каждый четвёртый респондент. На наш взгляд, такое распределение ответов также может свидетельствовать о существовании в обществе переходной ситуации от антиутопии к утопии.

11. ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ЖИТЕЛЕЙ КРАЯ О РЕГИОНЕ И РОССИИ В ЦЕЛОМ

В процессе ассоциативного интервью респондентам был задан вопрос: «Если бы наш регион был животным, птицей, рыбой, насекомым, растением и т.п., расскажите, как бы Вы его представили?».

Подавляющее большинство опрошенных жителей края представляют наш регион в образе медведя - 26 %, несколько менее популярны дикие хищные кошки: тигр, лев, рысь, барс - 14 %. В образе волка представляют наш регион 3 % опрошенных, 2 % из них называли лису. Эти образы свидетельствуют о мощи, силе, активности, отчасти агрессивности и хитрости, свободолюбии как доминирующих качествах в представлениях о регионе в массовом сознании/бессознательном его жителей. В известной мере эти выводы подтверждаются и тем, что 7 % респондентов представляют регион в виде различных деревьев и растений, причём большинство из них (6 %) – в образе характерных для Сибири деревьев: могучих кедров, мощных сосен, зелёных пушистых ёлок и пихт. На наш взгляд, здесь непосредственно выражается тема традиционной заготовки леса в регионе, в последние два десятилетия зачастую носящая варварский характер.

Своего рода переходными выступают представления опрошенных о регионе как о птице (9 %), половина из которых назвали орла, сокола или других хищных птиц, которые в большом количестве водятся в крае, другая – более мелких диких птиц, многие из которых выступают объектом охоты. 6 % опрошенных жителей представили наш край в образе крупных копытных животных: оленей, быков, буйволов, лошадей, то есть сильных **рабочих** животных. Часть респондентов (7 %) видят Красноярский край как различных рыб, в основном, осетровых. На наш взгляд, это может отражать существующие в массовом бессознательном населения представление о регионе как о некой «живой пище», выражающее рациональные конструкты, характеризующие Красноярский край как «сырьевой придаток центра».

Почти каждый десятый респондент затруднился ответить на данный вопрос (9 %), или, высказывая некие одиночные суждения, не смог подобрать какие-либо чётко типологизируемые образы, например камень, муравей, слон, кит (хотя последние два и выражают могучих животных, некоторые могут и проявлять агрессию, и выступать для людей пищей и рабочей силой) т.п. (11 %).

В ходе глубинного интервью респондентам был также задан аналогичный вопрос относительно России.

Подавляющее большинство из них представляют нашу страну в образе медведя (26 %), реже, по сравнению с сибирским регионом, называют образ диких хищных кошек, таких как тигр, лев (5 %). У немалой части опрошенных Россия ассоциируется с птицами – 11 %, большинство из которых хищники, – орёл или сокол, традиционный символ царской власти – 9 %. Опрошенные жители Красноярского края видят нашу страну также различными деревьями и растениями – 6 % респондентов, большинство из них (5 %) в образе типичных для западной части России деревьев: берёза, дуб, тополь, различные мелкие кустарники. 5 % респондентов ассоциируют Россию с крупными копытными домашними животными: коровами, быками, лошадьми. С рыбами Россия ассоциируется у жителей края слабо (3 %). Ещё 3 % ответили, что представляют Россию в образе лесов, кустов, цветов и т. п. С волком Россию ассоциируют всего лишь 1 % респондентов. Не смогли определиться с ответом, хотя и предлагали некоторые варианты, 13 % опрошенных. Остальные 12 % респондентов давали весьма оригинальные и сложные для обобщения ответы, такие как: чупакабра, оборотень, дракон, злой дух, тюлень, червяк, мудрая черепаха, дикобраз, кит, змея, белка и т.п. Нужно отметить, что многие из этих образов имеют негативную коннотацию. Часть респондентов затруднились ответить на данный вопрос (15 %). Как видим, несмотря на общие черты ассоциативных представлений о Красноярском регионе и о России в целом, у опрошенных жителей Красноярского края образ России несколько «мягче», менее брутalen, чем образ региона, реже встречается тема агрессивной силы и хитрости. При этом несколько чаще продемонстрированы негативные ассоциации.

Результаты ассоциативного антропоморфического теста

В ходе глубинного интервью респондентам был задан вопрос: «Представьте, что наш регион – это живой человек. Опишите его» (табл. 11.1).

Две трети респондентов представляют наш регион человеком с позитивными моральными, умственными и физическими качествами (66 %). В наиболее популярной «группе образов» выделяются следующие качества и черты: большой, суровый, здоровый, умный, сильный, энергичный, стремится к светлому будущему, мужественный, работающий,

уверенный в себе, честный. В том числе у 5 % опрошенных жителей края он ассоциируется с образом богатыря, Ермака, рубахи-парня.

Таблица 11.1

Распределение ответов на вопрос: «Представьте, что наш регион – это живой человек. Опишите его»

Категории	%
Суровый	8
Большой	8
Умный	6
Сильный, энергичный	13
Работящий	4
Мужественный	3
Богатый	10
Красивый	5
Идёт к светлому будущему	2
Уверенный	1
Больной	9
Инвалид	5
Донор	1
Уставший	3
Старый	2
Подчиняется власти	4
Ленивый	6
Богатырь, Ермак	3
Рубаха-парень	2
Не знаю	5

Характерно, что среди полученных ответов в образе женщины регион представили всего лишь 2 %, с мужским образом он ассоциируется у 42 % опрошенных; не уточнил половую принадлежность «человека» каждый пятый респондент (20 %). Менее трети респондентов высказали отрицательные ассоциации; они представляют регион как человека с негативными, плохими моральными и физическими качествами (31 %). Наиболее распространёнными негативными чертами региона в образе человека были названы следующие: больной, стоит на коленях перед властью, только что освобожденный из мест заключения, инвалид, уставший, донор, жадный, старый, и ленивый. Ещё 5 % респондентов затруднились с ответом.

Более половины опрошенных жителей Красноярского края представляют Россию человеком с позитивными, хорошими моральными, умственными и физическими качествами (табл. 11.2). Наиболее популярная «группа образов» включает следующие «человеческие» качества и черты России: сильная, большая, добрая, умная, спортивная, понимающая, гостеприимная, могучая (45 %), из них в образе женщины Россию воспринимают 8 %, мужчиной – 14 % опрошенных, не уточнили половую принадлежность воображаемого «человека» 15 % из них. Следует отметить позитивные ассоциации сибиряков-красноярцев России с образами богатыря, Александра Невского, Ильи Муромца (4 %). Немалая доля респондентов (18 %) описали нашу страну как матушку, красавицу в национальной одежде. Более трети опрошенных жителей края представляют Россию человеком с негативными, плохими моральными и физическими качествами (36 %). Наиболее популярными негативными чертами страны в образе человека выступили такие качества: больная, слабая, инвалид, ненадёжная, старая, неуверенный, донор, глупая. Также небольшая часть респондентов представила Россию в образе Путина или Медведева (2 %). Остальные 11 % респондентов не определились с ответом.

Таблица 11.2

Распределение ответов респондентов на вопрос: «Представьте, что Россия – это живой человек. Опишите его»

Категории	%
Сильный	9
Большой	8
Добрый	5
Умный	4
Спортивный	3
Понимающий	2
Могучий	6
Богатый	8
Больной	8
Слабый	5
Инвалид	3
Ненадёжный	4
Неуверенный	2
Самолюбивый	1
Донор	2

Неуверенный	4
Глупый	2
Богатырь, Илья Муромец, Александр Невский	4
Путин и Медведев	1
Матушки, заботливая мама	4
Красавица в национальном сарафане	4
Не знаю	11

Как видим, если сравнить антропоморфные образы региона и России в целом в массовом сознании/бессознательном респондентов, можно сделать вывод о превалировании у них позитивных представлений о регионе по сравнению с Россией (соответственно 66 и 45 %). Негативные группы ассоциативных образов различаются мало – 31 и 36 %. При этом в представлениях о регионе резко доминируют мужские образы 42 % (женские ассоциации выявлены – только у 2 % опрошенных), в то время как в ассоциациях, вызываемых Россией, у респондентов преобладают женские черты (мужские образы 14, женские – 8 %). При этом выявлено немало одинаковых ассоциаций. Можно сказать, что взаимоотношения региона и страны в ассоциативном пространстве опрошенных жителей края выглядят как взаимоотношения энергичного, работающего, богатого мужчины, однако уже порядком уставшего и даже больного, с женщиной (возможно, матерью), зачастую обладающей негативными моральными качествами, которая, опираясь на его силу и могущество, строит своё благополучие.

Таблица 11.3

Распределение ответов экспертов на вопрос: «Каким Вы представляете современное российское общество?»

Позитивные категории

Позитивные категории	Характеристики, предложенные респондентами	%
Развитие		21
Современное	Современное, информационное, мобильное, молодое, амбициозное, целеустремлённое	14
Образованное		9
Гражданское	Правовое, социальное	8
Демократичное		7
Позитивные категории	Характеристики, предложенные респондентами	%
Сильное	Здоровое	7

Стабильное		6
Люди	Храбрые, понимающие, терпеливые, добрые	6
Благополучное, богатое		6
Культурное		6
С надеждой в будущее		3
Следующее традициям		2
Трудолюбивое		2
Единое		2
Патриотическое		1
Всего		100

Таблица 11.4

Распределение ответов экспертов на вопрос: «Каким Вы представляете современное российское общество?»

Негативные категории

Негативные категории	Характеристики, предложенные респондентами	%
Неединое		17
Страх, беспорядок		7
Коррупционное	Жулики, ложь, жадное	7
Пассивное		6
Нестабильное		5
Равнодушное	Жестокое, злое, недружелюбное	5
Бедное		4
Бездуховное, некультурное		4
Деградация		4
Необразованное		4
Неправовое, несоциальное		4
Потребительское	Материальное, внимание к деньгам	4
Безыдейное		3
Зависимое		3
Застойное		3
Эгоистичное		3
Люди	Мнительные, недоверчивые, недовольные	3
Непатриотичное		2
Авторитарное	Одна идеология	2
Бюрократическое		2
Лень, безответственное		2
Больное, пьющее		2
Несформированное		1
Следование за Западом		1

Замкнутое		1
Несправедливое		1

Контент-анализ представлений **экспертов** о нашем обществе (табл. 11.3, 11.4) свидетельствует о том, что в их массовом сознании негативные характеристики современного российского общества доминируют над позитивными (соответственно 243 и 150 упоминаний). Среди позитивных характеристик преобладают, по мнению экспертов, его активное развитие и современность (соответственно, 21 и 14 % ответов). Также эксперты называют его образованным (9 %), гражданским (8 %), демократичным (7 %), сильным (7 %), стабильным (6 %), благополучным, богатым (6 %), культурным (6 %), культурным (6 %). Такая же доля ответов касается позитивных качеств наших людей: храбрые, понимающие, терпеливые, добрые (6 % ответов). В качестве логического перехода к анализу негативных характеристик, данных экспертами современному российскому обществу, отметим, что крайне редко встречаются такие характеристики, как трудолюбивое (2 %) и патриотическое (1 %).

Ведущей отрицательной характеристикой нашего общества, по мнению экспертов, является отсутствие единства (17 % ответов). Далее следуют: страх, беспорядок (7 %), коррупционное (7 %), пассивное (6 %), нестабильное (5 %), равнодушное – жестокое, недружелюбное, злое (5 %), бедное (4 %), бездуховное, некультурное (4 %), необразованное (4 %), деградирующее (4 %), необразованное (4 %), неправовое, несоциальное (4 %), потребительское (4 %). Люди характеризуются как мнительные, недоверчивые, недовольные (3 %). Также некоторые эксперты называют наше общество бездейным (3 % ответов), зависимым (3 %), застойным (3 %), эгоистичным (3 %). Другие негативные характеристики встречаются несколько реже (табл. 11.4).

Приведённые данные позволяют сделать вывод о противоречивости рациональных представлений экспертов о современном российском обществе. С одной стороны, его наиболее значимыми позитивными характеристиками оказались активное развитие и современность, но при этом – отсутствие в нём единства, порядка, страх, коррупционность, жестокость, деградация и т.п. Можно предположить, что подобные противоречия отражают сложности и проблемы противоречивого перехода нашего общества от антиутопии к утопии.

12. ПРЕДСТАВЛЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ РЕГИОНА О «ПОЛЕЗНОСТИ» РАЗЛИЧНЫХ СОЦИАЛЬНО-ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ГРУПП ДЛЯ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Несмотря на множество социологических исследований и публикаций, посвящённых различным аспектам социальной структуры российского общества, вопрос о том, как воспринимает население различные элементы этой структуры с точки зрения их «полезности» для всего общества, прежде, насколько нам известно, не изучался. Между тем, любые социальные взаимодействия, социокультурные процессы, эффективность модернизации и т.п. в социуме в значительной степени определяются тем, с представителями «полезной для общества» или «бесполезной» социально-профессиональной группы, по мнению социального актора, он при этом должен контактировать. Естественно, что с лицами, которых он отождествляет с «полезными для общества» группами, индивид более охотно и эффективно взаимодействует, нередко стремится сам войти в эти группы, увеличивая свой социальный капитал. Напротив, те группы, которые в массовом сознании приобрели статус «приносящих обществу вред», могут подвергаться явному или скрытому остракизму, при нахождении их у власти может возникнуть латентная социально-политическая напряжённость. Следует отметить, что для обеспечения адекватности содержания массового сознания респондентов нами были использованы наименования социально-профессиональных групп, классов, сословий.

Респондентам – жителям Красноярского края в ходе массового опроса методом формализованного интервью был задан вопрос: «На Ваш взгляд, в какой мере приносят пользу российскому обществу представители следующих социально-профессиональных групп?» и предложено выразить свои оценки с помощью пятибалльной шкалы (табл.12.1). На основании данной таблицы нами были получены своеобразные рейтинги «полезности» и «бесполезности» тех или иных социально-профессиональных групп для российского общества: «в той или иной мере полезные для общества», «в той или иной мере вредные для общества» и «непонятные».

Таблица 12.1

Распределение ответов на вопрос: «На Ваш взгляд, в какой мере приносят пользу российскому обществу представители следующих социально-профессиональных групп?» (%)

Социально-профессиональные группы	Прино-сят общест-ву <u>только</u> <u>пользу</u>	Прино-сят общест-ву <u>больше</u> <u>пользы,</u> <u>чем вреда</u>	Трудно сказать точно	Прино-сят общест-ву <u>больше</u> <u>вреда, чем</u> <u>пользы</u>	Прино-сят общест-ву <u>только</u> <u>вред</u>
Государственные гражданские служащие	12	36	38	11	2
Высшие государственные чиновники	5	16	44	24	11
Военнослужащие	28	43	25	3	1
Судьи	13	39	38	7	3
Правоохранители	13	41	31	12	3
Государственные муниципальные служащие	11	37	37	12	3
Политики	2	10	45	30	13
Депутаты	5	11	47	24	13
Бюджетники (врачи, учителя, библиотекари и др.)	45	40	13	1	1
Сотрудники спецслужб	19	34	42	3	2
Казачи	8	19	62	7	4
Лица свободных профессий (писатели, художники, дизайнеры, артисты, специалисты в сфере ИТ, др)	22	43	30	4	1
Наемные работники (в широком понимании: все, кто работает по найму)	19	45	32	3	1
Представители малого бизнеса	16	50	30	3	1
Представители среднего бизнеса	15	49	32	3	1
Представители крупного бизнеса	10	39	40	8	3
Студенты	20	38	37	4	1
Трудовые мигранты	4	23	49	16	8
Пенсионеры	10	26	56	5	3
Инвалиды	3	12	73	8	4
Безработные	1	3	46	32	18
Заклученные	1	2	34	29	34
Другие	12	6	47	11	24

Полезные для общества»:

- Бюджетники (врачи, учителя, библиотекари и др.): $85 - 2 = 83 \%$
- Военнослужащие: $71 - 4 = 67 \%$.
- Представители малого бизнеса: $66 - 4 = 62 \%$.

- Наемные работники (в широком понимании: все, кто работает по найму): $64 - 4 = 61 \%$.
 - Лица свободных профессий (писатели, художники, дизайнеры, артисты, специалисты в сфере ИТ, и т.п.): $65 - 5 = 60 \%$.
 - Представители среднего бизнеса: $64 - 4 = 60 \%$.
 - Студенты: $58 - 5 = 53 \%$.
 - Спецслужбы: $53 - 5 = 48 \%$.
 - Судьи: $52 - 10 = 42 \%$.
 - Правоохранители: $54 - 15 = 39 \%$.
 - Представители крупного бизнеса: $49 - 12 = 37 \%$.
 - Государственные гражданские служащие: $48 - 13 = 35 \%$.
 - Государственные муниципальные служащие: $48 \% - 15 \% = 33 \%$.
 - Пенсионеры: $36 - 8 = 28 \%$.
 - Казаки: $27 - 14 = 13 \%$.
 - Трудовые мигранты: $27 - 24 = 3 \%$.
 - Инвалиды: $15 - 12 = 3 \%$.
- «Вредные для общества:»**
- Высшие государственные чиновники: $21 - 35 = -14 \%$.
 - Другие (алкоголики, наркоманы, бездомные, преступники, сектанты, олигархи, эмигранты): $18 - 35 = -17 \%$.
 - Депутаты: $16 - 37 = -21 \%$.
 - Политики: $12 - 43 = -31 \%$.
 - Безработные: $4 - 50 = -46 \%$.
 - Заключённые: $3 - 63 = -60 \%$.
- «Непонятные (трудно сказать точно)»**
- Бюджетники (врачи, учителя, библиотекари и др.): 13% .
 - Военнослужащие: 25% .
 - Представители малого бизнеса: 30% .
 - Лица свободных профессий (писатели, художники, дизайнеры, артисты, специалисты в сфере ИТ, и т.п.): 30% .
 - Правоохранители: 31% .
 - Представители среднего бизнеса: 32% .
 - Наемные работники (в широком понимании: все, кто работает по найму): 32% .
 - Заключённые: 34% .
 - Государственные муниципальные служащие: 37% .

- Студенты: 37 %.
- Государственные гражданские служащие: 38 %.
- Судьи: 38 %.
- Представители крупного бизнеса: 40 %.
- Спецслужбы: 42 %.
- Высшие государственные чиновники: 44 %.
- Политики: 45 %.
- Безработные: 46 %.
- Другие (алкоголики, наркоманы, бездомные, преступники, сектанты, олигархи, эмигранты): 47 %.
- Депутаты: 47 %.
- Трудовые мигранты: 49 %.
- Пенсионеры: 56 %.
- Казаки: 62 %.
- Инвалиды: 73 %.

Рассмотрим вначале в массовом сознании респондентов элементы двух обобщённых полярных групп: **«полезные для общества»** и **«вредные для общества»**. Для этого используем долю выборов респондентами варианта ответа «приносят обществу только пользу» + «приносят обществу больше пользы, чем вреда». И во втором случае «приносят обществу только вред» + «приносят обществу больше вреда, чем пользы».

Как видим, к числу **«полезных для общества»** более половины опрошенных (83 - 53 %) отнесли: бюджетников (врачей, учителей, библиотекарей и др.), военнослужащих, представителей малого бизнеса, наемных работников, лиц свободных профессий, представителей среднего бизнеса, студентов. Средние оценки своей «полезности для общества» (от 48 до 33 % опрошенных) получили: сотрудники спецслужб, судьи, правоохранители, представители крупного бизнеса, государственные гражданские служащие, государственные муниципальные служащие. Как малополезных (28 - 3 %) в целом оценили респонденты представителей таких социально-профессиональных групп, как: пенсионеры, казаки, трудовые мигранты, инвалиды.

Наиболее **«вредными для общества»** были названы «заклѳенные» (60 % опрошенных с учётом того, что несколько процентов респондентов назвали их «полезными») и безработные (47 %). Далее с большим отрывом следуют политики, депутаты, другие (алкоголики, наркоманы, бездомные,

преступники, сектанты, олигархи, эмигранты) и высшие государственные чиновники.

Нужно сказать, что многие социально-профессиональные группы попали также и в категорию «непонятные». В значительной степени это связано с неясностью их социальных функций для массового населения, следовательно, невозможностью чётко оценить степень их полезности для общества. Так, более половины опрошенных (73 - 56 %) отнесли к этой категории инвалидов и казаков. От половины до трети жителей края включили сюда столь разные общественные группы, как трудовых мигрантов, депутатов, других (алкоголики, наркоманы, бездомные, преступники, сектанты, олигархи, эмигранты), безработных, политиков, высших государственных чиновников, сотрудников спецслужб, представителей крупного бизнеса, судей, государственных гражданских служащих, студентов, государственных муниципальных служащих, заключённых. Менее трети опрошенных (32 - 30 %) затруднились оценить общественную полезность наемных работников (в широком понимании: все, кто работает по найму), представителей среднего бизнеса, работников правоохранительных органов, лиц свободных профессий, представителей малого бизнеса. Как ни странно, но каждый четвёртый респондент отнёс к этой группе (лиц с непонятной для общества полезностью) военнослужащих, а 13 % жителей региона не понимают, приносят ли пользу обществу бюджетники (врачи, учителя, библиотекари и др.).

Данная ситуация представляется нам весьма тревожной, поскольку значительная часть опрошенных жителей региона высказывают своё мнение о «вредности» ряда групп, занимающих важное место в социальной структуре российского общества или «деликатно» заявляют о том, что не понимают, приносят ли эти группы пользу российскому обществу. По сути это проявление отвержения ряда социальных групп массовым сознанием жителей региона, причём некоторые из данных социально-профессиональных групп находятся на вершине общественной иерархии в нашем социуме.

Применяя факторный анализ методом вращения осей «Варимакс», мы выделили пять латентных переменных в массовом сознании/бессознательном респондентов, характеризующих их представления о полезности/бесполезности той или иной социально-профессиональной группы для российского общества.

Наиболее мощный фактор, Ф-1, объединяет те социально-профессиональные группы, которые, согласно оценкам наших респондентов, **почти никакой пользы государству не приносят**. Это государственные гражданские служащие, высшие государственные чиновники, судьи, правоохранители, государственные муниципальные служащие, профессиональные политики, трудовые мигранты (описательная сила фактора 19,0 %).

Ф-2 описывает мнения о группах, которые **приносят слабую пользу государству**: представители малого бизнеса, представители среднего бизнеса, представители крупного бизнеса, наёмные работники, студенты, пенсионеры (15,7 %).

Ф-3 выражает оценки респондентами именно тех групп, которые, по их мнению, и **приносят государству основную пользу**: бюджетники, работники спецслужб, военнослужащие, лица свободных профессий (13,6 %).

Ф-4 характеризует группы, которые, судя по оценкам опрошенных, **выступают в роли социальных изживенцев**: инвалиды, безработные, заключённые (11,0 %).

Ф-5 – это казаки и «другие» (открытый вариант ответа). Среди «других» преобладают социальные группы, имеющие в массовом сознании респондентов негативную коннотацию: алкоголики, наркоманы, бездомные, преступники, сектанты, олигархи, эмигранты и т.п. Поэтому можно сделать вывод, что фактор описывает представления жителей региона о **социальных группах малопонятных, но неприятных** (8,9 %).

Таким образом, можно сделать вывод, что, согласно существующим в массовом сознании/бессознательном жителей Красноярского края представлениям, современное российское государство «держится» на сугубо полезной деятельности, прежде всего, четырёх социально-профессиональных групп. Причём две из них – работники спецслужб, военнослужащие – являются собой, по сути, титульные сословия, а две – бюджетники и лица свободных профессий (писатели, художники, дизайнеры, артисты, специалисты в сфере ИТ и т.п.) – нетитульные сословия. В последних сословные отличия определены «не прямым – через служение образом, а непрямыми законами или советской традицией. Нетитульные сословия не служат, а обслуживают. Они образованы по социальной (государственной) функции, иногда формально не вполне

определённой»¹¹⁵. Остальные же выделенные нами в процессе исследования в массовом сознании респондентов социально-профессиональные группы либо приносят слабую пользу, либо таковой не приносят вообще. Как видим, если опираться на выявленные у жителей Красноярского края представления, то благополучие современного российского общества держится именно на указанных четырёх социальных группах (сословиях). Остальные в массовом сознании/бессознательном респондентов фактически представляются в той или иной мере «вредными» или, как минимум, «неполезными». Частично это отражает ещё «советские представления» о справедливости: «полезны» те лица, которые работают на государство или создают культуру. Во многом поэтому и не идет становление бизнеса как класса, малый бизнес дисперсен, «инноваторов» взять негде – они на уровне массового бессознательного отвергаются обществом. У российского социума (по крайней мере, в его сибирском региональном варианте) сохраняется феодальное мышление: грубо говоря, ценные те, кто служит вассалу или сюзеру и развлекает его.

Приведённые выше данные требуют, как минимум, серьёзной корректировки социальной и региональной политики, осуществляемой нашим государством, поскольку элементы феодальных представлений о социальной структуре современного российского общества, безусловно, выступают серьёзным препятствием на пути модернизации.

¹¹⁵ Кордонский С.Г. Сословная структура постсоветской России. – М., 2008. – 216 с.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Согласно широко распространённым представлениям, в известной мере связанным с работами Р. Инглхардта, модернизация в модернизированных странах приводит к формированию новых ценностей. У нас же, как мы видим по результатам исследований, во многом под влиянием либеральной антиутопии происходит их деградация к ценностному архетипу феодализма. Подобная ситуация выступает одним из важнейших препятствий на пути эффективной модернизации как России в целом, так и её сибирских регионов: бессмысленно говорить об успешной модернизации в условиях квазифеодального общества. По сути, социокультурными препятствиями для завершения первичной модернизации и развития вторичной в регионах Восточной и Западной Сибири нередко выступают ценностные ориентации их жителей, поселенческая самоидентификация, доверие институциональное и межличностное, образ желаемого будущего и фреймы смерти. Так, для успешной модернизации должно быть социальное отношение к смерти, связанное со стремлением к самореализации в обществе, или же социально-позитивные устремления с надеждой на «потустороннюю награду, воздаяние». Между тем многие люди живут одним днём, не задумываясь не только о будущих поколениях, но и о своих близких и даже о самих себе.

Представления населения сибирских территорий о федеральной и региональной власти, своём регионе и России в целом во многом отражают гордость за свой богатый и перспективный регион и патриотическое отношение к России в целом. Вместе с тем, в ответах респондентов проявляется недовольство «колониальной политикой Центра», более позитивное отношение к региональной власти, чем к федеральной. Последнюю зачастую обвиняют в коррумпированности и лоббировании интересов монополий. Недовольство местной властью у части респондентов вызывает, прежде всего, по их мнению, её «бюрократизм, непрофессионализм и бездеятельность». Это, естественно, тоже отнюдь не благоприятно сказывается на модернизационных процессах в Сибири.

До сих пор целый ряд сибирских регионов выступает одной из важнейших ресурсно-сырьевых баз страны, что само по себе традиционно провоцирует отставание модернизационных процессов в связи с действием так называемого ресурсного проклятия.

Мы полагаем, что задачу модернизации России решать всё же необходимо и, главное, возможно. Но успех реален лишь в том случае, если учитывать не только то, что модернизационные процессы по-разному протекают в различных регионах страны, но и специфику социокультурных барьеров на их пути в каждом из этих регионов и в стране в целом. Требуются серьёзные усилия и нетривиальные подходы федеральных и региональных властей для продолжения модернизационных процессов и преодоления существующих на их пути преград: большей, чем в России в целом, дистанции между населением и социальными институтами власти, искажений этих институтов, коррупции, недостаточной эффективности регионального управления и развития инновационных процессов, архаичных элементов социальной структуры, неадекватного понимания сути модернизационных процессов в обществе широкими массами жителей региона и др. Однако в практике управления развитием инноваций в данных регионах крайне слабо учитываются и социокультурные барьеры на пути модернизации, и существующие преимущества для её реализации. Фактически сохраняется ориентация на продолжение и интенсификацию первичной модернизации. В частности, на состоявшемся в феврале 2012 г. IX Красноярском экономическом форуме (в котором принял участие и В.В. Путин, в то время ещё премьер-министр РФ) было сказано: «Сейчас в рамках «продолженного настоящего» судьбу Сибири многие связывают с так называемой «новой индустриализацией» или «реиндустриализацией», т.е. восстановлением и модернизацией утраченного за последние годы промышленного и ресурсодобывающего потенциала Сибири. Однако при неизменных правилах отношений федерального центра с регионами такая политика приводит не к развитию, а к дальнейшему «обиранию» и опустошению Сибири»¹¹⁶. Один из участников очередного Красноярского экономического форума, состоявшегося в 2012 г., представитель общественной организации малого и среднего предпринимательства «Опора России» Виктор Безгачев, заявил: «На протяжении последних лет от новой индустриализации для развития территории, культуры, населения мы ничего не имеем. Если мы посмотрим внимательно на всё, что творится в Сибири и на Дальнем Востоке, — это прикрытие валютных дыр, в

¹¹⁶ Кузнецов А. Что делать в Сибири? // Сибирский форум. Интеллектуальный диалог. – Март, 2012. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://sibforum.sfu-kras.ru/node/351>

чистом виде экспортная реализация. И в новой индустриализации развивается только то, что надо государству, но не территории. Я приведу одну цифру. С тонны нефти, добытой на Ванкоре, Красноярский край в этом году всех налогов 500 рублей получит, а 410 долларов (более 12 тысяч рублей) — это госпошлина на экспорт тонны сырой нефти. Вот эта новая индустриализация! Это колониальный подход центра по отношению к Сибири, который не даёт ей развиваться»¹¹⁷.

Поэтому необходима гласная разработка стратегии модернизации каждого из регионов, в полной мере учитывающая специфику действующих социокультурных факторов, а также барьеров на пути её реализации. Важнейшим условием этого является научное обоснование данной стратегии с привлечением не только социологов, но и учёных других специальностей, а также представителей общественности. Стратегия модернизации любого региона России должна опираться на мониторинг социокультурных процессов, осуществляемый как в стране в целом, так и в её отдельных регионах на основе общей методологии и по сопоставимой методике, с учётом уже имеющегося опыта подобных исследований (см. например, «Регионы в России»¹¹⁸). Необходима также активная разъяснительно-пропагандистская работа среди населения о необходимости модернизации России в целом и региона в частности, информирование людей о том, что власти делают в данном направлении. Нам представляется, что весьма полезными будут специально разработанные PR-проекты по продвижению модернизации и инноваций с учётом особенностей как России в целом, так и каждого из её регионов. В противном случае мы рискуем остаться одной из «естественных» стран, для которых согласно подходу вышеупомянутых Д. Норта, Дж. Уоллиса и Б. Вайнгаста модернизация относится к числу необязательных задач.

Существенно, что «назревшая модернизация требует стратегического согласия в обществе. В отсутствие консенсуса в ценностях, мировоззрении и политических взглядах, тем не менее, просматривается общая точка отсчета. Общепринятой становится задача смены вектора развития преодоления избыточной зависимости от экспорта сырья с выходом в

¹¹⁷ Там же.

¹¹⁸ Регионы в России: социокультурные портреты регионов в общероссийском контексте /Ин-т философ. Центр изучения социокультурных изменений: сост. и общ. ред. Н.И. Лапин, Л.А. Беляева. – М., 2009. – 808 с.

экономику знаний, наукоемких производств, высоких технологий и интенсивных инноваций»¹¹⁹.

Наконец, важно учитывать, что модернизационное развитие нашей страны происходит в контексте социокультурных процессов перехода от неолиберальной антиутопии к новой утопии, которая ещё чётко не проявлена, проступая в отдельных своих признаках, но со временем будет становиться всё более яркой и притягательной для всё более широких слоёв населения России. Примечательно, что переход от антиутопии к утопии всегда происходит противоречиво и неравномерно в разных слоях и на разных уровнях социума. Поэтому одни исследования могут показывать его более ярко, другие – «улавливать» лишь слабые отражения. Некоторые из них показаны в данной монографии.

¹¹⁹ Дыханов Г. Россия XXI века: образ желаемого завтра (По материалам доклада Института современного развития) – С. 2. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.businessexpert.net/gallery/_businessexpert/bussiness_expert_review/businessexpertreview_26.pdf

ПРИЛОЖЕНИЯ
ПРИЛОЖЕНИЕ 1

СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ОТДЕЛЕНИЕ СОЦИОЛОГИИ И ОБЩЕСТВЕННЫХ СВЯЗЕЙ

АНКЕТА

«ВАШЕ МНЕНИЕ»

Здравствуйте!

Я сотрудник кафедры социологии Сибирского федерального университета. Наша кафедра проводит опрос о социальных аспектах жизни населения региона. Результаты опроса будут представлены в обобщенном виде, **анонимно**, без упоминания имен, фамилий и адресов опрашиваемых. Ваши ответы помогут составить картину социальной жизни региона.

Просим Вас принять участие в этом опросе. Нас привели к Вам математические правила случайного выбора, было бы трудно заменить Вас кем-либо другим. Беседа займет у Вас некоторое время. Надеюсь, Вы откровенно поделитесь своими мнениями и Вам это будет интересно.

Время начала интервью: _____ час. _____ мин.

I. НАЧНЕМ С ТОГО, КАК ВАМ ЗДЕСЬ ЖИВЕТСЯ

1. Давно ли Вы живете в этом городе (поселке, селе, деревне)?

1. До 5 лет.
2. 5-15 лет.
3. 16-25 лет.
4. Больше 25 лет.

2. Вы здесь родились или приехали из другого города (села), из другого региона?
(Выберите один вариант ответа)

1. Здесь родился.
2. Приехал по своему желанию из другого города (села) нашего региона (края).
3. Приехал по своему желанию из другого региона России или СНГ.
4. Вынужденный переселенец (беженец) из другого региона России или СНГ.
5. Приехал сюда временно из другой страны.

2.1. Какое жилище имеет здесь Вы (Ваша семья)?

(Выберите один вариант ответа)

1. Дом.
2. Отдельная квартира.

3. Коммунальная квартира.
4. Угол в комнате.
5. Не имею жилища.
6. Другое.
77. Затрудняюсь ответить.

3. Как Вы считаете, чистый ли воздух в Вашем городе (селе) или он сильно загрязнен?

(Выберите один вариант ответа)

1. Обычно воздух достаточно чистый.
2. Воздух часто бывает загрязнен.
3. Обычно воздух сильно загрязнен, особенно страдают больные люди.
77. Затрудняюсь ответить.

4. Как Вы считаете, чистую ли воду Вы пьете и используете для приготовления пищи?

(Выберите один вариант ответа)

1. Вода достаточно чистая.
2. Вода загрязнена.
3. Вода сильно загрязнена.
77. Затрудняюсь ответить.

5. Как Вы оцениваете состояние своего здоровья?

(Выберите один вариант ответа)

1. Нормальное здоровье, пока не жалуюсь.
2. Временами болею.
3. Часто болею.
4. Имею хроническое заболевание.
5. Инвалид.
77. Затрудняюсь ответить.

6. Где Вы получали медицинскую помощь последний раз и платили ли Вы за это?

(Выберите один вариант ответа)

	Платил	Не платил
1. В медпункте, поликлинике, стационаре Вашего предприятия	1	2
2. В поликлинике, медпункте по месту жительства	1	2
3. В больнице или в специализированном медицинском учреждении	1	2
4. В кабинете частного врача	1	2
5. У Вас дома	1	2
6. Другое (уточните) _____	1	2
7. Затрудняюсь ответить	1	2

7. Чем не удовлетворяет Вас государственное медицинское обслуживание?

Отметьте не более трех пунктов, особенно важных именно для Вас.

1. Трудно попасть к врачу, большие очереди.
 2. Советы, рецепты врачей редко помогают.
 3. Врачи выписывают лекарства, которые трудно достать или они очень дорогие.
 4. Врачи обычно стараются не выписывать больничный лист.
 5. Не добьешься, чтобы врач приехал на дом к тяжелобольному.
 6. «Скорая помощь» обычно приезжает через несколько часов.
 7. Очень трудно получить место в больнице.
 8. В целом меня удовлетворяет медицинское обслуживание.
77. Затрудняюсь ответить.

8. Сколько времени обычно уходит на дорогу до ближайшего врача/фельдшера, поликлиники?

1. До получаса.
 2. Около часа.
 3. От одного до двух часов.
 4. Свыше двух часов.
77. Затрудняюсь ответить.

9. За сколько времени Вы можете добраться до ближайшей больницы?

1. До получаса.
 2. Около часа.
 3. От одного до двух часов.
 4. Свыше двух часов.
77. Затрудняюсь ответить.

10. Как работает общественный транспорт, которым Вы пользуетесь?

1. В целом хорошо.
 2. Скорее хорошо
 3. Скорее плохо.
 4. Плохо.
77. Затрудняюсь ответить.

11. Как Вы считаете, жители нашего региона живут лучше или хуже, чем жители соседних регионов?

(Выберите один вариант ответа)

1. В нашем регионе люди живут лучше, чем в соседних регионах.
 2. По сравнению с одними регионами у нас люди живут лучше, а по сравнению с другими – хуже
 3. В нашем регионе люди живут хуже, чем во всех соседних регионах
77. Затрудняюсь ответить

12. В чем, по Вашему опыту, состоят особенности нашего региона, его привлекательные и непривлекательные черты? Отметьте не более двух в каждой колонке.

Привлекательные черты	Непривлекательные черты
1. Красивая природа. 2. Добрые, душевные люди. 3. Это регион, перспективный для жизни. 4. Здесь много возможностей для инициативных людей. 5. Другое (назовите) _____ _____ 77. Затрудняюсь ответить	1. Слишком суровый климат. 2. Неприветливые люди. 3. Здесь жизнь заглохла. 4. Здесь не любят инициативу. 5. Другое (назовите) _____ _____ 77. Затрудняюсь ответить.

13. Какие чувства Вы испытываете по отношению к своему региону? (Выберите один вариант ответа)

1. Я рад, что живу здесь.
2. В целом я доволен, но многое не устраивает.
3. Не испытываю особых чувств по этому поводу.
4. Мне не нравится жить здесь, но привык и не собираюсь уезжать.
5. Хотел бы уехать в другой регион России.
6. Хотел бы вообще уехать из России.
77. Затрудняюсь ответить.

14. В какой мере Вы чувствуете свою близость или отдаленность («свое» - «чужое») с такими людьми (Обведите один код в каждой строке)

	Свое	Близкое, но не свое	Безразличное	Далекое, но не чужое	Чужое	Затрудняюсь ответить
Жители поселения, в котором я живу (деревня, село, город)	1	2	3	4	5	77
Жители краевого центра, хотя я там и не живу	1	2	3	4	5	77
Жители всего моего края	1	2	3	4	5	77
Жители Москвы – столицы России	1	2	3	4	5	77
Жители всей России	1	2	3	4	5	77
Жители бывших республик СССР						
Жители всей Земли	1	2	3	4	5	77

14.1. Хотели бы Вы уехать?

(Выберите один вариант ответа в каждой строке)

	Да, но только на время, заработать деньги	Да, на стажировку, учебу	Хотел бы уехать и остаться там навсегда	Нет желания уезжать туда	Затрудняюсь ответить
1. В краевой центр.	4	3	2	1	77
2. В другой город края.	4	3	2	1	77
3. В другое село края.	4	3	2	1	77
4. В столицу России – г. Москву.	4	3	2	1	77
5. В другой город России.	4	3	2	1	77
6. В дальнее зарубежье.	4	3	2	1	77
7. В страну ближнего зарубежья.	4	3	2	1	77
8. Другое _____	4	3	2	1	77

15. Если Вы знаете о жизни приезжих (переселенцев, беженцев и др.) в нашем регионе, поделитесь своими впечатлениями: хорошие ли у них отношения с коренным населением?

(Выберите один вариант ответа)

1. У них сложились устойчивые хорошие отношения.
2. В целом нормальные отношения, но случаются недоразумения.
3. Отношения неровные, нередко возникает напряжение.
4. Напряженные отношения, нередко происходят драки, вызывают милицию.
5. Местные и приезжие почти не общаются друг с другом.
77. Затрудняюсь ответить.

16. Что, по Вашему мнению, необходимо сделать для улучшения жизни населения Вашего региона?

(Отметьте не более трех вариантов, наиболее важных для Вас)

1. Оздоровить природу.
2. Развивать малый и средний бизнес.
3. Усилить государственный контроль за экономикой.
4. Улучшить медицинское обслуживание.
5. Решительнее отстаивать интересы региона в центре.
6. Навести порядок, бороться с криминалом, коррупцией.
7. Создавать новые рабочие места.
8. Быстрее строить новые дороги.
9. Улучшать образование.
10. Другое (назовите): _____
77. Затрудняюсь ответить

17. Насколько Вы сегодня уверены или не уверены в своем будущем?

1. Вполне уверен (уверена).
2. Скорее уверен(а), чем нет.
3. Не могу сказать точно.
4. Скорее не уверен(а), чем уверен.
5. Совершенно не уверен(а).

18. Насколько Вы удовлетворены своей жизнью в целом?

1. Полностью удовлетворен.
2. Скорее удовлетворен.
3. Затрудняюсь сказать точно.
4. Не очень удовлетворен.
5. Совсем не удовлетворен.

18.1 Ниже перечислены различные группы людей. Назовите группы, с представителями которых Вы не хотели бы жить по соседству
(Выберите один вариант ответа в каждой строке)

	Не хотел бы жить по соседству	Не возражаю жить по соседству
1. Наркоманы.	1	2
2. Люди другой национальности.	1	2
3. Больные СПИДом.	1	2
4. Иммигранты и иностранные рабочие.	1	2
5. Гомосексуалисты.	1	2
6. Люди другой религии.	1	2
7. Алкоголики.	1	2
8. Пары, живущие в гражданском браке.	1	2
9. Люди, разговаривающие на иностранном языке.	1	2

19. Как Вы считаете, в какой степени улучшение Вашей жизни сегодня зависит
(Обведите один код в каждой строке)

	Полностью зависит	Пожалуй, зависит	Не знаю, трудно сказать	Пожалуй, не зависит	Совсем не зависит
1. От Вас самих.	1	2	3	4	5
2. От близких родственников.	1	2	3	4	5
3. От друзей, земляков.	1	2	3	4	5
4. От начальника по работе.	1	2	3	4	5
5. От районной, городской властей.	1	2	3	4	5
6. От региональных, краевой властей.	1	2	3	4	5
7. От общероссийской власти	1	2	3	4	5

19.1. Существуют различные мнения о роли государства в Вашей жизни, в социальной защите населения. С каким из них Вы согласны?

(Выберите один вариант ответа)

1. Каждый человек должен полностью обеспечить себя сам (за исключением чрезвычайных обстоятельств: стихийные бедствия, инвалидность и т.п.).
 2. Человек обеспечивает себя сам, но государство должно гарантировать прожиточный минимум каждому гражданину.
 3. Социальные гарантии со стороны государства следует расширить выше минимального уровня потребления.
77. Затрудняюсь ответить.

19.2. Учитывают ли реформы, проводимые правительством РФ, интересы Сибири?

1. Учитывают в полной мере.
 2. Учитывают частично.
 3. Не учитывают совершенно.
77. Затрудняюсь ответить.

II. А ТЕПЕРЬ ПОГОВОРИМ О ВАШЕЙ ТРУДОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

20. Кем Вы и Ваши родители работали в 1998 г.?

(Обведите нужные коды, всего три: по одному для Вас, Ваших матери и отца)

Код	Профессия / специальность	Респондент	Родители	
			Мать	Отец
1	Рабочие в промышленности, на транспорте, в связи	1	2	3
2	ИТР, госслужащие, средний управленческий персонал	1	2	3
3	Руководители госпредприятий, акционерных обществ	1	2	3
4	Предприниматели	1	2	3
5	Бухгалтеры, экономисты, работники банков	1	2	3
6	Врачи, преподаватели, работники культуры, юристы и т.д.)	1	2	3
7	Работники сферы быта и услуг	1	2	3
8	Работники торговли	1	2	3
9	Военнослужащие, работники правоохранительных органов	1	2	3
10	Студенты, учащиеся	1	2	3
11	Руководители в сельском хозяйстве, сельская интеллигенция	1	2	3
12	Другие сельские жители, в том числе пенсионеры	1	2	3

13	Пенсионеры (не сельские жители)	1	2	3
14	Не работал и не учился, не был пенсионером	1	2	3
15	Другое	1	2	3
77	Не знаю	1	2	3

21. Кем Вы и Ваши родители работаете сегодня?

(Обведите нужные коды, всего три: по одному для Вас, Ваших матери и отца)

Код	Профессия / специальность	Респондент	Родители	
			Мать	Отец
1	Рабочие в промышленности, на транспорте, в связи	1	2	3
2	ИТР, госслужащие, средний управленческий персонал	1	2	3
3	Руководители госпредприятий, акционерных обществ	1	2	3
4	Предприниматели	1	2	3
5	Бухгалтеры, экономисты, работники банков	1	2	3
6	Врачи, преподаватели, работники культуры, юристы и т.д.	1	2	3
7	Работники сферы быта и услуг	1	2	3
8	Работники торговли	1	2	3
9	Военнослужащие, работники правоохранительных органов	1	2	3
10	Студенты, учащиеся	1	2	3
11	Руководители в сельском хозяйстве, сельская интеллигенция	1	2	3
12	Другие сельские жители, в том числе пенсионеры	1	2	3
13	Пенсионеры (не сельские жители)	1	2	3
14	Не работаю и не учусь, не являюсь пенсионером <i>(переходите к в. 21.</i>	1	2	3
15	Другое	1	2	3
77	Не знаю	1	2	3

21.1. Вспомните, пожалуйста, имели ли Вы оплачиваемую работу в 1998 г. или нет? /ВОЗМОЖЕН ОДИН ОТВЕТ/

1. Да / →переходите к вопросу 21.2/.
2. Нет / →переходите к вопросу 24/.

21.2. А что изменилось в Вашем трудовом положении с 1998 г.?

(Возможен один ответ)

1. Вы работаете по той же специальности и в той же организации, что и в 1990 г.
/ →переходите к вопросу 22/.
2. Вы работаете по той же специальности, но перешли в другую организацию
/ →переходите к вопросу 22/.
3. Вы сменили и специальность, и организацию
/ →переходите к вопросу 23/.
4. Вы сейчас не работаете
/ →переходите к вопросу 24/.

**22. Если Вы после 1998 г. сохранили свою работу, профессию, то почему?
(Можно отметить несколько причин)**

1. Работа интересная.
2. Работа почетная, уважаемая, престижная, приносит пользу людям.
3. Работа хорошо оплачивается.
4. Мне некуда уходить, другой работы у меня не было.
5. Я привык к своей работе, к коллективу.
6. Мне так спокойнее.
7. Другое.
77. Не знаю.

**23. Если Вы после 1998 г. изменили свою работу, профессию, то почему?
(Можно отметить несколько причин)**

1. Появилась возможность более интересной работы.
2. Работа не пользовалась уважением.
3. Были сокращения, предприятие было закрыто.
4. Работа по моей специальности сейчас не нужна.
5. Работа плохо оплачивалась.
6. На новой работе я имею больше возможностей проявить себя.
7. Другое.
77. Не знаю.

**23.1. Скажите, пожалуйста, как повлиял кризис 2008-2010 гг. на Вашу жизнь,
на жизнь членов Вашей семьи?**

(Можно назвать более одного варианта ответа)

1. Оказался без работы и заработка.
2. Потерял в зарплате, доходах.
3. Столкнулся с задержками заработной платы, социальных выплат.
4. Пришлось перейти на другую, менее оплачиваемую работу.
5. Пришлось взяться за дополнительную работу.
6. Ничего не изменилось.
7. Сумел повысить свою квалификацию и стал больше зарабатывать.
8. Другое (назовите).

24. К какому типу относится предприятие (организация), где Вы работаете

(работали) на основной и, если имеется, дополнительной работе?

	Основная работа	Дополнительная работа
1. Государственное, муниципальное предприятие	1	2
2. Акционерное предприятие с участием государства	1	2
3. Акционерное предприятие без государственного участия	1	2
4. Предприятие, фирма, находящаяся в Вашей личной собственности	1	2
5. Частное предприятие (не Ваша собственность)	1	2
6. Колхоз, совхоз, с/х кооператив	1	2
7. Крестьянское, фермерское хозяйство	1	2
8. Личное подсобное хозяйство	1	2
9. Индивидуальная трудовая деятельность	1	2
10. Другое (назовите) _____	1	2
11. Не имею постоянной работы	1	2
77. Не знаю	1	2

25. На каком предприятии Вы хотели бы работать?

	Основная работа	Дополнительная работа
1. Государственное, муниципальное предприятие	1	2
2. Акционерное предприятие с участием государства	1	2
3. Акционерное предприятие без государственного участия	1	2
4. Предприятие, фирма, находящаяся в Вашей личной собственности	1	2
5. Частное предприятие (не Ваша собственность)	1	2
6. Колхоз, совхоз, с/х кооператив	1	2
7. Крестьянское, фермерское хозяйство	1	2
8. Личное подсобное хозяйство	1	2
9. Индивидуальная трудовая деятельность	1	2
10. Другое (назвать)	1	2
11. Не хочу иметь постоянной работы	1	2
77. Не знаю	1	2

26. Какую работу Вы бы предпочли сегодня, если бы могли выбирать? (Выберите один вариант ответа)

1. Иметь пусть небольшой, но твердый заработок и уверенность в завтрашнем дне.
2. Иметь пусть небольшой, но твердый заработок.
3. Иметь небольшой заработок, но больше свободного времени и более легкую работу.
4. Много зарабатывать, пусть даже без особых гарантий на будущее.
5. Иметь собственное дело, вести его на свой страх и риск.
77. Не знаю.

27. Имеете ли Вы на основной работе подчиненных? (Выберите один вариант ответа)

1. Нет, не имею.
2. Менее 5 человек.
3. 5-10 человек.
4. 11-50 человек.
5. 51-100 человек.
6. Более 100 человек.

28. Какое из следующих высказываний лучше всего характеризует материальное положение сегодня - Ваше, Вашей семьи?

(Выберите один вариант ответа)

1. Денег не хватает на повседневные затраты.
2. На повседневные затраты уходит вся зарплата.
3. На повседневные затраты хватает, но покупка одежды затруднительна.
4. В основном хватает, но для покупки дорогостоящих предметов нужно брать в долг.
5. Почти на все хватает, но затруднено приобретение квартиры, дачи.
6. Практически ни в чем себе не отказываем.

28.1. Вы и Ваша семья стали жить лучше по сравнению с прошлым годом или хуже?

(Выберите один вариант ответа)

1. Стали жить намного лучше.
2. Стали жить несколько лучше.
3. Ничего не изменилось.
4. Стали жить несколько хуже.
5. Стали жить намного хуже.
77. Не знаю.

29. Как Вы думаете, в ближайшем году Вы и Ваша семья будете жить лучше, чем сегодня, или хуже?

(Выберите один вариант ответа)

1. Будем жить значительно лучше.
2. Будем жить несколько лучше.
3. Ничего не изменится.
4. Будем жить несколько хуже.
5. Будем жить значительно хуже.
77. Не знаю.

30. А теперь давайте уточним, к каким социальным слоям Вы относите себя: в своем городе (селе), в регионе и в масштабе всей страны?

(Выберите один вариант ответа в каждом столбце)

	Город/село	Регион	Страна
1. Высший слой	1	1	1
2. Слой выше среднего	2	2	2
3. Средний слой	3	3	3

4. Слой ниже среднег.	4	4	4
5. Нижний слой	5	5	5
77. Не знаю	77	77	77

31. На Ваш взгляд, в какой мере приносят пользу российскому обществу представители следующих социально-профессиональных групп?

(Обведите один код в каждой строке)

Социально-профессиональные группы	Приносят обществу только пользу	Приносят обществу больше пользы, чем вреда	Трудно сказать точно	Приносят обществу больше вреда, чем пользы	Приносят обществу только вред
1. Государственные гражданские служащие	5	4	3	2	1
2. Высшие государственные чиновники	5	4	3	2	1
3. Военнослужащие	5	4	3	2	1
4. Судьи	5	4	3	2	1
5. Правоохранители	5	4	3	2	1
6. Государственные муниципальные служащие	5	4	3	2	1
7. Политики	5	4	3	2	1
8. Депутаты					
9. Бюджетники (врачи, учителя, библиотекари и др.)	5	4	3	2	1
10. Спецслужбы	5	4	3	2	1
11. Казаки	5	4	3	2	1
12. Лица свободных профессий (писатели, художники, дизайнеры, артисты, м.б. специалисты в сфере ИТ и т.п.)	5	4	3	2	1
13. Наемные работники (в широком понимании: все, кто работает по найму)	5	4	3	2	1
14. Представители малого бизнес	5	4	3	2	1
15. Представители среднего бизнеса	5	4	3	2	1
16. Представители крупного бизнеса	5	4	3	2	1
17. Студенты	5	4	3	2	1
18. Трудовые мигранты	5	4	3	2	1
19. Пенсионеры	5	4	3	2	1
20. Инвалиды					
21. Безработные	5	4	3	2	1
22. Заключенные	5	4	3	2	1
23. Другие (отметьте, кто именно)	5	4	3	2	1

31.1. В настоящий момент к какой из вышеперечисленных социально-профессиональных групп Вы принадлежите?

УКАЖИТЕ НОМЕР ПОЗИЦИИ _____

**31.2. Как вы относитесь к следующим суждениям?
(Выберите один вариант ответа в каждой строке)**

	Согласен	Согласен частично	Не согласен
После смерти человек продолжает жить в своих делах, пока его помнят люди	3	2	1
После своей смерти человек продолжает жить в своих детях и внуках	3	2	1
После смерти человека исчезает всё, поэтому любые дела и стремления напрасны	3	2	1
После смерти человека душа его вновь появляется в этом мире, но уже в ином телесном облике.	3	2	1
После смерти ничего не будет, поэтому надо взять от жизни всё, что возможно	3	2	1
После смерти человека душа его попадает в ад или рай в зависимости от того, как он прожил жизнь.	3	2	1

III. ТЕПЕРЬ ОБРАТИМСЯ К ТОМУ, КАК ВЫ УЧАСТВУЕТЕ В КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ РЕГИОНА

32. Какие Вы читаете газеты?

1. Региональные, местные.
2. Центральные.
3. Те и другие.
4. Никакие.

33. Какие передачи Вы чаще смотрите по телевизору – региональные, местные или центральные?

1. Чаще региональные, местные.
2. Чаще центральные.
3. Те и другие в равной мере.
4. Никакие.

34. Что Вас больше интересует на телевидении?

(Отметьте не более трех вариантов)

1. Экономические новости.

2. Политические новости.
3. Спорт.
4. Музыкальные передачи, ток-шоу.
5. Художественные фильмы, спектакли.
6. Сериалы, детективы.
7. Другое (отметьте) _____

**35. Среди каких людей Вы встречаете наибольшее взаимопонимание?
(Отметьте не более трех пунктов, особенно важных именно для Вас)**

1. В семье.
2. В компании друзей.
3. Среди соседей.
4. На работе.
5. В кругу единомышленников.
6. Другое.
7. Нигде.

**36. Как часто Вы посещали в последний год
(Обведите один код в каждой строке)**

	Раз в неделю	1-3 раза в месяц	1-3 раза в полгода	Раз в год и реже	Затрудняюсь ответить
Библиотека	1	2	3	4	77
Театр	1	2	3	4	77
Цирк	1	2	3	4	77
Музей	1	2	3	4	77
Стадион	1	2	3	4	77
Клуб по интересам	1	2	3	4	77
Дисотека	1	2	3	4	77
Кинотеатр	1	2	3	4	77
Концертный зал	1	2	3	4	77
Выставка	1	2	3	4	77

**37. Используете ли Вы
(Обведите один код в каждой строке)**

Средства коммуникации	Нет	Да
Мобильный телефон	1	2
Компьютер	1	2
Интернет	1	2

38. А теперь прошу Вас сказать, согласны Вы или не согласны со следующими суждениями. Для ответа используйте 11-балльную шкалу, которая представлена ниже: по каждому высказыванию укажите один номер.

Совершенно не согласен							Полностью согласен			
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11

«01» означает, что Вы с этим высказыванием совершенно не согласны; «11» - Вы с этим высказыванием полностью согласны. Остальные цифры шкалы отражают различную степень Вашего согласия или несогласия с этим высказыванием.

*По этим вопросам нет правильных или неправильных мнений, важно лишь, чтобы Вы выразили **свое собственное мнение**. Если Вы затрудняетесь оценить данное высказывание, впишите «77», а если отказываетесь давать оценку – «88».*

Суждения	Баллы
1. В любых условиях красота делает человека лучше и чище	
2. Главное в жизни – забота о своем здоровье и благополучии	
3. Бывают обстоятельства, когда человек сам, по своей воле может посягнуть на жизнь другого человека	
4. Свобода человека – это то, без чего его жизнь теряет смысл	
5. Только содержательная, интересная работа заслуживает того, чтобы заниматься ею как основным делом жизни	
6. Личная безопасность человека должна обеспечиваться законом и правоохранительными органами	
7. В жизни главное внимание нужно уделять тому, чтобы установить хорошие семейные и дружеские отношения	
8. Люди и государство должны больше всего заботиться о детях	
9. Я стал таким, какой я есть, главным образом благодаря собственным усилиям	
10. Человек должен стремиться к тому, чтобы у него в первую очередь была власть, возможность оказывать влияние на других	
11. Нравственный, совестливый человек должен помогать бедным и слабым, даже если ему приходится отрывать что-то от себя	
12. Главное – это инициатива, предприимчивость, поиск нового в работе и жизни, даже если оказываешься в меньшинстве	
13. Самое ценное на свете – это человеческая жизнь и никто не вправе лишать человека жизни ни при каких обстоятельствах	
14. Главное – это уважение к сложившимся обычаям, традициям	

39. Что, по Вашему мнению, сегодня мешает созданию семьи или ведет к ее разрушению? Отметьте не более двух причин.

1. Думаю, дело главным образом в характере людей, в их эмоциях.
2. Многое зависит от нравственности людей, от приверженности нормам религии.
3. Скорее, человек рассчитывает, что ему выгоднее: сохранить семью или покинуть её.
4. Часто мешают плохие жилищные условия.
5. У многих просто нет средств, чтобы нормально обеспечить семью.
6. Другое (назовите) _____
7. Не знаю

40. Что, по Вашему мнению, мешает росту численности населения в нашем регионе? Отметьте не более двух причин.

1. Многие считают, что в наше время достаточно иметь одного ребенка.
2. Государство фактически не поддерживает материально семьи с детьми.
3. Плохие жилищные условия.
4. Низкие доходы.
5. Плохая медицинская помощь женщинам во время беременности, при родах.
6. Другое (назовите) _____
7. Ничто не мешает в нашем регионе росту численности населения.
7. Затрудняюсь ответить.

41. Почему, по Вашему мнению, продолжительность жизни мужчин в нашем регионе заметно меньше, чем женщин? Пожалуйста, отметьте значимость возможных причин: от менее значимой (1 балл) до самой значимой (10 баллов) (Можно выбрать столько вариантов ответа, сколько необходимо)

Причины	Баллы
1. Многие мужчины заняты на тяжелой и вредной работе	
2. У нас много хулиганства, нередко драки заканчиваются увечьями, убийством	
3. Нередко молодые парни погибают во время службы в армии	
4. Мужчины много пьют водку, к тому же низкого качества, самогон	
5. Мужчины меньше заботятся о своем здоровье, не обращаются к врачам	
6. Другое (назовите) _____	
7. Нет, в нашей местности мужчины живут не меньше, чем женщины	
8. Скучная, серая жизнь, без творчества на работе и дома, без участия в общественной жизни	
7. Затрудняюсь ответить	

42. Что Вы можете сказать о своей религиозности? (Выберите один вариант ответа)

1. Верующий человек
2. Скорее верующий, чем неверующий
3. Скорее неверующий, чем верующий
4. Неверующий (перейдите к вопросу № 44)

5. Атеист (*перейдите к вопросу № 44*)

43. Верования какой религии, вероисповедания Вы разделяете?

(Выберите один вариант ответа)

1. Православие.
2. Ислам.
3. Иудаизм.
4. Буддизм.
5. Протестантизм.
6. Католицизм.
7. Другие (назвать) _____

44. Назовите, пожалуйста, какие именно памятники истории и культуры в нашем регионе нуждаются в срочном ремонте, восстановлении (реставрации)

1. _____
 2. _____
 3. _____
77. Не знаю.

***IV. ДАВАЙТЕ ПОГОВОРИМ О ТОМ, ЧТО ВЫ ЗНАЕТЕ
ОБ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ РЕГИОНА, КАК ВЫ В НЕЙ УЧАСТВУЕТЕ***

45. Пожалуйста, припомните, по каким важным вопросам региональные (краевые), местные власти приняли постановления за последний год

1. _____
2. _____
3. _____

46. Насколько сегодня Вы лично чувствуете себя защищенным от различных опасностей?

(Обведите один код в каждой строке)

От каких опасностей	Защищен	Пожалуй, защищен	Трудно сказать	Пожалуй, не защищен	Совсем не защищен
1. От экологической угрозы	1	2	3	4	5
2. От притеснений из-за Вашего возраста или пола	1	2	3	4	5
3. От произвола чиновников	1	2	3	4	5
4. От ущемления из-за Вашей национальности	1	2	3	4	5
5. От притеснений из-за Ваших	1	2	3	4	5

религиозных убеждений					
6. От произвола правоохранительных органов	1	2	3	4	5
7. От преследований за политические убеждения	1	2	3	4	5
8. От бедности	1	2	3	4	5
9. От одиночества и заброшенности	1	2	3	4	5
10. От преступности	1	2	3	4	5
11. От других опасностей (<i>назовите</i>) _____					

47. Как часто Вам лично приходилось сталкиваться с фактами вымогательства, взяток, коррупции за последние 12 месяцев?

(Выберите один вариант ответа)

1. Лично не сталкивался.
2. Изредка сталкиваюсь с такими фактами.
3. Часто сталкиваюсь с такими фактами.
77. Затрудняюсь сказать.

47.1. Насколько важно для Вас строгое соблюдение следующих прав и свобод в нашей стране?

(Обведите один код в каждой строке)

	Очень важно	Пожалуй, важно	Трудно сказать	Пожалуй, не важно	Совсем не важно	Не знаю
1. Свобода слова	5	4	3	2	1	77
2. Право безопасности и защиты личности	5	4	3	2	1	77
3. Свобода объединений, групп, союзов	5	4	3	2	1	77
4. Право народа на его собственный язык и культуру	5	4	3	2	1	77
5. Религиозные свободы и свобода совести	5	4	3	2	1	77
6. Равенство перед законом	5	4	3	2	1	77
7. Право на труд	5	4	3	2	1	77
8. Право на личную собственность.	5	4	3	2	1	77
9. Право на образование и обучение	5	4	3	2	1	77
10. Право на тайну личной переписки, телефонных разговоров и т.д.	5	4	3	2	1	77

11. Право на эмиграцию	5	4	3	2	1	77
------------------------	---	---	---	---	---	----

48. Сталкивались ли Вы в последние 12 месяцев с нарушениями этих прав и свобод, как Вы поступали в таких случаях и с каким результатом?

(Обведите один код в каждой строке)

	Не сталкивался с нарушением прав	Не пытался отстаивать нарушенные права	Чаще удавалось отстаивать нарушенные права	Чаще не удавалось отстаивать нарушенные права	Никогда не удавалось отстаивать нарушенные права	Не знаю
1. Свобода слова	1	2	3	4	5	77
2. Право на безопасность и защиту личности	1	2	3	4	5	77
3. Свобода объединений, групп, союзов	1	2	3	4	5	77
4. Право народа на его собственный язык и культуру	1	2	3	4	5	77
5. Религиозные свободы и свобода совести	1	2	3	4	5	77
6. Равенство перед законом	1	2	3	4	5	77
7. Право на труд	1	2	3	4	5	77
8. Право частной собственности	1	2	3	4	5	77
9. Право на образование и обучение	1	2	3	4	5	77
10. Право на тайну личной переписки, телефонных разговоров и т.д.	1	2	3	4	5	77
11. Право на эмиграцию	1	2	3	4	5	77

49. Являетесь ли Вы членом какой-либо общественной организации?

(Выберите столько вариантов ответа, сколько необходимо)

1. Политической партии (назовите) _____
2. Профсоюза.
3. Религиозной организации (назовите): _____
4. Других организаций (профессиональных, спортивных, экологических, благотворительных и т.д.) (конкретные названия): _____
5. Не являюсь.

49.1. Представьте себя через десять лет. Какие характеристики, по Вашему мнению, будут присущи Вашей жизни?

(Выберите один вариант ответа в каждой строке)

	Обязательно	Возможно	Маловероятно
1. Активные занятия спортом	3	2	1
2. Материальный достаток	3	2	1
3. Вера в Бога	3	2	1
4. Престиж, восхищение окружающих	3	2	1
5. Хорошие возможности для отдыха, развлечений	3	2	1
6. Хорошая семья	3	2	1
7. Руководящая должность	3	2	1
8. Интересная, творческая работа	3	2	1
9. Регулярное чтение книг, посещение театров, концертов «серьёзной» музыки	3	2	1
10. Жизнь ради людей, независимо от профессии, должности, зачастую в ущерб собственным интересам	3	2	1
11. Духовное развитие, нравственное самосовершенствование	3	2	1

50. Готовы ли Вы принять участие в акциях протеста (против снижения уровня и качества жизни, прав и свобод человека)?

1. Готов.
2. Пожалуй, готов.
3. Пожалуй, не готов.
4. Не готов.
77. Затрудняюсь ответить.

51. Скажите, пожалуйста, в какой мере Вы доверяете или не доверяете региональным (федеральным, краевым, местным) органам управления, организациям?

(Обведите один код в каждой строке)

Региональные органы управления, организации	Полностью доверяю	Пожалуй, доверяю в основном	Трудно сказать точно	Не очень доверяю	Совсем не доверяю	Не знаю
1. Суд	1	2	3	4	5	77
2. Губернатор	1	2	3	4	5	77
3. Профсоюз	1	2	3	4	5	77
4. Прокуратура	1	2	3	4	5	77
5. Полиция	1	2	3	4	5	77
6. ФСБ	1	2	3	4	5	77
7. Правительство региона	1	2	3	4	5	77
8. Политические партии	1	2	3	4	5	77
9. Законодательное собрание	1	2	3	4	5	77
10. СМИ	1	2	3	4	5	77
11. Муниципальные, местные органы управления	1	2	3	4	5	77
12. Президент России	1	2	3	4	5	77
13. Правительство России	1	2	3	4	5	77
14. Госдума России	1	2	3	4	5	77
15. Армия	1	2	3	4	5	77
16. Церковь и духовенство	1	2	3	4	5	77
17. Бог	1	2	3	4	5	77
18. Соотечественники	1	2	3	4	5	77
19. Работодатель (администрация, рук-во)	1	2	3	4	5	77
20. Коллеги	1	2	3	4	5	77
21. Соседи	1	2	3	4	5	77
22. Семья и родственники	1	2	3	4	5	77
23. Я сам	1	2	3	4	5	77
24. Люди, с которыми Вы лично знакомы	1	2	3	4	5	77
25. Люди, с которыми Вы встречаетесь в первый раз	1	2	3	4	5	77
26. Люди другой религии	1	2	3	4	5	77
27. Люди другой национальности	1	2	3	4	5	77

52. Участвовали ли Вы в последние 12 месяцев в создании каких-либо новшеств?
(Обведите не больше одного кода в каждой колонке)

	Новая фирма	Новый продукт	Новая технология	Новая услуга
1. Участвовал как организатор.	1	1	1	1
2. Участвовал наравне с другими.	2	2	2	2

3. Не участвовал.	3	3	3	Переходите к вопросу 54
4. Затрудняюсь ответить.	4	4	4	Переходите к вопросу 54

53. Если Вы участвовали в создании и/или внедрении нового, то встретили ли Вы поддержку или противодействие при внедрении новшеств?

(Обведите один или несколько кодов в каждой колонке)

Поддержка или противодействие	Новая фирма	Новый продукт	Новая технология	Новая услуга
1. Поддержка кредитом.	1	1	1	1
2. Поддержка администрации.	2	2	2	2
3. Поддержка друзей.	3	3	3	3
4. Противодействие конкурентов.	4	4	4	4
5. Противодействие чиновников.	5	5	5	5
6. Не встречал ни поддержки, ни противодействия.	6	6	6	6
7. Затрудняюсь ответить.	77	77	77	77

V. В ЗАКЛЮЧЕНИЕ НЕСКОЛЬКО ВОПРОСОВ БИОГРАФИЧЕСКОГО ХАРАКТЕРА

54 . В каком году Вы родились? В 19__ году

55. Ваше семейное положение?

(Выберите один вариант ответа)

1. Женат/замужем
2. Разведен/разведена
3. Холост/не замужем
4. Вдовец/вдова

56. Сколько у Вас детей?

1. Один ребенок
2. Два ребенка
3. Трое и больше детей
4. Нет детей

56.1. Как Вы оцениваете своё материальное благосостояние?

(Один вариант ответа)

1. Живу достаточно обеспеченно, могу покупать дорогие вещи.
2. Отношусь к среднеобеспеченным, на покупку дорогих вещей приходится копить деньги.
3. Отношусь к малообеспеченным, денег едва хватает на питание.

4. Живу очень бедно, денег не хватает даже на питание.

57. Ваше образование:

(один вариант ответа)

1. Без образования, начальное образование.
2. Незаконченное среднее.
3. Среднее общее.
4. Начальное специальное.
5. Среднее специальное.
6. Незаконченное высшее.
7. Высшее (бакалавр, специалист, магистр).
8. Послевузовское (второе высшее, аспирантура и др.).

58. Ваша национальность? _____

59. Скажите, пожалуйста, возможно откровеннее: насколько интересной для Вас была наша беседа?

1. Было интересно, я буду рад(а) пообщаться снова.
2. Нормальная беседа.
3. Я ожидал большего.
77. Затрудняюсь ответить.

Интервью закончилось: _____ час. _____ мин.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ ИНТЕРВЬЮ

60. ИНТЕРВЬЮЕР, отметьте пол респондента

1. Мужчина
2. Женщина

61. ИНТЕРВЬЮЕР, приведите название города (поселка, села, деревни) и административного района (для сельской местности), где живет респондент; не обращаясь к респонденту, отметьте в соответствии с «Бланком поиска респондентов, к какому типу поселения относится этот населенный пункт.

Название поселения: _____

Тип поселения:

1. Деревня, село (обычно здесь сельсовет, храм)
2. Поселок городского типа (рабочий поселок)
3. Малый город (до 100 тыс. жителей)
4. Средний город (100-500 тыс. жителей)
5. Крупный город (более 500 тыс. жителей)
6. Большой город (более 1 млн жителей)

Приложение 2

ГАЙД-ИНТЕРВЬЮ

Тема: «Социокультурные аспекты жизни населения Красноярского края»

Введение – коротко.

Представление: Как Вас зовут? Сколько Вам лет? Где и кем работаете? Где Вы живете? Какое у Вас образование, кто Вы по специальности? Ваше семейное положение, кратко опишите свою семью, с кем Вы проживаете. В каких жилищных условиях Вы живете?

1. Как Вы считаете, отличается ли сибиряк от: 1) жителя Западных регионов России; 2) жителя Урала; 3) жителей Дальнего Востока; 4) жителя Москвы? Если да, то чем? В чем конкретно проявляются различия?

Считаете ли Вы себя сибиряком? Почему да / почему нет?

Какой, по-вашему, типичный сибиряк?

А типичный россиянин, житель России в целом?

Кто Вы по национальности? Кем еще Вы себя считаете, кто Вы еще? К какой социальной группе Вы относитесь (*по роду занятий, например, госслужащий, пенсионер, рабочий и т.п.*)? А к какому социальному слою Вы бы себя отнесли?

2. Каким Вы представляете современное российское общество?

Дайте три самые существенные характеристики.

3. Какой Вы представляете федеральную власть?

Дайте три самые существенные характеристики.

4. Какой Вы представляете региональную власть?

Дайте три самые существенные характеристики.

5. Каким Вы представляете наш регион – Красноярский край. Дайте три самые существенные характеристики.

6. А Россию в целом? Дайте три самые существенные характеристики.

7. Представьте, что наш регион – это живой человек. Опишите его.

8. А как бы Вы описали Россию в образе человека?

9. Если бы наш регион был животным, птицей, рыбой, насекомым, растением и т.п., кем\чем Вы его представляете?

10. Как Вы представляете Россию?

11. Укажите, на какой стадии находятся, по Вашему мнению, Красноярский край и Россия в целом?

(Распечатать таблицу и показать респонденту.)

Стадии	рождение	развитие	расцвет	угасание	исчезновение
Красноярский край	1	2	3	4	5
Россия	1	2	3	4	5

12. Если сравнить с периодом социализма, то, как Вы думаете, какие тенденции в развитии России сегодня преобладают:

(Зачитать вслух варианты ответа)

- а) подъем на более высокую ступень;
- б) деградация.

13. Какое у нас общество? Какой строй? Какая политическая система?

Как вы считаете, какая политическая система соответствует российской специфике:

(Зачитать вслух варианты ответа)

- а) демократия западного типа;
- б) авторитарный режим;
- в) система советского типа;
- г) общественное самоуправление;
- д) религиозное государство;
- е) фашизм;
- ж) другое (*укажите, что именно* _____)

Какая идея могла бы интегрировать российское общество:

(Зачитать вслух варианты ответа)

- а) идея коммунизма;
- б) идея социализма;
- в) религиозная идея;
- г) идея духовного возрождения России;
- д) идея русской национальной самобытности;
- е) другая идея (*укажите, какая именно* _____)

14. Кто для Вас элита? Кого можно к ней отнести в нашем регионе? А в масштабах страны? Насколько, в какой мере она выражает интересы общества? А нашего региона?

15. По Вашей оценке, каких изменений в настроении жителей Красноярского края можно ожидать в ближайшие полгода?

(Поочередно называть респонденту альтернативы и просить выбрать вариант А или Б)

	А	Б
1	Апатия будет проходить	Апатия будет расти
2	Удовлетворенность жизнью будет расти	Удовлетворенность жизнью будет снижаться
3	Доверие к власти будет расти	Доверие к власти будет уменьшаться
4	Опасность массовых выступлений уменьшится	Опасность массовых выступлений возрастет
5	Социальное самочувствие жителей края будет ухудшаться	Социальное самочувствие жителей края будет улучшаться
6	Уровень жизни населения будет снижаться	Уровень жизни населения будет повышаться
7	Уверенность жителей края в завтрашнем дне снизится	Уверенность жителей края в завтрашнем дне повысится
8	Ничего не изменится	

16. Какие острые социальные проблемы, особенно актуальные для Красноярского края и требующие немедленного решения, Вы могли бы назвать? Назовите три самых важных проблемы.

17. Оценка деятельности краевой и муниципальной власти. Какую оценку Вы бы дали работе краевых властей? А муниципальных (Вашего города / поселка)? Как Вы считаете, что положительного сделал губернатор для нашего края за последние два года? Что сделали полезного руководство края / республики для нашего региона за последние два года? Какие успехи и неудачи Вы могли бы назвать? Что должно сделать руководство региона для его развития?

18. Как Вы относитесь к тем людям, которые приезжают в наши края: а) приезжающие для временных заработков; б) приезжающие на постоянное место жительства; в) приезжающие из других регионов РФ; г) приезжающие из ближнего зарубежья (СНГ); приезжающие из дальнего зарубежья (например, Китай, Вьетнам и др.)?

19. Как Вы считаете, есть ли у России внешние враги? Кто? А друзья? Кто? Как вы полагаете, есть ли у России внутренние враги? Кто? А друзья?

20. Сейчас часто говорят и пишут об инновациях и модернизации. По-вашему, что они означают? Для чего они нужны?

Поблагодарите респондента за интервью, спросите его мнение о Вашей беседе, было ли ему интересно, какое у него настроение, хотел бы он что-то добавить к сказанному в интервью.

Отметьте длительность интервью, дату и место вашей беседы.

Приложение 3

АНКЕТА ЭКСПЕРТА

Уважаемый эксперт!

Отделение социологии и общественных связей Сибирского федерального университета проводит экспертный опрос о различных социокультурных проблемах жизни населения Красноярского края. Ваши ответы помогут составить картину социальной жизни региона. Просим Вас принять участие в этом опросе. Результаты опроса будут представлены в обобщенном виде после обработки данных на компьютере, без упоминания имен и фамилий экспертов. Беседа займет у Вас некоторое время. Надеемся, Вы откровенно поделитесь своим мнением и Вам это будет интересно.

1. Можно выделить следующие базовые социокультурные типы регионов:

I. Функционально сбалансированный, многоаспектно поддерживающий человека. Специфицирующие факторы: согласованность действий власти с предпочтениями населения; последовательное снижение остроты проблем-опасностей, нарушений прав человека и гражданина; поддержание баланса инвестиций в социально-экономическое развитие и в воспроизводство историко-культурного своеобразия; осуществление стратегии инновационного развития, роста среднего класса, роли информационного технологического уклада.

II. Функционально несбалансированный, декларирующий поддержку человека. Специфицирующие факторы: рассогласованность действий власти с предпочтениями населения; воспроизводство коррупции, проблем-опасностей, нарушений прав человека и гражданина; демонстрация внимания к проблемам духовности, религии; доминирование индустриального технологического уклада.

III. Функционально разбалансированный, принижающий положение человека.

Специфицирующие факторы: конфликтность проектов и действий власти по отношению к ожиданиям, предпочтениям населения; рост коррупции, проблем-опасностей, нарушений прав человека и гражданина; принятие нормативных актов, ущемляющих права граждан, препятствующих их экономической и гражданской активности; отсутствие у властей долгосрочной стратегии, погоня деловых кругов за сиюминутной выгодой.

1 _____ 2 _____ 3 _____ 4 _____ 5 _____ 6 _____ 7 _____ 8 _____ 9
(тип I) (тип II) (тип III)

На этой шкале цифры 2, 5, 8 наиболее соответствуют средним характеристикам регионов, описанных выше как типы I, II, III. Крайние цифры (1 и 9) соответствуют максимальным характеристикам соответствующих типов (I и III), а промежуточные цифры (3 и 4, 6 и 7) соответствуют характеристикам промежуточных, синкретичных вариантов того или иного типа региона. **Выберите в качестве оценки одну из девяти цифр.** Допустим также, что подобная типология и способ получения экспертных оценок

применимы не только к регионам, но и к России в целом как большому территориальному сообществу.

Пометьте цифрами шкалы: а) Красноярский край; б) Россию.

Ваша оценка: **Красноярский край = ___**
 Россия = ___

Заключительная просьба: пожалуйста, отметьте степень уверенности в своих оценках по 10-балльной шкале:

для Красноярского края = 1___2___3___4___5___6___7___8___9___10

для России = 1___2___3___4___5___6___7___8___9___10

1. Каким Вы представляете современное российское общество?

Дайте **три** самые существенные характеристики:

1. _____
2. _____
3. _____

2. Какой Вы представляете федеральную власть?

Дайте **три** самые существенные характеристики:

1. _____
2. _____
3. _____

3. Какой Вы представляете региональную власть?

Дайте **три** самые существенные характеристики:

1. _____
2. _____
3. _____

4. Каким Вы представляете наш регион – Красноярский край?

Дайте **три** самые существенные характеристики:

1. _____
2. _____
3. _____

5. А Россию в целом? Дайте три самые существенные характеристики:

1. _____
2. _____
3. _____

6. Представьте, что наш регион – это живой человек. Опишите его:

7. А как бы Вы описали Россию в образе человека?

8. Если бы наш регион был животным, птицей, рыбой, насекомым, растением и т.п. – расскажите, как Вы его представляете:

9. Как Вы представляете Россию?

10. Укажите, на какой стадии находятся, по Вашему мнению, Красноярский край и Россия в целом?

Стадии	рождение	развитие	расцвет	угасание	исчезновение
Красноярский край	1	2	3	4	5
Россия	1	2	3	4	5

11. Если сравнить с периодом социализма, то, как Вы думаете, какие тенденции в развитии России сегодня преобладают:

- а) подъем на более высокую ступень;
- б) деградация;
- в) затрудняюсь ответить.

12. Какая политическая система соответствует российской специфике:

(Выберите один вариант ответа)

- а) демократия западного типа;
- б) авторитарный режим;
- в) система советского типа;
- г) общественное самоуправление;
- д) религиозное государство;
- е) фашизм;
- ж) другое (укажите, что именно _____)

13. Какая идея могла бы интегрировать российское общество?

(Выберите один вариант ответа)

- а) идея коммунизма
- б) идея социализма

- в) религиозная идея
- г) идея духовного возрождения России
- д) идея русской национальной самобытности
- е) другая идея (*укажите, какая именно*) _____

14. По Вашей оценке, каких изменений в настроении жителей Красноярского края можно ожидать в ближайшие полгода:

(*Выберите в каждой строке один вариант, колонку А или Б*)

	А	Б
1	Апатия будет проходить	Апатия будет расти
2	Удовлетворенность жизнью будет расти	Удовлетворенность жизнью будет снижаться
3	Доверие к власти будет расти	Доверие к власти будет уменьшаться
4	Опасность массовых выступлений уменьшится	Опасность массовых выступлений возрастет
5	Социальное самочувствие жителей края будет ухудшаться	Социальное самочувствие жителей края будет улучшаться
6	Уровень жизни населения будет снижаться	Уровень жизни населения будет повышаться
7	Уверенность жителей края в завтрашнем дне снизится	Уверенность жителей края в завтрашнем дне повысится
8	Ничего не изменится	

15. Какие острые социальные проблемы, особенно актуальные для Красноярского края и требующие немедленного решения, Вы могли бы назвать?

1. _____
2. _____
3. _____

16. Ваш пол:

1. Мужской.
2. Женский.

17. Ваш возраст:

1. До 25 лет.
2. 25-34 лет.
3. 35-44 лет.
4. 45-55 лет.
5. Более 55 лет.

18. Ваша сфера деятельности и профессия: _____

19. Ваша должность: _____

БЛАГОДАРИМ ВАС ЗА УЧАСТИЕ!

Научное издание

Немировский Валентин Геннадьевич

**Регионы Восточной и Западной Сибири в контексте социокультурных
трансформаций и модернизационных процессов в России
(2010 – 2012 гг.)**

Редактор И.А. Вейсиг
Корректор Т.А. Загидулина

Подписано в печать 29.10.2012 г. Печать плоская.
Формат 60x84/16. Бумага офсетная
Усл.-печ. л. 11.5. Тираж 100 экз. Заказ 9929

Издательский центр
Библиотечно-издательского комплекса
Сибирского федерального университета
660041, г. Красноярск, пр. Свободный, 79.
Тел/факс (391) 206-21-49, e-mail rio@lan/ krasu. ru

Отпечатано Полиграфическим центром
Библиотечно-издательского комплекса
Сибирского федерального университета
660041, г. Красноярск, пр. Свободный, 82а